Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Липецкий филиал

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

МАТЕРИАЛЫ VI ВНУТРИВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

06 февраля 2026 г.
(г. Липецк)

Липецк-2026

Редактор:
Шагунова Валентина Марифовна, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Липецкого филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Противодействие преступности: современное состояние, особенности и проблемы: материалы VI Внутривузовской научно-практической конференции (Липецк, 06 февраля 2026 г.) / под общ. ред. В.М. Шагуновой – 2026 – 149 с.

Материалы сборника научных трудов участников VI Внутривузовской научно-практической конференции «Противодействие преступности: современное состояние, особенности и проблемы», состоявшейся 06 февраля 2026 г. в г. Липецк, посвящены рассмотрению актуальных вопросов теории и практики борьбы с правонарушениями в условиях цифровой трансформации общества. В сборнике представлены исследования студентов и магистрантов из России.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2026
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Азарова Е.С.
История развития уголовной ответственности за мошенничество 6
Анютина А.А.
Совершенствование механизма противодействия насильственным преступлениям, совершаемым по мотивам национальной ненависти или вражды 10
Батова Ю.А.
Уголовно-процессуальные акты стадии апелляционного и кассационного производств 14
Батова Ю.А.
Уголовная ответственность за убийство из хулиганских побуждений 18
Бирюкова У.И.
Использование электронных баз данных и искусственного интеллекта при составлении и хранении уголовно-процессуальных актов 22
Болдырева Ю.А.
Особенности постановления о возбуждении уголовного дела как уголовно-процессуального акта 26
Гальцова С.А.
Методология деятельности по составлению уголовно-процессуальных актов 30
Дворянкина А.А.
Уголовно-процессуальные акты досудебных стадий: система, юридическая природа и актуальные проблемы правоприменения 34
Еремкина К.К.
Роль уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия в системе государственного управления 39
Карасёва А.А.
Виды и этапы квалификации преступлений 45
Коновалова А.Р.
Уголовно-правовая характеристика хищения цифровых финансовых активов и цифровой валюты 49
Корбут А.Д.
Уголовно-процессуальные акты выносимые, при применении мер процессуального принуждения 52
Коротаева Э.О.
Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров 56

Котюкова А.О.
Преступление и административное правонарушение: критерии разграничения 62
Леденев Д.В.
Личность преступника в рамках криминологической характеристики вандализма 65
Лоис Р.С.
Уголовно-правовая защита права пациента на информированное добровольное согласие: проблемы квалификации 69
Ляпина Д.К.
Корыстные преступления против собственности 72
Макарова М.Е.
Противодействие преступлениям против правосудия как условие правовой защиты личности в современных условиях 76
Меркулова Д.А.
Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества 79
Миронова А.Ю.
О некоторых вопросах эффективности противодействия экстремизму в современной России 85
Мошкарова Е.В.
Преступления террористической направленности 90
Овчарова В.М.
Процессуальные акты, составляемые при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних 95
Распадаев М.А.
Система волонтерской деятельности и модели волонтерской деятельности……..…101
Селищева О.С.
Судебные акты об избрании мер уголовно-процессуального принуждения: проблемы теории и практики 105
Смирнова И.А.
Правовая природа, значение и понятие уголовно-процессуальных актов ……108
Соколова О.П.
Отсрочка или освобождение от уголовного наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время 113
Сокольских С.Р.
Разграничение разглашения данных предварительного расследования со смежными составами преступлений 118

Сысоева Н.А.
Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «интернет»)..... 123
Толстых Н.В.
Уголовно-процессуальные акты, выносимые при реабилитации 126
Ширяева С.В.
Оперативно-розыскная характеристика преступлений против свободы, чести и достоинства личности..... 132
Шмелева С.Ю.
Проблема разграничения врачебной ошибки и преступной неосторожности в уголовном праве России: пути легальной диффернциации..... 135
Шмелева С.Ю.
Комплексная судебная медико-правовая экспертиза как базис доказывания по делам о ятрогенных преступлениях: аргументы в пользу её процессуальной легализации..... 139
Щербатых В.Н.
Понятие и значение превышения должностных полномочий..... 144

Азарова Е.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО

Аннотация

В статье исследованы история развития уголовной ответственности за мошенничество в российском уголовном праве, в том числе развитие и становление основных признаков и элементов состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за мошенничество.

Ключевые слова: мошенничество, хищение чужого имущества, злоупотребление доверием, обман, специальные виды мошенничества.

Развитие уголовной ответственности за мошенничество представляет собой длительный исторический процесс, обусловленный изменением социально-экономических условий, форм собственности и уровня правового регулирования имущественных отношений. Современное понимание мошенничества как самостоятельного состава преступления сформировалось не сразу, а является результатом эволюции правовых норм, регулирующих ответственность за посягательства на имущество.

Русская Правда является одним из древнейших источников права Древней Руси, отражающим ранний этап развития уголовно-правового регулирования имущественных отношений. На ранних этапах развития русского уголовного права мошенничество не выделялось в качестве самостоятельного преступления. Русская Правда не содержала четкое разграничение форм хищения, а деяния, связанные с обманом, рассматривались в рамках общих имущественных правонарушений. Основное внимание уделялось факту причинения имущественного ущерба, а способы его совершения, включая обман, не имели самостоятельного уголовно-правового значения.

Основное внимание в Русской Правде уделяется защите собственности от прямых форм посягательства, прежде всего: татьбы (кражи), разбоя, грабежа.

При этом способы совершения посягательства, включая обман при совершении хищения чужого имущества, не имеют

самостоятельного юридического значения, поскольку фиксируется сам факт причинения имущественного ущерба, а не механизм его достижения.

Тем не менее, в нормах Русской Правды можно выделить отдельные положения, косвенно затрагивающие обман:

1) обман в обязательственных отношениях. В ряде статей регулируются долговые и торговые отношения, где прослеживается необходимость добросовестности сторон. Нарушение обязательств, введение в заблуждение фактически воспринимались как имущественное правонарушение, однако не выделялись как преступление, но влекли, как правило, «гражданско-правовые последствия» в виде штрафа, называемые – вира.

2) ответственность за злоупотребление доверием. Отдельные нормы, касающиеся хранения чужого имущества (поклажи), содержат элементы регулирования доверительных отношений. Если лицо, принявшее имущество на хранение, распоряжалось им вопреки воле собственника, это рассматривалось как нарушение имущественных прав. Однако важно, что отсутствует понятие «злоупотребления доверием» как способ хищения и нет разграничения между формами завладения имуществом.

Таким образом, можно сделать вывод, что мошенничество как самостоятельное преступление или обман как способ совершения хищения чужого имущества не выделялся в самостоятельный состав или в один из способов совершения преступного посягательства.

Следующим источником развития уголовной ответственности за мошенничество можно Соборное уложение 1649 года, которое ознаменовало новый этап развития русского уголовного права, связанный с усилением государственной власти и усложнением экономических отношений. В отличие от Русской Правды, в Соборном уложении наблюдается более детальная регламентация имущественных преступлений и попытка учитывать «способы совершения деяния». Несмотря на более широкое развитие законодательства – мошенничество как самостоятельный состав преступления отсутствует и Соборное уложение 1649 года не предусматривает терминологическое закрепление обмана как способа хищения. Однако, обман начинает учитываться как «обстоятельство совершения преступления». В нормах Соборного уложения можно выделить положения, где лицо вводит другого в заблуждение, использует доверие, незаконно завладевает имуществом и такие деяния квалифицируются как разновидности кражи, либо как иные имущественные преступления.

Система наказаний в Соборном уложении представлялась в более жестокой форме, широко применялись телесные наказания и к назначению ответственности за противоправные деяния предполагался сословный подход, при этом способы совершения преступления (в том числе обман) начинают влиять на строгость наказания.

Таким образом, мошенничество еще не выделили в самостоятельный состав, однако начал формироваться его основной признак – обман, как способ совершения хищения.

Значительный этап в развитии уголовной ответственности за мошенничество связан с принятием Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В отличие от предшествующих нормативных актов, данный документ закрепил более развитую систему имущественных преступлений и впервые придал мошенничеству признаки самостоятельного уголовно-правового явления [1, с. 77].

В Уложении 1845 года мошенничество впервые получает относительно самостоятельное нормативное оформление. Хотя терминологически и системно оно еще не полностью совпадает с современным пониманием, законодатель уже выделяет обман как специфический способ завладения имуществом, разграничивает формы имущественных посягательств и придает значение введению в заблуждение потерпевшего. Основная особенность данного этапа развития уголовного законодательства в части развития уголовной ответственности за мошенничество – обман перестает быть второстепенным элементом, он становится ключевым признаком деяния.

В Уложении закрепляются деяния, которые по своей сути соответствуют современному мошенничеству. К ним относились [1, с. 78]:

1) получение имущества путем сообщения ложных сведений;

2) введение в заблуждение относительно фактов, имеющих значение для сделки;

3) злоупотребление доверием при передаче имущества;

4) совершение фиктивных сделок с целью извлечения имущественной выгоды.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Уложении формируются два базовых способа совершения преступлений – обман и злоупотребление доверием, именно эти элементы впоследствии легли в основу современной конструкции мошенничества.

Уложение также предусмотрело разграничение мошенничества с кражей и грабежом. Критерий разграничения схожи с современными: при краже – тайное изъятие, при грабеже – открытое хищение, при

мошенничестве – добровольная передача имущества под влиянием обмана

В советский период уголовное законодательство продолжило развитие данного института. В Уголовный кодекс РСФСР 1922 года и последующих редакциях мошенничество закрепляется как самостоятельное преступление против собственности.

Мошенничество в УК РСФСР 1922 года закреплено как получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана. Под обманом тогда понимали сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно. Тогда существовала норма о мошенничестве, вред (убытки) по которому причинялся бы не физическому лицу, а государственному или общественному учреждению, наказание за которое было суровее, чем за совершение мошенничества в отношении физического лица [2, с. 55].

В Уголовном кодексе РСФСР 1925 года изменилась формулировка нормы о мошенничестве, так мошенничество – злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод. Законодатель убрал корыстную цель, внесенную ранее, и добавил «личные выгоды», определение которых не раскрыто [3, с. 157].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года с последней редакцией в 1996 году закрепило мошенничество как завладение чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество путем обмана либо злоупотребления доверием. Тогда же впервые были внесены квалифицирующие признаки мошенничества, среди которых мошенничество [3, с. 158]:

1) совершенное повторно;
2) совершенное по предварительному сговору группой лиц
3) совершенное в крупных размерах
4) совершенное организованной группой
5) совершенное особо опасным рецидивистом.

Современный этап развития уголовной ответственности за мошенничество связан с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. В данном нормативном акте мошенничество закреплено в статье 159 УК РФ как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [3, с. 159].

Существенной особенностью современного этапа является дальнейшая дифференциация составов мошенничества, включая выделение специальных видов (мошенничество в сфере кредитования,

страхования, компьютерной информации и другие), что отражает развитие экономических отношений и появление новых способов совершения данного преступления.

Таким образом, история развития уголовной ответственности за мошенничество свидетельствует о постепенном усложнении и уточнении правового регулирования данного деяния. От первоначального отсутствия самостоятельного состава и включения мошеннических действий в общие категории имущественных преступлений законодатель перешел к формированию детализированной системы норм, учитывающей различные способы и формы совершения мошенничества с разделением их на специальных составы в зависимости от сфер и видов совершения преступного посягательства.

Список цитируемой литературы:

1. Коваленко, О.Ю. Ретроспективный обзор уголовной ответственности за мошенничество в российском праве / О.Ю. Коваленко // Журнал: Молодой ученый. – 2025. – № 38 (589). – С. 76-79.

2. Меметов, И.Н. История становления уголовной ответственности за мошенничество / И.Н. Меметов // Студенческий вестник. – 2023. – № 30-1(269). – С. 54-55.

3. Ондар, Ш.Э. История развития российского уголовного законодательства об ответственности за мошенничество / Ш.Э. Ондар // Правовые исследования молодых ученых (для магистрантов и аспирантов) : Материалы III Ежегодной региональной научно-практической конференции, Иркутский институт ВГУЮ (РПА Минюста России). – 2023. – С. 155-159.

Анютина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПО МОТИВАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ

Аннотация

Актуальность данного вопроса заключается в том, что политические, экономические и социальные изменения в России, переход к гражданскому обществу и развитие правового государства характеризуются двумя тенденциями: с одной стороны, демократизацией и либерализацией всех сфер общественной жизни, а также внедрением соответствующих правовые реформы, а с другой - социальные разногласия и пропаганда культа наркомании, насилия и жестокости и других факторов в обществе, вызывающих повышенную агрессию людей, которая часто принимает криминальную форму. Несмотря на то, что в России в последнее время наметилась положительная тенденция к изучению проблемы уголовной ответственности за преступления против личности, в теоретической и практической деятельности следственных органов по-прежнему существует достаточно широкий круг проблемных вопросов. Насильственные преступления, мотивированные национальной ненавистью или враждой, представляют собой серьезную угрозу общественной безопасности и межнациональному согласию. Подобные деяния негативно влияют на социальную стабильность, провоцируют рост нетерпимости и недоверия между представителями различных этнических групп. Современная российская действительность характеризуется увеличением числа преступлений экстремистской направленности, особенно среди молодежи. Это требует разработки эффективных мер профилактики и предупреждения подобного рода деяний.

Ключевые слова: мера пресечения, подозреваемый, обвиняемый, субъект уголовного процесса, преступления против личности, законодательство, насильственное преступление, национальная ненависть, вражда, законодательство.

Сегодня уголовная ответственность за совершение насильственных действий по мотивам национальной ненависти предусмотрена статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации («Возбуждение ненависти либо вражды»). Однако правоприменение сталкивается с рядом проблем:

Сложности квалификации составов преступлений.

Недостаточная эффективность профилактической работы правоохранительных органов.

Отсутствие четких критериев оценки уровня угрозы обществу.

Таким образом, актуальным становится совершенствование действующего законодательства и практики борьбы с такими правонарушениями [2;132].

Основные направления совершенствования.

1. Укрепление законодательной базы

Необходимо внести изменения в уголовное законодательство, усиливающие наказание за подобные преступления. Важно предусмотреть дополнительные квалифицирующие признаки, такие как тяжесть последствий и количество пострадавших лиц.

Также важно разработать меры воздействия на организаторов массовых беспорядков и идеологов экстремизма, использующих средства массовой информации и Интернет.

2. Повышение эффективности расследования и судопроизводства.

Следует создать специализированные подразделения полиции и прокуратуры, занимающиеся исключительно делами о преступлениях против национальной неприкосновенности. Эти подразделения должны обладать достаточными ресурсами и полномочиями для качественного расследования дел и привлечения виновных к ответственности.

Кроме того, необходима разработка методических рекомендаций для следователей и судей, содержащих рекомендации по правильной оценке доказательств и применению норм уголовного права.

3. Профилактика и профилактика рецидива.

Эффективность профилактических мероприятий должна основываться на комплексном подходе, включающем просветительную работу среди населения, создание условий для интеграции мигрантов и представителей национальных меньшинств, развитие системы социальной поддержки уязвимых слоев общества.

Особое внимание должно уделяться работе с молодежью, поскольку именно молодые люди чаще всего становятся жертвами пропаганды радикальных идей [1;46].

Правильное построение процесса доказывания обеспечивает соблюдение принципа состязательности сторон и способствует принятию справедливого решения суда. Важно отметить, что именно судебное следствие даёт сторонам право представить дополнительные аргументы и доказательства, направленные на защиту своей позиции.

Таким образом, процесс доказывания на этапе судебного следствия насильственных преступлений против личности требует особого внимания к деталям, тщательной проверки всех фактов и строгого соблюдения процессуальных норм. Только такая комплексная

работа гарантирует принятие правосудного вердикта и восстановление нарушенных законных интересов пострадавших [3;23].

Таким образом, квалифицирующие признаки насильственных преступлений против личности отражают специфику конкретных видов преступлений, подчеркивая особую опасность отдельных форм противоправного поведения. Правильная квалификация имеет решающее значение для назначения справедливого наказания и соблюдения принципа неотвратимости юридической ответственности.

Защита личности от насильственных посягательств является одной из приоритетных задач современного российского общества. Эффективная борьба с такими правонарушениями предполагает сочетание мер профилактики, своевременного выявления случаев насилия и неотвратимости наказания преступников. Лишь комплексное решение этих вопросов позволит снизить уровень насилия и обеспечить безопасность каждому гражданину нашей страны.

Совершенствование механизмов противодействия насильственным преступлениям, совершённым по мотивам национальной ненависти или вражды, является важным элементом государственной политики по обеспечению правопорядка и общественного согласия. Для достижения успеха необходимы скоординированные усилия всех ветвей власти, гражданского общества и общественных организаций. Только совместными усилиями возможно предотвратить распространение экстремизма и обеспечить безопасность каждого гражданина страны.

Список цитируемой литературы:

1. Грекова, Б.Д. Правда русская. Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, – 1963. – С. 56.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. [Электронный ресурс]. – СПС КонсультантПлюс – URL: https://goo.su/Co3xPsF (дата обращения: 04.04.2024).
3. Юшков, С. Курс истории государства и права СССР. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Изд-во Юридическая литература, – 1949. – С. 52.

Батова Ю.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ СТАДИИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВ

Аннотация

Текущее реформирование судебной системы Российской Федер ации и стремление к более эффективной защите прав участников уголо вного процесса обуславливают особую актуальность изучения уголовн о-процессуальных актов апелляционного и кассационного производств . Поскольку эти акты не только фиксируют результаты пересмотра суд ебных решений, но и предопределяют дальнейшие процессуальные де йствия, их правильное оформление и понимание правовых последстви й становятся ключевыми факторами обеспечения законности, справедл ивости и правовой определённости

Ключевые слова: апелляционное производства, кассационное производство, уголовный кодекс.

УПА представляют собой зафиксированные в процессуальных д окументах действия и решения должностных лиц, участвующих в уг оловном судопроизводстве. Такие акты:порождают, изменяют или пре кращают УПО;
служат формой закрепления властных решений;
обеспечивают защиту и реализацию процессуальных прав участников процесса.

В рамках апелляционного и кассационного производств эти ак ты оформляют итоги пересмотра судебных решений и отражают пр инятые вышестоящим судом решения.

Согласно ст. 389.28 УПК РФ, суд апелляционной инстанции вы носит следующие виды процессуальных актов: апелляционный приговор, апелляционное определение, апелляционное постановление.

Апелляционный приговор провозглашается от имени РФ. Его вынесение регулируется правилами ст. 297-313 УПК РФ.

Апелляционного определения и постановления должны включать:

1. дату и место вынесения решения;
2. наименование и состав суда;

3. сведения о лице, подавшем апелляционную жалобу/ представление;

4. данные о лицах, участвовавших в заседании суда апел ляционной инстанции;

5. краткое изложение решения суда первой инстанции;

6. изложение доводов заявителя и возражений других участников заседания;

7. мотивы принятого решения;

8. итоговое решение по жалобе или представлению;

9. решение о мере пресечения.

В этих актах обязательно указываются основания, по которым:

1. приговор признаётся законным, обоснованным и справедливым;

2. иное решение суда первой инстанции признаётся законным и обоснованным;

3. жалоба или представление отклоняются;

4. обжалуемое решение отменяется или изменяется полностью либо частично.

Резолютивная часть апелляционных приговора, определения или постановления должна содержать:

разъяснение о порядке и сроках дальнейшего обжалования информацию о праве осужденного и оправданного ходатайствовать об участии в рассмотрении дела судом кассационной инстанции

Описательно-мотивировочная часть такого определения должна содержать:

обоснование принятого судом решения;

аргументы, подтверждающие законность обжалуемого приговора или иного судебного акта ;

причины, по которым жалоба или представление были отклонены.

Возможные варианты решений в рамках кассационного определения:

отказ в удовлетворении поданной жалобы или представления;

отмена приговора с последующим прекращением уголовного производ ства по делу;

отмена ранее вынесенных судебных решений и направление дела на новое рассмотрение;

отмена апелляционного приговора с передачей дела на повторное рассмотрение в апелляционной инстанции;

отмена предыдущего кассационного решения и направление де ла на новое кассационное рассмотрение;

внесение коррективов в приговор, определение или постановление суда

Важное ограничение: положение осужденного, оправданного лица либо лица, в отношении которого УД было прекращено, может быть ухудшено только в том случае, если соответствующие доводы содержаться:

в кассационном представлении, поданном прокурором

в кассационной жалобе потерпевшего либо его законного представителя или представителя;

Основные отличия кассационного производства от апелляционн ого:

1.Сущность проверки**:**

в апелляции суд вправе разрешить дело по существу — например, вынести новый приговор;

в кассации проверяется исключительно законность судебных ре шений (корректность применения норм Уголовного кодекса РФ и Угол овно-процессуального кодекса РФ), а не их обоснованность.

2.Объём проверки:

в апелляционном производстве проверка, как правило, ограничи вается предметом обжалования, хотя суд может расширить её — в целях обеспечения законности;

в кассационном производстве суд имеет право изучить всё прои зводство по делу в полном объёме, даже если доводы жалобы затрагив ают лишь отдельные аспекты.

Уголовно-процессуальные акты оказывают существенное в лияние на права участников процесса, динамику производства по де лу и итоговый результат уголовного судопроизводства. Характер по следствий зависит от стадии процесса и сути принятого решения.

Последствия в апелляционном производстве

1. Приостановление исполнения решения. В соответствии со ст . 389.8 УПК РФ подача апелляционной жалобы или представления пр иостанавливает исполнение приговора, определения или постановлени я.

2. Изменение или отмена судебного решения. Суд апелляционно й инстанции может:

оставить приговор, определение или постановление з изменений, а жа лобу или представление — без удовлетворения;

отменить о/п и вынести оправдательный;

отменить оправдательный приговор и вынести новый оправдательный приговор;

передать дело на новое судебное разбирательство в суд первой инста нции (отменив предыдущие решения);
вернуть дело прокурору;
прекратить уголовное дело (отменив приговор);изменить приговор или иное обжалуемое решение.

3. Ухудшение положения осуждённого. Суд вправе принять ре шение, ухудшающее положение осуждённого (например, ужесточить н аказание или изменить квалификацию на более тяжкую), только есл и:
поступило представление прокурора;
подана жалоба потерпевшего, частного обвинителя или их законных представителей.

При этом суд не может выходить за рамки доводов, изложенных в жалобе или представлении.

4Направление дела на новое рассмотрение. Если в ходе разбирательства в суде первой инстанции выявлены нарушения УП и УЗ, которые нельзя устранить в АИ, приговор отменяется, а дело передается на новое судебное разбирательство.

Направление дела на новое рассмотрение. Если в ходе разбирательства в суде первой инстанции выявлены нарушения УП илиУЗ, которые нельзя устранить в апелляционной инстанции, пригов ор отменяется, а дело передаётся на новое судебное разбирательство. При этом апелляционный суд не вправе предрешать выводы нижестоя щего суда относительно:
виновности лица;
квалификации деяния;
назначения наказания и т. д.
5. Обязательные указания для нижестоящих судов. .

Последствия в кассационном производстве

1. Проверка законности решений

2. Возможные решения кассационной инстанции:
оставить кассационные жалобу или представление без удовлетворения ;
отменить приговор, определение или постановление суда (и все послед ующие решения) и прекратить производство по делу;
отменить приговор и передать дело на новое рассмотрение либо верну ть прокурору;
отменить апелляционный приговор и направить дело на повторное апе лляционное рассмотрение;
отменить решение КИ и передать дело на новое КР
внести изменения в приговор, определение или постановление суда.

3. Ухудшение положения осуждённого в кассации. Суд может в ынести определение, ухудшающее положение лица, в отношении к оторого дело прекращено, исключительно на основании:
кассационного представления прокурора;
кассационной жалобы потерпевшего, его законного представителя или представителя.

В иных случаях кассационная инстанция не вправе принимать п одобные решения.

4. Обязательные указания. При отмене судебного решения ка ссационный суд вправе дать обязательные для исполнения указания пр окурору и нижестоящему суду например, при возвращении дела на новое рассмотрение или прокурору.

5. Ограничения при изменении решения. Кассационный суд не может устанавливать или признавать доказанными факты, которые:
не были зафиксированы в приговоре;
были отвергнуты судом первой инстанции.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 21 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954 – Текст: непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (с изм. от 1 февраля 2024г.)// Собрание законодательства РФ – 2001. – Ст. 4921 – Текст: непосредственный.

Батова Ю.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Аннотация

В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью (ст. 2 Констит

уции РФ). На государство возложены обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Этот принцип согласуется со ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, закрепляющей равенство и свободу всех людей с момента рождения.

Убийство относится к категории наиболее тяжких преступлений против личности. По данным МВД России, несмотря на общую тенденцию к снижению количества таких преступлений в последние годы, они по-
прежнему занимают значительное место в структуре преступности. Особую общественную опасность представляют убийства, совершённые при отягчающих и квалифицирующих обстоятельствах.

Ключевые слова: потерпевший, обвиняемый, уголовный кодекс.

Часть 2 ст. 104 УК ПМР предусматривает уголовную ответственность за убийство, совершённое при отягчающих обстоятельствах. Анализ судебной практики показывает, что среди таких обстоятельств чаще всего встречаются хулиганские побуждения. Эта тенденция особенно ярко прослеживается в России: по данным правоприменительной практики, каждое пятое убийство квалифицируется по ч. 2 ст. 105 УК РФ именно как совершённое из хулиганских побуждений.

Хулиганские побуждения характеризуются рядом специфических черт:

1. Скоротечность формирования. Преступление совершается спонтанно, без длительной психологической подготовки.
2. Ничтожность повода (или его полное отсутствие). Даже незначительное неудобство (например, отказ дать прикурить) может стать причиной тяжкого преступления.
3. Легковесность мотивации. Мотивы «против» совершения преступления (осознание последствий) не сдерживают виновного, несмотря на тяжесть деяния.
4. Наглядность и явность проявления. Виновный открыто противопоставляет себя обществу, демонстрирует пренебрежение к нормам морали и правилам поведения.

В основе хулиганских побуждений обычно лежат:

1. эгоизм и неуважение к человеческому достоинству;
2. безразличие к общественным интересам;
3. пренебрежение к законам и правилам поведения;
4. безотчётная злоба, чувство неудовлетворённости;
5. уродливое понимание свободы («мне всё дозволено»).

Часто такие убийства совершаются людьми, которые вымещают свою злобу на первом встречном после какой-либо обиды. При этом субъекту доставляет удовлетворение сам факт нарушения общественного порядка и лишения жизни человека — независимо от личности потерпевшего.

Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года, убийство из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ /п. «и» ч. 2 ст. 104 УК ПМР) это умышленное убийство: совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали; представляющие собой открытый вызов общественному порядку; обусловленное желанием противопоставить себя окружающим и продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

Анализ судебной практики выявляет три распространенные ошибки при квалификации убийств из хулиганских побуждений:

1.Смешение хулиганских побуждений с мотивами личной неприязни. Из-за такой ошибки деяние могут необоснованно квалифицировать либо по ч. 1 ст. 104 УК ПМР,либо по п. «и» ч. 2 ст. 104 УК ПМР — с завышением или занижением оценки его общественной опасности. Личные неприязненные отношения отличаются от хулиганских побуждений сферой возникновения: они касаются исключительно личных, а не общественных отношений. Их ключевые признаки:

личный характер — не связаны с профессиональной или общественной жизнью;

неприязненная окраска — проявляются как враждебность, недружелюбие или конфликтность.

Чтобы разграничить эти мотивы, нужно: проанализировать субъективную сторону преступления (конкретный мотив); учесть объективные обстоятельства (место и время совершения деяния); детально изучить историю взаимоотношений виновного и потерпевшего, установить истоки конфликта.

Хулиганские побуждения неравнозначны полному отсутствию мотива. Они отражают стремление: бросить вызов нормам морали и общественным интересам; продемонстрировать цинизм, удаль или «молодечество»; подчеркнуть пренебрежение общепринятыми правилами поведения.

Даже если убийство на первый взгляд лишено мотива, важно выявить доминирующую причину среди всех возможных факторов.

Сам факт алкогольного или наркотического опьянения не служит доказательством хулиганских мотивов. Решающую роль играет

именно мотив преступления. Убийство,совершеннее во время ссоры или драки, может быть вызвано разными побуждениями — в том числе и хулиганскими, но это требует отдельного подтверждения. Для правильной квалификации необходимо выяснять, кто явился инициатором конфликта, не был ли он спровоцирован виновным для использования в качестве повода к убийству. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений.

Некоторые другие важные аспекты квалификации убийств из хулиганских побуждений:

Убийство из хулиганских побуждений характеризуется не спровоцированным нападением на потерпевшего, отсутствием поводов к нападению и убийству.Убийство из хулиганских побуждений может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. В первом случае виновный целенаправленно стремится причинить смерть, во втором — не преследует иных целей, кроме самого противоправного действия.

Чтобы квалифицировать убийство как совершённое из хулиганских побуждений, необходимо исключить иные мотивы, определявшие поведение преступника. Отсутствие установленной мотивации по итогам следствия и судебного разбирательства не может служить основанием для отнесения деяния к этой категории.

При применении п. «и» ч. 2 ст. 104 УК ПМР место совершения преступления не имеет значения.

Квалификация убийства из хулиганских побуждений возможна: по п. «и» ч. 2 ст. 104 и ст. 211 УК ПМР — если установлена реальная совокупность хулиганства и убийства; только по п. «и» ч. 2 ст. 104 УК ПМР — в остальных случаях.

Распространенное мнение о том, что убийство по бытовым мотивам чаще затрагивают супругов, родственников или знакомых виновного не следует считать абсолютным. Квалификация убийства на почве ревности как совершённого из хулиганских побуждений возможна лишь в исключительных случаях и требует всестороннего анализа материалов уголовного дела. При этом особое внимание уделяется обстоятельствам, определяющим действия виновного, а также факторам, формирующим его мотивацию.

Ключевое разграничение мотивов заключается в их природе: мотив хулиганских побуждений характеризуется разнузданным эгоизмом и стремлением открыто продемонстрировать пренебрежение

к общественным нормам; мотив ревности проистекает из личных, зачастую интимных взаимоотношений между участниками конфликта.

Отдельного внимания заслуживает разграничение убийства из хулиганских побуждений и убийства, обусловленного выполнением потерпевшим (либо его близкими) профессионального или общественного долга. Последнее отличается чётко выраженным поводом — общественно полезной деятельностью жертвы. К типичным мотивам подобных преступлений относятся месть за осуществление служебной или общественной деятельности; негативное отношение к действиям потерпевшего, нацеленным на благо общества; стремление воспрепятствовать продолжению такой деятельности.

Распространённое мнение о том, что убийства по бытовым мотивам чаще затрагивают супругов, родственников или знакомых виновного, не следует считать абсолютным.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 21 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954 – Текст: непосредственный.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (с изм. от 1 февраля 2024г.)// Собрание законодательства РФ – 2001. – Ст. 4921 – Текст: непосредственный.

Бирюкова У.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ ДАННЫХ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ И ХРАНЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ

Аннотация

В данной работе рассмотрена возможность введения электронных баз данных и искусственного интеллекта в целях создания и хранения уголовно-процессуальных документов. Помимо этого

внимание уделено проблемам, которые могут возникнуть виду нововведений и их значимость.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, электронная база данных, уголовно-процессуальные акты, хранение, кадры.

На данный момент в Российской Федерации просматривается тенденция стремительного развития компьютерных технологий и искусственного интеллекта. Уже сейчас многие процессы жизнедеятельности существенно упростились и сократили время своего осуществления, автоматизировался процесс анализа данных, а именно в сфере бизнеса, финансовой сфере, сфере здравоохранения и во многом другом. На сегодняшний день люди активно используют искусственный интеллект в повседневной жизни, что ускоряет бытовые задачи.

За рубежом применение искусственного интеллекта и внедрение нейросетей в юридическую сферу деятельности. Большим спросом пользуются системы нейросетей, рассчитывающие вероятность возникновения рецидивов по конкретным уголовным делам или вовсе по конкретному подсудимому. Также нашли своё выражение системы, реализующие подбор судебной практики по подобным кейсам и процентное соотношение обвинительных и оправдательных приговоров.

Таким образом, у юристов различных направленностей в обыденных действиях сократилась в объёмах рутинная деятельность, заключающаяся в технической, монотонной и однотипной работе. Искусственный интеллект позволит существенно разгрузить органы предварительного расследования, органы прокуратуры и судебную систему, увеличив производительность и сократив временные рамки по составлению документов, в частности, уголовно-процессуальных актов.

Исходя из вероятности цифровизации в процесс создания и хранения уголовно-процессуальных актов, возникает ряд проблем. Первая представляет собой изменение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку классический процесс создания и хранения уголовно-процессуальных актов полностью на данном этапе времени искоренить считается нецелесообразным ввиду долгой подготовки и перехода к новым компьютерным технологиям. Ввиду чего, необходимо дополнить уголовно-процессуальное законодательство новыми нормами, позволяющими урегулировать такой инновационный подход, при этом не исключая уже

существующие нормы, регламентирующие порядок составления документов.

Следующая проблема базируется на кадровой компетентности, а именно в её отсутствии. Для введения в уголовный процесс новых компьютерных технологий необходимо провести обучения сотрудников всех структур, которые непосредственно будут контактировать с искусственным интеллектом. Ускорить процесс обучения помогут общие семинары и подготовленные методички по изучаемому сотрудниками материалу. По окончании обучению провести зачёт, по результатам которого часть кадров будет допущена к новому процессу составления уголовно-процессуальных актов с использованием нейросетей. Сложности в обучении могут возникнуть у более взрослых кадров правоохранительных органов из-за отсутствия ключевых знаний в компьютерной сфере или снижения темпа познавательной деятельности. Именно поэтому необходимо искать индивидуальный подход либо обучать только более «свежих» кадров.

Данная проблема находит своё выражение и в других научных работах, Миликова А.В. считает, что значимой проблемой является необходимость учета готовности работников органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда к деятельности в стремительно меняющихся условиях, поскольку основа их профессиональной деятельности состоит в подготовке разнообразной документации[2, с.87].

Главенствующей проблемой выступает организация и создание самой системы искусственного интеллекта. Для преодоления такой трудности необходимо привлечь к работе IT-специалистов, способных разработать программу индивидуально для правоохранительных органов с комфортным интерфейсом. При этом необходимо обучить новую нейросеть к качественному составлению уголовно-процессуальных актов с указанием верной квалификации преступлений (при необходимости), но изначально стоит привлечь квалифицированных юристов для данных целей. Скооперировав работу квалифицированных юристов и IT-специалистов, удастся создать надёжного, удобного и соответствующего требованиям закона помощника для сотрудников правоохранительных органов и судебной системы.

После составления уголовно-правового акта с использованием искусственного интеллекта требуется создать электронную базу данных для их хранения, таким образом сокращаются затраченные ресурсы на печать таких документов. Так, А. К. Шин предлагает рассматривать электронный процессуальный документ как документ в электронной

форме, созданный уполномоченным субъектом на основании уголовно-процессуального закона с использованием электронных вычислительных машин [3, с.242].

Создание уголовно-процессуального акта упроститься появлением нейросети в правоохранительных органах, поскольку данная нейросеть будет содержать в себе множеств шаблонов к каждому процессуальному документу, соответсвующие нормам УПК РФ. Помимо этого, нейросеть будет содержать фразы-клише для конкретных категорий дел, и иметь систему исправления грамматических и пунктуационных ошибок.

Для судебной системы особенно актуально введение функции по автоматическому обезличиванию материалов уголовного дела, для создания судебной практики в открытом доступе. Загружая документ в систему искусственного интеллекта, она по умолчанию будет скрывать данные о преступнике, свидетелях и потерпевших, включая их ФИО, дату рождения, адреса регистрации и другое.

Также нейросеть будет содержать в себе постоянно обновляющуюся нормативно-правовую базу, на основе которой в уголовно-процессуальном акте будет содержаться корректная квалификация содеянного. Квалификация будет производится на основе имеющихся доказательств, в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Для проверки квалификации, произведённой искусственным интеллектом, система должна содержать отсылки на уже имеющуюся судебную практику по схожим составам преступления, на комментарии к норме уголовного закона и обоснование причин самой квалификации. После чего уполномоченное лицо после обнаружения несоответствия в квалификации может самостоятельно исправить её и обратиться в службу поддержки системы для её дополнительного «обучения».

После создания уголовно-процессуального акта, обеспечивается его хранение в окончательном виде (с подписями участников процесса) , что позволит освободить кадров архива от процесса оформления, сшивания и распределения материалов уголовных дел. Куликова К.С. также предлагает обратить внимание на создание единой информационной базы, которая будет доступна всем участникам уголовного судопроизводства. Это позволит избежать дублирования усилий и упростит координацию действий между разными ведомствами[1, с.75]. В данном случае речь идёт о возможном использовании системы блокчейна, внедрённого в процесс хранения актов.

Таким образом, введение электронных баз данных и системы искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов значительно упростит их служебные обязанности и повысит трудоспособность ввиду сокращения временных затрат на составление и хранение уголовно-процессуальных актов.

Список цитируемой литературы:

1. Куликова, К. С. Значение уголовно-процессуальных и служебных актов в условиях цифровизации современного общества / К. С. Куликова, В. О. Шульга // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : Сборник научных статей III Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 14 апреля 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 76-79.

2. Миликова, А.В. история развития представлений об уголовно-процессуальных актах / А.В. Миликова // Вестник УЮИ. – 2025. – №3 (109). – С.84-90.

3. Шин, А.К. Об электронном процессуальном документе. Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова)/ А.К. Шин // Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3 ноября 2023 г.) Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 240–245.

Болдырева Ю.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО АКТА

Аннотация

В данной работе автор уделил особое внимание особенностям постановления о возбуждении уголовного дела, а именно соблюдению принципа законности при составлении акта, соблюдению лаконичности, грамотности и ясности в содержании текста, структуре

данного постановления. Помимо того, рассмотрена необходимость уведомления конкретных участников уголовного судопроизводства о вынсении уголовно-процессуального акта.

Ключевые слова: постановление о возбуждении уголовного дела, принцип законности, корректность, грамотность, структура, уведомление.

Процесс возбуждения уголовного дела является одним из самых сложных в сфере уголовного судопроизводства, поскольку именно с этой стадии начинается рассмотрение совершённого деяния в качестве уголовно наказуемого, то есть в виде уголовного дела. Данный этап очень важен, ввиду того, что от него зависти всё уголовное расследование по конкретному делу, а также ход, перечень и последовательность процессуальных и следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, которые необходимо провести в незамедлительном порядке.

Постановление о возбуждении уголовного дела - это уголовно-процессуальный акт, выносимый следователем, дознавателем, руководителем следственного органа или органом дознания исключительно при наличии основания или повода, указанных с статье 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, являющийся единственным и обязательным влекущим начало предварительного расследования.

Рахимова Н. Х. пишет: «уголовно-процессуальным документом можно считать письменный документ, составленный на основании уголовно-процессуального закона управомоченным на то субъектом в связи с выполнением процессуальных действий или принятием решений, в котором зафиксированы информация о ходе и результатах деятельности участников уголовного процесса, содержание и форма решения, принятого по делу»[.....]. В данном понятии соблюдены все требования, предъявляемые к законности уголовно-процессуальных актов, можем сделать вывод о том, что данное понятие раскрывает тождество составления акта принципу законности уголовного процесса.

Одной из особенностей постановления о возбуждении уголовного дела является наличие двух вариантов составления, как при установлении факта совершения преступного деяния, так и при обладании информацией, раскрывающей личность преступника.

Текст, составляющий содержание данного уголовно-процессуального акта должен быть изложен в официальной стилистике, при этом должен обладать высоким уровнем грамотности, что в совокупности даст правильно описанный и корректный документ.

Помимо этого, постановление о возбуждении уголовного дела не должно содержать неясностей и противоречивых моментов для ускорения процесса расследования деяния. Также необходимо следовать простому правилу логики, представляющему собой симбиоз конкретности и обоснованности. В постановлении должны быть указаны конкретные и чёткие факты и их юридическое обоснование.

Никонов А.В. пишет: «Культура процессуальных документов подразумевает не только юридически верное изложение фабулы дела, но и логичное, ясное, непротиворечивое, недвусмысленное, стилистически выверенное, орфографически и пунктуационно грамотное описание совершенного противоправного деяния и сопутствующих ему обстоятельств». [.....]

Ранее проблема грамотности составление уголовно-процессуальных актов стояла более остро, но с течением времени нашло место частичное решение проблемы. В данном случае речь идёт о развитии компьютерных технологий, в частности, создания предиктивной системы набора текста (T9), а также более свежем течении в IT сфере, а именно зарождение и развитие искусственного интеллекта, обнаруживающего грамматические и пунктуационные ошибки в зависимости от контекста созданного документа.

Чаще всего ошибки совершаются ввиду большой нагрузки на правоохранительные органы, что влечёт невнимательность сотрудников или нежелание вникать в составление грамотного текста. Бесспорно во многих случаях появляется даже нежелание исправлять имеющиеся ошибки, обосновывая это тем, что необходимо уложиться в процессуальные сроки.

Большое количество особенностей любого процессуального акта состоит в его структуре, каждый элемент должен стоять в чёткой последовательности за другим.

Первый из трёх ключевых разделов постановления о возбуждении уголовного дела - вводная часть. Её содержание является достаточно ёмким и служит прототипом реквизитов документов. Вводная часть должна содержать в себе сведения о дате составления акта в виде числа, месяца и года, о времени составления в часах и минутах, о месте вынесения постановления, в данном случае будет достаточным указать город. Сведения о лице, составившем документ представляют собой ФИО, должность со званием или с классным чином данного лица. Помимо этого указывается одно из оснований, поводов возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 140 УПК РФ.

Второй из трёх ключевых частей данного уголовно-процессуального акта - описательная. Описательная часть является

юридическим и нормативным обоснованием принятого решения о возбуждении уголовного дела. Также описательная часть представляет собой одновременно краткое и подробное описание информации, которую удалось получить в рамках проверки сообщения о преступлении. Соответственно, необходимо максимально правильно отобразить признаки состава преступления по уголовно наказуемого деяния, от чего будет зависеть квалификация преступления по соответствующей норме уголовного закона.

Третьей из трёх ключевых частей в постановлении о возбуждении уголовного делая выступает резолютивная. В данной части приводится результат всей проделанной деятельности лица, осуществляющего предварительного расследования, в частности, квалификация содеянного. В том случае, если возбуждение уголовного дела сопровождалось соответствующей информацией о лице, совершившем преступное посягательство, то в резолютивной части необходимо указать такие сведения.

В указанном акте могут быть указаны и иные сведения, например сведения о расследовании данного уголовного дела следственной группой, ввиду его сложности и объёмности. Также указываются сведения о направление данного документа прокурору для осуществления им деятельности по определению по подследственности.

После того, как постановление о возбуждении уголовного дела готово, следует уведомить об этом лицо, которое обращалось с заявлением о преступлении на любой стадии его совершения, а также лицо, в отношении которого данное будет проводится дальнейшее предварительное расследование, то есть подозреваемого.

На сегодняшний день работа по вынесению постановления о возбуждении уголовного дела существенно облегчилась, поскольку сейчас в полностью открытом доступе можно найти множество бланков и образцов готовых актов с верными ссылками на нормы уголовного закона.

Список цитируемой литературы:

1. Никонов, А.В. Значение языка и стиля процессуальных документов в уголовном судопроизводстве / а.в. никонов // вестник волгоградской академии мвд россии. – 2017. – №4 (43). – с. 152-156.

2. Рахимова Н.Х. Особенности составления процессуальных документов. процессуальные документы: понятие, значение и виды / н.х. рахимова // ejsspc. – 2024. – №5-1. – с.137-140.

Гальцова С.А., студент
ФБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд.юрид.наук,доц.

МЕТОДОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОСТАВЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ

Аннотация

В данной статье рассматривается методология деятельности по составлению уголовно-процессуальных актов. Исследуются сущность и значение методологических основ при формировании актов, которые играют важную роль в уголовном судопроизводстве, поскольку от их правильности и законности зависят права и законные интересы участников процесса.

Ключевые слова: методология, уголовно-процессуальные акты; законодательство.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, уголовный процесс напрямую зависит от письменного и процессуального оформления действий, которые осуществляются внутри него. Данная особенность напрямую выражается в обязанности должностных лиц соблюдать порядок и требования к документальному оформлению всех действий и всех принятых решений. УПК РФ выступает как законодательный источник, придающий особое значение процессуальным актам в уголовном судопроизводстве, поскольку закрепляет на законодательном уровне перечень бланков и документов, которые должны быть составлены и надлежащим образом закреплены на всех этапах уголовного процесса.

Рассматривая данную тему, необходимо изучить определение уголовно-процессуальных актов: «Уголовно-процессуальные акты – это уголовно-процессуальные документы субъектов уголовной юрисдикции, которые обладают государственно-властным юрисдикционным характером и, как правило, обусловливают возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений» [1, с. 108].

Еще в Энциклопедическом словаре 1916 г. было записано: «Акт буквально означает совершившееся, затем – свидетельствующий об этом письменный документ. Обыкновенно принято подразумевать под словом акт письменный документ, относящийся к определенному,

имеющему юридическое значение, предмету. Таковы, например, акты процессуальные, нотариальные, ипотечные, акты состояния и другие» [10].

Порядок составления данных документов отражает в себе определенные особенности, поскольку связан со спецификой уголовного процесса, регулирующим данную деятельность.

В силу того, что уголовный процесс основан на взаимодействии с участвующими в нем лицами, то непосредственно затрагиваются их права и законные интересы. Обращая внимание на данный аспект должностные лица обязаны соблюдать законодательно установленный порядок оформления всех актов, которые касаются процесса. Объем и масштабность данного вопроса вызывает необходимость серьезного подхода и детального изучения.

Характеризуя сферу составления уголовно-процессуальных актов можно отметить, что она носит самостоятельный характер, однако для эффективного функционирования данной деятельности необходимо изучение и применение в практической деятельности специальных методик. Данный аспект и позволяет выделить важность создания и использования методологических подходов.

Верной видится позиция Р.С. Белкина определившего, что: «Методология определенной области научного знания или частной науки не ограничивается лишь набором применяемых методов исследования. Методологию следует рассматривать в качестве теоретической системы знаний, включающей в себя систему идей, а не только в виде перечня способов исследования» [9, с. 65].

Упоминая о значении методологии стоит сказать о том, что оно заключается в анализе и исследовании способов организации различных видов деятельности, отвечая при этом на вопросы, которые связаны со структурированием, логическим построением, выбором методов, принципов, средств при осуществлении любого вида работы. Уголовное право характерно часто выделяет вопросы, связанные с методологией, например, рассматривая отношения, складывающиеся в уголовно-процессуальной сфере.

Д.В. Манушин предлагает понимать методологию как: «Систему взаимосвязанных методов и приемов, объединенных общими принципами, условиями применения и направленными на достижение определенных целей рядом субъектов, которые путем прохождения схожих этапов воздействуют на изучаемую теоретическую или практическую систему» [9, с. 66].

Вышеуказанные утверждения позволяют сформировать вывод о том, что методология, используемая при составлении уголовно-

процессуальных актов, включает в себя не только теоретические, но и практические рекомендации. Данный подход к определению специфики методологии в области составления уголовно-процессуальных актов выражается в стандартах, на основе которых вырабатывается их содержание и порядок составления, а также систематизация процессуальных решений.

Необходимо также выделить отдельные задачи методологии:

1) Обеспечивает оформление процессуальных актов в соответствии с правилами и требованиями, которые закреплены в нормах УПК РФ;

2) Создание необходимых условий для осуществления проверки актов на законность и обоснованность;

3) Минимизирует ошибки и нарушения, которые могут быть выражены в изложенной информации, содержащейся в данных процессуальных актах.

Стоит повторно отметить, что каждый уголовно-процессуальный акт обладает своей уникальностью, отражая специфику каждого расследуемого уголовного дела. В связи с этим необходимо всесторонне понимать сущность данного дела, уметь логично излагать фактические данные, при этом придерживаться четко установленных правил. Именно поэтому необходимо изучать основополагающие аспекты методологии, которая включает в себя:

1) Принципы логичного построения документа;

2) Правила систематизации актов;

3) Языковые правила при составлении текста.

Таким образом, методология деятельности по составлению уголовно-процессуальных актов представляет собой организованную система с входящими в нее принципами, процедурами для составления актов, а также необходимых инструментов, которые направлены на обеспечение законности, обоснованности и полноты процессуальный решений.

Значимость методологии ярко выражена в практическом применении, поскольку ее приемы снижают ошибки в процессуальных актах, обеспечивая их прозрачность и недопущение нарушения прав участников уголовного процесса.

Список цитируемой литературы:

1. Дикарев, И.С. Процессуальные акты распорядительного характера в досудебном производстве по уголовным делам / И.С. Дикарев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 3(54). – С. 89–94.

2. Степанова, В.Г. Уголовно-процессуальная форма и письменность уголовного процесса как институциональный принцип предварительного расследования / В.Г. Степанова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 108–113.

3. Россинский, С.Б. Развитие цифровых технологий как фактор, обусловливающий потребность в изменении правил ознакомления с материалами уголовного дела / С.Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 1 (33). – С. 164–172.

4. Колдин, В.Я. Проблемы методологии правоприменения / В.Я. Колдин // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 11– 20.

5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие; в 3 т. – Т. 1. – 3-е изд., доп. – Москва: Закон и право, 2001. – 837 с.

6. Афанасьев, А.Ю. Методология уголовно-процессуальной деятельности / А.Ю. Афанасьев // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. – 2021. – С. 331–334.

7. Манушин, Д.В. Уточнение понятия «Методология» / Д.В. Манушин // Международный бухгалтерский учет. – 2016. – № 16 (406). – С. 41–60.

8. Загорский, Г.И., Качалов В.И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе: учеб. пособие для вузов. – Москва: РАП, 2014. – 192 с.

9. Миликова, А.В. Методология деятельности по составлению уголовно-процессуальных актов / А.В. Миликова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 3 (47). – С. 65-70.

10. Сухова, О. А Правовая природа, понятие и значение процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2008. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-ponyatie-i-znachenie-protsessualnyh-aktov-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 09.04.2026).

Дворянкина А.А., студент
ФБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юрид наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЙ: СИСТЕМА, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

Актуальность исследования уголовно-процессуальных актов досудебных стадий обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, досудебное производство является ключевым этапом уголовного судопроизводства, где закладывается основа для последующего судебного разбирательства, и качество принимаемых здесь процессуальных решений напрямую влияет на реализацию конституционных прав граждан, включая право на защиту и доступ к правосудию. Во-вторых, анализ статистических данных за 2023-2025 годы свидетельствует о сохраняющемся высоком количестве процессуальных нарушений при составлении таких актов, как постановления о возбуждении уголовного дела, обвинительные заключения и ходатайства об избрании мер пресечения: ежегодно до 15% отказов в возбуждении дела признаются судами незаконными, а около 5% уголовных дел возвращаются прокурором для пересоставления обвинительных документов. В-третьих, постоянное реформирование уголовно-процессуального законодательства, включая изменения, внесенные в УПК РФ в 2024 году, а также внедрение института электронного уголовного дела требуют переосмысления требований к форме, содержанию и юридической технике составления процессуальных актов на досудебных стадиях. В-четвертых, правоприменительная практика сталкивается с проблемой шаблонности и формального подхода при вынесении постановлений, что снижает их доказательственное значение и порождает жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Указанные обстоятельства в совокупности определяют необходимость комплексного научного анализа системы, классификации и качества уголовно-процессуальных актов досудебных стадий для выработки практических рекомендаций по совершенствованию следственной и судебной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, досудебное производство, постановление, обвинительное заключение, возбуждение

уголовного дела, предварительное расследование, процессуальные сроки, обвинительный акт, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, отказ в возбуждении уголовного дела, юридическая техника, доказательства, мера пресечения, прокурорский надзор.

Досудебное производство в российском уголовном процессе является наиболее динамичной и объемной стадией, где формируется фундамент будущего судебного разбирательства, и юридическая фиксация каждого значимого действия или решения здесь осуществляется посредством уголовно-процессуальных актов. В теории права под этими актами понимаются официальные документы, составляемые уполномоченными на то должностными лицами (дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, прокурором) в порядке и по форме, установленной Уголовно-процессуальным кодексом РФ, которые влекут за собой возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений. Система этих актов может быть представлена как иерархическая структура, основанная на двух ключевых критериях: стадия производства и характер властного решения. Выделяют три основные группы актов досудебного производства. Первая – акты стадии возбуждения уголовного дела, куда входят документы-решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела). Вторая – акты стадии предварительного расследования, включая итоговые акты (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, акт или постановление, постановление о прекращении дела) и промежуточные акты (постановления о производстве следственных действий, привлечении специалиста, наложении ареста на имущество). Третья – акты прокурорского надзора и ведомственного контроля (требования, поручения, указания, решения о возвращении дела для дополнительного расследования). Каждый из перечисленных актов обладает специфической формой и содержанием, однако все они объединены общими требованиями законности, обоснованности и мотивированности, закрепленными в ст. 7 УПК РФ.

Стадия возбуждения уголовного дела является основным в уголовный процесс, и процессуальные акты здесь регламентированы главой 20 УПК РФ. Ключевым документом выступает постановление о возбуждении уголовного дела, принимаемое при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в порядке ст. 146 УПК РФ. В то же время значительный пласт работы правоохранительных органов составляет вынесение постановления об

отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии со ст. 148 УПК РФ. Анализ статистических данных, опубликованных в сводных отчетах МВД РФ и Следственного комитета РФ за 2023-2024 годы, демонстрирует следующую картину: ежегодно в органы внутренних дел России поступает около 15-16 миллионов заявлений и сообщений о преступлениях, из них возбуждается лишь порядка 20-25% от общего числа обращений, а остальные заканчиваются вынесением отказов в возбуждении уголовного дела. Высокий процент отказов (около 2-3 миллионов в год) часто объясняется объективными причинами, такими как отсутствие события или состава преступления, однако существуют проблемы с качеством проверочных материалов. По данным судебной статистики, ежегодно суды признают незаконными до 10-15% отказов в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителей в порядке ст. 125 УПК РФ, что указывает на дефекты в составлении этого процессуального акта, включая неполноту проверки или формальное перечисление оснований без их фактического подтверждения.

После перехода в стадию предварительного расследования основная нагрузка ложится на следователя или дознавателя, и если на этапе возбуждения дела акт часто фиксирует результат проверки, то в ходе расследования акты фиксируют динамику и итог. Ключевым актом, с которого лицо официально приобретает статус обвиняемого, является постановление о привлечении в качестве обвиняемого, составленное по правилам ст. 171 УПК РФ. Оно должно содержать описание события преступления (время, место, способ), пункт, часть и статью Уголовного кодекса РФ. Статистика, приведенная в обзорах следственной практики Генеральной прокуратуры РФ за 2024 год, свидетельствует, что около 4-6% уголовных дел возвращаются прокурорами следователям именно из-за неконкретности предъявленного обвинения, нарушающей право на защиту, гарантированное ст. 47 УПК РФ. Для разных форм расследования закон предусматривает разные итоговые акты: для дознания – обвинительный акт (глава 32 УПК РФ) или обвинительное постановление (ст. 225.1 УПК РФ), а для предварительного следствия – обвинительное заключение (ст. 220 УПК РФ). Обвинительное заключение является наиболее сложным по структуре документом, включающим вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части, а также список лиц, подлежащих вызову в суд. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние два года (2023-2024) участились случаи возвращения уголовных дел прокурором в порядке ст. 237 УПК РФ (около 5% от общего числа направленных в суд дел). Основная причина – нарушения при составлении именно этих актов, например

несоответствие выводов обвинения фактическим обстоятельствам, изложенным в описании преступления, или неправильная квалификация деяния.

Несмотря на детальную регламентацию, практика применения сталкивается с рядом системных проблем объективного и субъективного характера, которые не сводятся к действиям отдельных должностных лиц. Прежде всего, это проблема высокой нагрузки на органы предварительного расследования: согласно статистическим данным МВД РФ за 2024 год, нагрузка на одного следователя в среднем составляет 1,5-2 уголовных дела в день при одновременном ведении до 30-40 производств, что объективно требует унификации и стандартизации процессуальных актов. Однако чрезмерная унификация порождает шаблонность, которая вступает в противоречие с требованием индивидуального подхода к каждому уголовному делу, закрепленным в ст. 7 УПК РФ (законность и обоснованность). Особую сложность представляет правовая регламентация актов, ограничивающих конституционные права, – постановлений о возбуждении ходатайств перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о наложении ареста на имущество, о контроле и записи переговоров (ст. 165 УПК РФ). Законодатель предъявляет к таким документам повышенные требования, поскольку они вторгаются в сферу прав, гарантированных ст. 22, 23 и 35 Конституции РФ. Практика Верховного Суда РФ (в частности, обзоры судебной практики за 2023-2024 годы) показывает, что суды все чаще отказывают в удовлетворении таких ходатайств не из-за формальных дефектов, а в силу недостаточной убедительности представленных аргументов, что свидетельствует о высоком стандарте доказывания на досудебных стадиях. Кроме того, существует проблема разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ): с одной стороны, закон требует оперативности расследования, с другой – предъявляет детальные требования к содержанию каждого процессуального акта. Значение уголовно-процессуальных актов досудебных стадий трудно переоценить. Они выполняют правоустанавливающую функцию – именно постановление о возбуждении уголовного дела порождает весь комплекс последующих процессуальных действий, обеспечивают функцию доказывания, так как являются носителями юридически значимой информации, и служат формой взаимодействия между следователем, прокурором и судом. Перспективы совершенствования правового регулирования связаны не столько с изменением требований к содержанию, сколько с внедрением технологических решений, повышающих прозрачность и контролируемость процесса.

Цифровизация досудебного производства, унификация судебной практики по оценке допустимости и обоснованности процессуальных актов, а также дальнейшее разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ критериев законности – вот основные направления развития института уголовно-процессуальных актов на современном этапе.

Уголовно-процессуальные акты досудебных стадий представляют собой юридическую основу всего последующего судопроизводства. Их качество и обоснованность зависят от множества факторов: уровня правовой регламентации, сложности доказывания по конкретному делу, временных ресурсов и технического оснащения органов расследования. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год подтверждает, что возвращение уголовных дел прокурором в порядке ст. 237 УПК РФ (около 5%) и признание постановлений об отказе в возбуждении дела незаконными (до 10-15%) – это не столько индикатор низкой квалификации, сколько показатель высоких стандартов правосудия, требующих особой тщательности при оформлении каждого решения. Дальнейшее развитие института должно идти по пути баланса между оперативностью и полнотой, а также активного использования цифровых технологий, позволяющих минимизировать технические погрешности и сосредоточиться на содержательной стороне процессуальных актов.

Список цитируемой литературы:

1. Азаров В.А. О совершенствовании правовых основ (или возможном отмирании» стадии возбуждения уголовного дела) // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 20-26.

2. Багмет А.М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 27-32.

3. Дикарев И.С. Модернизация системы досудебного производства в уголовном процессе // Legal Concept-Правовая парадигма. 2017. № 2. С. 117-122.

4 Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 212 с.

5. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 133-139.

Еремкина К.К., студент
ФБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юрид наук, доц.

РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Статья посвящена комплексному доктринально-правовому анализу уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия в общей системе правовых актов управления. Рассматривая уголовное судопроизводство в целом и предварительное расследование в частности как особую разновидность государственного управления, специфическую форму реализации исполнительно-распорядительных функций государства, автор приходит к выводу, что уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия являются структурным элементом единой системы правовых актов управления, образуя в ней самостоятельную подсистему. В этой связи в статье обосновывается позиция, что правовая природа уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия во многом соответствует общим принципам и постулатам, присущим в целом правовым актам государственного управления. А их теоретическая основа и соответствующая законодательная база подлежат рассмотрению, осмыслению и развитию в контексте общих методологических закономерностей, выявленных и проанализированных в теории права и государства и административно-правовой науке, но с учетом специфики, обусловленной обособленной сферой уголовно-процессуального регулирования, особым назначением уголовного судопроизводства и вытекающим из него особым характером уголовно-процессуальной формы и уголовно-процессуальных гарантий.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, органы предварительного следствия, государственное управление, правовые акты управления, следователь, прокурорский надзор, ведомственный контроль, правоприменительные акты, УПК РФ.

В современной науке административного и уголовно-процессуального права все более отчетливо проявляется тенденция к

переосмыслению традиционных границ государственного управления. Наряду с деятельностью органов исполнительной власти, в орбиту публичного администрирования все чаще включаются иные ветви публичной власти, включая правоохранительную и судебную системы. В этой связи особый научный и практический интерес представляет деятельность органов предварительного следствия, а именно — принимаемые ими уголовно-процессуальные акты.

Традиционно уголовно-процессуальные акты (постановления, обвинительные заключения, протоколы и др.) рассматриваются в рамках уголовно-процессуальной науки как средство фиксации процессуальных решений и действий следователя. Однако, как справедливо отмечается в доктрине, предварительное расследование представляет собой не что иное, как особую разновидность государственного управления, специфическую форму реализации исполнительно-распорядительных функций государства. Соответственно, уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия являются структурным элементом единой системы правовых актов управления, образуя в ней самостоятельную подсистему.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном доктринально-правовом анализе уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия и определении их роли в системе государственного управления. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть понятие и признаки уголовно-процессуальных актов в контексте административно-правовой доктрины; обосновать их место в системе правовых актов управления; выделить управленческие функции, реализуемые в данных актах; проанализировать механизмы контроля и надзора за их законностью и обоснованностью; а также выявить современные проблемы и наметить перспективы их совершенствования.

Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия представляют собой официальные правовые документы, принимаемые уполномоченными должностными лицами (следователем, руководителем следственного органа) в установленной уголовно-процессуальной форме, которые фиксируют процессуальные решения и действия, направленные на достижение задач уголовного судопроизводства.

В науке сформировался устойчивый подход, согласно которому уголовно-процессуальные акты обладают рядом сущностных признаков, сближающих их с иными правовыми актами управления.

Как справедливо отмечают Б.В. Россинский и С.Б. Россинский, уголовно-процессуальным актам присущи: а) официальный, государственно-властный характер, обусловленный их происхождением от субъектов публичного права, наделенных соответствующими полномочиями; б) односторонний порядок их издания, исключающий возможность влияния со стороны адресатов на выраженную в них волю; в) императивность, выражающаяся в обязательности любого уголовно-процессуального акта для всех его адресатов; г) место в общей иерархической системе государственных правовых актов, характеризующейся сложными, многоступенчатыми механизмами реализации публичной власти; д) регулятивность уголовно-процессуальных актов и связанный с ней ненормативный, правоприменительный характер; е) обязательность юридических последствий любого уголовно-процессуального акта, выражающаяся в возникновении новых правоотношений, изменении или прекращении уже существующих; ж) их разрешительная природа, предполагающая принятие властных решений (постановлений) органов предварительного следствия.

Существует несколько оснований для классификации данных актов. По своему содержанию и юридическим последствиям они подразделяются на итоговые (например, обвинительное заключение, постановление о прекращении уголовного дела), завершающие определенный этап расследования; промежуточные (постановления о производстве следственных действий, о привлечении в качестве обвиняемого), определяющие ход и направление расследования; а также вспомогательные (протоколы следственных действий), фиксирующие ход и результаты процессуальных действий.

В правовой литературе неоднократно подчеркивалось, что правовая природа уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия во многом соответствует общим принципам и постулатам, присущим в целом правовым актам государственного управления. Однако специфика уголовно-процессуального регулирования, особое назначение уголовного судопроизводства накладывают на них свой отпечаток, проявляющийся в особой строгости формы, процедурных гарантиях и специфике юридических последствий.

Уголовно-процессуальные акты выступают в роли ключевых юридических инструментов публичного администрирования в сфере уголовного судопроизводства. Их управленческая роль раскрывается через ряд взаимосвязанных функций.

Прежде всего, это правоконкретизирующая функция. Путем принятия процессуальных решений следователь применяет абстрактные нормы уголовного и уголовно-процессуального права к конкретным жизненным ситуациям, определяя права и обязанности участников процесса. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. Следователь процессуально самостоятелен при принятии решений о направлении уголовного дела, а также при определении очередности и тактики производства следственных действий.

Далее, это организационно-распорядительная функция. Акты следователя организуют деятельность всех участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии, направляют ход расследования и обеспечивают его динамику. Ряд полномочий следователя носит властный характер. В частности, следователь вправе требовать от граждан, предприятий, учреждений и организаций, а также должностных лиц выполнения или невыполнения определенных действий (например, не покидать без разрешения следователя место постоянного или временного проживания, представлять необходимые предметы и документы). Кроме того, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, а также получать содействие при их осуществлении.

Важной является и правообеспечительная и правоограничивающая функция. С одной стороны, процессуальные акты создают правовые гарантии для участников процесса. С другой — в установленных законом пределах могут ограничивать их конституционные права (например, постановление об обыске). В случае незаконного или необоснованного уголовного преследования следователь принимает надлежащие меры по реабилитации лица: не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда следователь определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда (ч. 4 ст. 135 УПК РФ).

Наконец, это информационно-удостоверительная функция. Процессуальные акты являются формой официальной фиксации хода и

результатов предварительного следствия, служа основой для последующего судебного разбирательства. Установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, следователь вправе внести соответствующим организации или должностному лицу представление о принятии мер к устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения (ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Таким образом, следователь выступает не просто как участник уголовного судопроизводства, но и как субъект государственно-управленческой деятельности, а его процессуальные акты являются специфическими средствами ее реализации.

В системе государственного управления важнейшее значение имеет механизм контроля и надзора за законностью принимаемых решений. Применительно к уголовно-процессуальным актам предварительного следствия такой механизм является многоуровневым.

Ведомственный процессуальный контроль осуществляет руководитель следственного органа. Статья 39 УПК РФ наделяет его широкими полномочиями по проверке законности и обоснованности решений следователя. Приказом МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 (ред. от 4 мая 2023 г.) «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» установлены объем и пределы этих полномочий в системе МВД России. Так, начальники управлений по расследованию организованной преступной деятельности наделены полномочиями руководителя следственного органа, предусмотренными ст. 39 УПК РФ, за исключением права давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании и продлении меры пресечения.

Прокурорский надзор осуществляется в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, согласно которой прокурор вправе требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия. Прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, однако реформа 2007 года, выделившая Следственный комитет, серьезно ограничила возможности прокурора по своевременному устранению нарушений прав и свобод граждан. В связи с этим в науке высказываются предложения о необходимости расширения полномочий прокурора в данной сфере.

Судебный контроль, предусмотренный, в частности, ст. 165 УПК РФ, выступает важнейшей гарантией законности на досудебных

стадиях. Суд санкционирует производство наиболее значимых следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, и рассматривает жалобы на действия и решения органов следствия в порядке ст. 124 УПК РФ. Как указал Верховный Суд РФ в решении от 15 августа 2016 г. № АКПИ16-547, процессуальное решение по результатам разрешения жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ обязан принимать руководитель следственного органа, в непосредственном подчинении которого находится должностное лицо, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются.

В науке отмечается, что предметом контроля и надзора являются решения, принимаемые лицом, осуществляющим предварительное расследование. Ключевым является вывод о том, что в российском уголовном процессе необходимы оба института — и надзор, и контроль. Речь должна идти не о замене одного другим, а о нахождении должного баланса между субъектами, осуществляющими эти функции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия занимают важное место в системе государственного управления. Их правовая природа, функции и механизмы контроля и надзора позволяют рассматривать их в качестве особых правовых актов управления, призванных обеспечить не только раскрытие преступлений, но и защиту прав и законных интересов личности.

Теоретическая основа уголовно-процессуальных актов и соответствующая законодательная база подлежат дальнейшему рассмотрению, осмыслению и развитию в контексте общих методологических закономерностей, выявленных и проанализированных в теории права и государства и административно-правовой науке, но с учетом специфики, обусловленной обособленной сферой уголовно-процессуального регулирования, особым назначением уголовного судопроизводства и вытекающим из него особым характером уголовно-процессуальной формы и уголовно-процессуальных гарантий.

Эффективность государственного управления в сфере уголовного судопроизводства напрямую зависит от качества и законности принимаемых следователем решений, а также от сбалансированной системы контроля и надзора за ними. Дальнейшее развитие теоретических основ и совершенствование законодательной регламентации уголовно-процессуальных актов должно осуществляться в контексте общих закономерностей, выявленных в теории права, но с обязательным учетом специфики уголовно-процессуальной деятельности.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. [ред. от 23 марта 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 153.
3. Полосухина, О. В. Понятие, значение и особенности правового положения осуждённых / О. В. Полосухина // Уголовно-исполнительное право. - 2021. - Т. 16(1-4), № 4. - С. 442-448.
4. Савко, В. А. Правовое положение осужденных / В. А. Савко // Молодой ученый. - 2022. - № 49 (444). - С. 459-461.
5. Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2018 года №420 утвердило федеральную целевую программу «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)». – URL: http://government.ru/docs/all/116172/ (дата обращения: 05.11.2025).

Карасёва А.А., студент
ФБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ВИДЫ И ЭТАПЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация

В статье анализируются основные подходы к пониманию квалификации преступлений, раскрываются ее виды и этапы, а также показывается их значение для правоприменительной деятельности. Методологическую основу работы составляет сочетание диалектического, сравнительно-правового, системного и формально-

юридического методов, позволяющих рассмотреть квалификацию одновременно как теоретическую конструкцию и как практический механизм применения уголовного закона.

Ключевые слова: квалификация преступления, официальная квалификация, доктринальная квалификация, этапы квалификации, уголовная ответственность, наказание.

Точная квалификация преступления выступает одной из центральных гарантий законности в уголовном судопроизводстве. От того, насколько верно установлено соответствие между фактическими обстоятельствами дела и признаками уголовно-правовой нормы, зависят пределы обвинения, объем ответственности и справедливость принимаемого решения.

В юридической литературе понятие квалификации преступлений обычно раскрывается в двух взаимосвязанных измерениях. Во-первых, речь идет о процессе интеллектуально-правовой оценки содеянного, в рамках которого выявляются юридически значимые признаки деяния и сопоставляются с признаками состава преступления, закрепленного в уголовном законе. Во-вторых, квалификация понимается как результат такой деятельности, то есть как официальный вывод о наличии в совершенном деянии признаков конкретного преступления.

Практическое значение второго аспекта состоит в том, что итог квалификационной деятельности получает обязательное внешнее выражение в процессуальном акте. Соответствующий вывод может быть зафиксирован в постановлении о возбуждении уголовного дела, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении, обвинительном акте либо в судебном решении. Следовательно, квалификация не ограничивается внутренним убеждением правоприменителя, а требует надлежащего юридического оформления.

Содержательная сторона квалификации связана не только с выбором статьи уголовного закона, но и с установлением действительного характера совершенного деяния. Ее назначение состоит в том, чтобы определить уголовно-правовую сущность содеянного, отграничить одно преступление от другого и создать правовую основу для справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Вопрос об этапах квалификации преступлений в теории не получил единообразного разрешения. Это объясняется тем, что сама квалификация соединяет в себе логическую, материально-правовую и процессуальную составляющие. По этой причине различные авторы по-

разному определяют, где проходит граница между отдельными стадиями мыслительной работы и ее процессуальным закреплением [1, с. 481].

Нередко этапы квалификации связываются со стадиями уголовного процесса. Такой подход, в частности, отражен в работах В.Н. Кудрявцева, который последовательно соотносит квалификацию с возбуждением дела, формулированием обвинения, рассмотрением дела судом и окончательным разрешением вопроса о виновности лица [2, с. 13]. Достоинство данной позиции заключается в том, что она показывает развитие уголовно-правовой оценки от первоначального предположения до окончательного судебного вывода.

Вместе с тем полное отождествление этапов квалификации со стадиями уголовного судопроизводства представляется чрезмерно узким. В таком случае квалификация фактически растворяется в процессуальной форме, тогда как ее ядро составляет самостоятельная познавательная деятельность по выявлению юридически значимых признаков деяния и их сопоставлению с уголовным законом [1, с. 486–487]. Поэтому более убедительным выглядит подход, согласно которому этапы квалификации следует определять по внутренней логике уголовно-правовой оценки.

В учебной литературе достаточно распространена трехэлементная модель, включающая установление фактических обстоятельств, выбор уголовно-правовой нормы и юридическое закрепление сделанного вывода. Такая конструкция ценна своей простотой и позволяет показать, что квалификация складывается из содержательной оценки деяния и последующего оформления результата в установленной законом форме [3, с. 15].

Более развернутую характеристику предлагает В.А. Куряков. Им акцентируется внимание на последовательном выявлении фактических обстоятельств, отборе признаков, имеющих уголовно-правовое значение, разграничении смежных составов, выборе конкретной нормы и последующем закреплении квалификационного вывода в процессуальном документе [6, с. 28–31]. Такой подход позволяет увидеть, что квалификация представляет собой не одномоментный акт, а развивающийся процесс проверки первоначальной версии.

Для правильной квалификации принципиально важны и правила применения уголовного закона. В научной литературе они рассматриваются как совокупность нормативных предписаний и выработанных теорией положений, определяющих порядок выбора нормы и фиксации результатов уголовно-правовой оценки [5, с. 96–99].

Следовательно, этапы квалификации нельзя рассматривать в отрыве от правил, поскольку именно правила задают пределы допустимого толкования и предупреждают ошибки при разграничении сходных составов.

Наряду с этапами существенное значение имеет классификация видов квалификации преступлений. Наиболее распространенным является деление на официальную и неофициальную квалификацию. Такое разграничение позволяет установить, кто именно дает уголовно-правовую оценку деянию и какие последствия влечет соответствующий вывод [4, с. 244–245].

Официальная квалификация осуществляется компетентными субъектами уголовного судопроизводства — дознавателем, следователем, прокурором и судом. Ее особенность состоит в том, что она производится по конкретному делу и непосредственно влияет на пределы обвинения, возможность назначения наказания, определение иных уголовно-правовых последствий и в целом на движение дела [4, с. 244].

Неофициальная, или доктринальная, квалификация выражается в научных публикациях, учебных курсах, комментариях к законодательству и иных формах профессионального правового анализа. Хотя такая оценка не обладает обязательной силой, ее роль трудно переоценить: именно в научной среде формируются аргументы для толкования закона, вырабатываются критерии разграничения смежных составов и выявляются наиболее типичные квалификационные ошибки [4, с. 245; 5, с. 97–99].

В ряде работ дополнительно упоминается обыденная квалификация, под которой понимается оценка деяния лицами, не наделенными специальными юридическими полномочиями. Однако в контексте уголовного правоприменения решающее значение сохраняют именно официальная и доктринальная квалификация, поскольку первая порождает юридические последствия, а вторая обеспечивает развитие теоретических оснований правоприменительной практики [3, с. 14].

Следовательно, виды и этапы квалификации преступлений находятся в тесной связи. Этапы показывают, каким образом формируется уголовно-правовой вывод, а виды позволяют определить его субъектный состав и юридическое значение. Игнорирование этой взаимосвязи способно привести к ошибкам в применении уголовного закона, нарушению принципа законности и ослаблению гарантий справедливого судебного разбирательства [1, с. 487]

Квалификация преступлений представляет собой сложную интеллектуально-правовую деятельность, требующую не только знания

текста уголовного закона, но и умения последовательно анализировать фактические обстоятельства, разграничивать сходные составы и правильно закреплять итоговый вывод. Поэтому изучение видов и этапов квалификации имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение, поскольку от качества такой деятельности зависит обоснованность уголовной ответственности и эффективность защиты прав личности.

Список цитируемой литературы:

1. Торпой Э.А., Дробот С.А. Этапы квалификации преступлений и их значение // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. № 11 (92). Т. 3. С. 479-488.

2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений : учебное пособие. М. : Юрист, 1999. 301 с.

3. Шеслер А.В. Теория квалификации преступлений : учебное пособие. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. 80 с.

4. Соколова А.А., Дробот С.А. Виды квалификации преступления. Их социальное и юридические значение // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. № 5 (74). Т. 1. С. 243-247.

5. Пусурманов Г.В. О правилах квалификации преступлений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 1 (69). С. 96-99.

6. Куряков В.А. Квалификация преступлений : электронный учебно-методический комплекс. Новополоцк : Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, 2023.

Коновалова А.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХИЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы уголовно-правовой оценки и квалификации хищений цифровых финансовых активов и цифровой валюты в современных условиях вызывают дискуссии в экспертной среде и остаются одними из наиболее острых как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной деятельности. Также выделяются актуальные проблемы, возникающие на практике: установление принадлежности цифровой валюты конкретному владельцу, определение размера причиненного ущерба и юридическая оценка деяний со сложным объективным составом.

Ключевые слова: хищение, финансовые активы, цифровая валюта, информационная система.

Правильная квалификация преступления и обоснованное признание цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты (ЦВ) предметом хищения напрямую зависят от точного определения их правового режима и качества законодательной техники, использованной для его закрепления. Цифровая валюта включает в себя: криптовалюты и стейблкойны. Согласно ст. 128 ГК РФ, цифровая валюта относится к «иному имуществу» и не обладает свойствами имущественных прав (в отличие от ЦФА). Эту точку зрения разделяет О.С. Гринь, полагая, что цифровая валюта — это разновидность «иного имущества» (ст. 128 ГК РФ), не связанная с имущественными правами.

В отличие от ЦВ, цифровые финансовые активы представляют собой цифровые права, то есть имущественные права, зафиксированные, как правило, с использованием технологий распределенных реестров (например, блокчейн). Статья 1 Закона о ЦФА и ЦВ определяет ЦФА как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право участия в капитале непубличного АО или право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренные решением об их выпуске.

Согласно примечанию к ст. 158 УК РФ, хищение — это корыстное, противоправное, безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику.

Вопрос о возможности квалификации хищения ЦВ по статьям 158, 161, 162 УК РФ остается открытым. Предмет хищения — это физический объект, который можно противоправно изъять, лишив потерпевшего возможности владеть, пользоваться и распоряжаться им. Из-за нематериальной природы ЦВ (и цифровых активов) сложно утверждать, что при хищении только цифровых объектов (без физического изъятия

носителей с данными о кошельках или паролях) можно применять «традиционные» составы УК РФ.

Вопрос о применении к ЦФА других составов хищения (ст. 158, 161, 162 УК РФ) еще более спорен, чем в случае с ЦВ. Хищение криптовалюты вместе с телефоном суды квалифицируют по ст. 158, 161 УК РФ, аргументируя это тем, что первоначальный предмет — материальный объект (телефон), а криптовалюта — «вторичный» предмет как иное имущество. Однако для ЦФА такая логика не работает из-за их иной правовой природы и особенностей оборота. ЦФА — это имущественное право, учитываемое в информационной системе аккредитованного оператора. Доступ к системе требует идентификации личности. Физическое изъятие устройства (компьютера, смартфона) не дает автоматического доступа к ЦФА и возможности распорядиться ими. Даже получив логин и пароль, злоумышленник не совершает хищения ЦФА как права. Хищение будет окончено только после совершения юридически значимых действий по переоформлению прав . Из-за недостатка судебной практики сложно утверждать, что этот подход верен, но, вероятно, отсутствие разъяснений Верховного Суда по этим вопросам скоро станет серьезной проблемой.)

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что цифровые финансовые активы и цифровая валюта имеют разную правовую природу, умение определять установление принадлежности цифровой валюты конкретному владельцу, определение размера причиненного ущерба и юридическая оценка деяний со сложным объективным составом.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства

Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.
3. Кучеров И.И Криптовалюта как правовая категория / И.И. Кучеров // Финансовое право. – 2018. - №5. – С. 3-5.

Корбут А.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ ВЫНОСИМЫЕ, ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается комплекс уголовно-процессуальных актов, оформляемых при применении мер процессуального принуждения в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации. Анализируется их роль в обеспечении законности, обоснованности и соразмерности ограничений прав и свобод участников процесса. В работе систематизированы виды уголовно-процессуальных документов, сопровождающих различные меры принуждения, в соответствии с классификацией, закреплённой в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения; процессуальные акты; избрание меры пресечения; уголовное судопроизводство.

Актуальность исследования уголовно-процессуальных актов, выносимых при применении мер процессуального принуждения, продиктована рядом взаимосвязанных правовых, практических и общественных факторов.

Во-первых, меры процессуального принуждения непосредственно затрагивают конституционные права и свободы лица.

Во-вторых, практика показывает устойчивую проблему формального оформления и слабой мотивации постановлений следователей и судей: шаблонность формулировок, отсутствие подробного обоснования необходимости и соразмерности меры, нарушения требований о сроках и формах.

В-третьих, обеспеченность доказательственной ценности результатов мер напрямую влияет на возможность их использования в суде.

В-четвертых, актуальность возросла в связи с усложнением следственных методов и развитием цифровых следов.

Таким образом, тема исследования сочетает актуальные потребности правовой безопасности, защиту прав человека и практическую задачу повышения эффективности уголовного судопроизводства, что делает ее важной для теории и практики уголовного процесса.

Меры процессуального принуждения – это предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ процессуальные действия и правовые средства, применяемые уполномоченными органами в целях обеспечения целей уголовного судопроизводства.

Разберем виды мер процессуального принуждения на группы:

1. Меры пресечения в отношении подозреваемого/обвиняемого:

подписка о невыезде и надлежащем поведении (наименее ограничительная мера);

поручительство (привлечение поручителя, обязующегося обеспечивать явку и поведение);

залог (внесение денежной суммы или имущества в обеспечение явки/поведения);

домашний арест (ограничение свободы передвижения);

заключение под стражу (самая строгая мера пресечения).

2. Процессуальные меры, направленные на обеспечение явки и принудительное участие:

задержание (имеет строгие временные пределы);

привод и доставление (принудительное доставление свидетелей, подозреваемых, обвиняемых для дачи показаний или участия в следственных/судебных действиях);

принудительное задержание (в исключительных случаях для обеспечения участия).

3. Процессуальные следственные действия с принудительной составляющей:

обыск (обследование помещений и иных мест с целью обнаружения предметов/документов);

выемка (изъятие предметов, документов, электронных носителей);

личный досмотр, досмотр вещей и транспорта (кратковременные меры).

4. Мера обеспечения и изъятия имущества:

наложения ареста на имущество (мера для сохранения предметов, имеющих отношение к делу).

5. Мера в отношении занимаемой должности и профессиональных ограничений:

отстранение от должности, запрет заниматься определенной деятельностью (применяется, если должность лица мешает расследованию или создает риск повторного преступления).

Виды мер процессуального принуждения по Уголовно-процессуальному кодексу РФ широки и охватывают как ограничение свободы лиц, так и комплекс следственных и обеспечительных действий.

Целями для применения мер процессуального принуждения являются: обеспечение явки лица в органы предварительного расследования и в суд; предотвращение уклонения от следствия и суда; предотвращение воспрепятствования осуществлению правосудия; предотвращение совершения новых преступлений; сохранение имущества, имеющего значение для производства и т.д.

Принципы, которым должно соответствовать любое решение об избрании мер процессуального принуждения – законность, обоснованность и соразмерность – реализует конституционные гарантии прав и свобод и обеспечивает легитимность уголовного процесса.

Законность гарантирует право актов на существование. Обоснованность требует конкретных фактологических оснований и логической связи. Соразмерность требует пригодности, необходимости и баланса между ущербом прав и достижением цели.

Рассмотрим ключевые требования к постановлению об избрании меры пресечения:

1. Законность и компетенция (основание и норма права, полномочия лица, дата и место вынесения).

2. Идентификация (данные дела и лица).

3. Конкретность меры (четкое наименование применяемой меры и правовая ссылка).

4. Фактические основания (конкретные, проверяемые факты и источники).

5. Риски (указание, какие именно риски присутствуют и почему).

6. Необходимость и соразмерность (почему мера пригодна, почему менее строгие меры неэффективны, оценка пропорциональности ограничений).

7. Срок и порядок пересмотра (указание срока действия меры и условий ее пересмотра/замены).

8. Гарантии (указание прав лица и сведения о вручении копии постановления).

9. Приложения и направления (перечень приложенных материалов и кому направлена копия).

Уголовно-процессуальные акты, выносимые при применении мер процессуального принуждения, выступают ключевым инструментом обеспечения целей уголовного судопроизводства и одновременно непосредственно затрагивают конституционные права и свободы участников процесса. Их качество – юридическая обоснованность, полнота мотивировки и точность оформления – определяет законность следственных действий, допустимость доказательств и устойчивость принятых процессуальных решений.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). // СПС «Гарант». – 4921 с. Текст : непосредственный.

2. Введение в уголовный процесс : учебное пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых" ; авторы-составители: Е. А. Лапутина, М. И. Удалов. - Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. - 215 с. Текст : непосредственный.

3. Досудебное производство в уголовном процессе : учебное пособие / [Бедяков И. Л., Владимиров С. В., Грязева Н. В., Кубанов В. В.] ; Федеральная служба исполнения наказаний, Самарский юридический институт. - 3-е изд., испр. и доп. - Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. - 167 с. Текст : непосредственный.

4. Организация и производство задержания подозреваемого в совершении преступления и избрание меры пресечения : учебное пособие / И. В. Макогон, О. С. Шамшина, Д. Н. Евлушина ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Волгоградская академия. - Волгоград : ВА МВД России, 2023. - 111 с. Текст : непосредственный.

5. Уголовный процесс: общая часть : учебное пособие / С. П. Брыляков, А. Б. Диваев ; Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования "Кузбасский институт Федеральной

службы исполнения наказаний". - Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2023. - 245 с. Текст : непосредственный.

Коротаева Э.О., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СОВОКУПНОСТИ ПРИГОВОРОВ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Автором проводится анализ правовой природы, нормативного закрепления и механизма реализации в судебной практике указанных институтов отечественного уголовного права. Акцентируется внимание на вопросы индивидуализации наказания, пределов судебного усмотрения при определении окончательной меры ответственности, а также проблемам правоприменения, связанным с отсутствием четких критериев частичного или полного сложения наказаний. Проводится сравнительный анализ указанных институтов, выявляются их сходства и различия. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства и разъяснений высших судебных инстанций в целях обеспечения единообразия судебной практики и соблюдения принципов справедливости и гуманизма.

Ключевые слова: назначение наказания; совокупность преступлений; совокупность приговоров; уголовная ответственность.

Назначение наказания является ключевым этапом реализации уголовной ответственности, в котором концентрируется не только правоприменительная, но и оценочная деятельность суда. Правоприменительная практика и научно-исследовательская среда позволяет сделать вывод о том, что вопросы назначения наказания, как уже было отмечено ранее – ключевого этапа реализации уголовной ответственности, представляют собой один из важнейших аспектов отечественного уголовного права, которые требуют глубокого анализа и понимания.

Особую сложность представляет ситуация, когда лицо совершает несколько преступлений либо уже осуждено, но вновь привлекается к уголовной ответственности. В таких случаях возникает необходимость применения специальных правил назначения наказания – по совокупности преступлений и по совокупности приговоров, что, в свою очередь, создает основу для дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

История становления и развития рассматриваемых в работе институтов уголовного права по официальным документам относит нас к дореволюционному уголовному праву. Так, Соборное уложение 1649 г. закрепляло в себе учет при назначении наказания совершения виновным лицом нескольких разных преступлений. Свод законов Российской империи 1832 г. в томе XV продолжает развитие указанного института и вводит понятие «стечение преступлений», в новой редакции которого будет носить название «совокупность преступлений».

Дальнейшая история развития относит исследователей к Уложению о наказаниях уловных и исполнительных 1845 г., где впервые законодательно закреплено понятие идеальной совокупности преступлений и дифференцированы правила о реальной совокупности преступлений.

Послереволюционный период развития уголовного права характеризовался разработкой нового законодательства с учетом пробелов и коллизий с целью их минимизации. Так, Уголовный кодекс РСФСР впервые закрепил в себе основные принципы, которые в обязательном порядке должны были учитываться при совокупности преступлений. Впоследствии законодательно закрепляются такие понятия, как «идеальная совокупность преступлений» и «реальная совокупность преступлений», а также возрастает предел наказания.

Сегодня данные институты закреплены в уголовном законодательстве – Уголовном кодексе Российской Федерации и направлены на обеспечение принципов справедливости, соразмерности и индивидуализации наказания [1]. Однако их практическое применение зачастую вызывает значительное количество вопросов, связанных с толкованием норм, пределами судебного усмотрения и балансом между гуманизмом и неотвратимостью ответственности.

«Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено» [1]. Правовая природа совокупности преступлений обусловлена необходимостью дифференцированного учета повышенной

общественной опасности личности виновного, проявляющейся в множественности преступного поведения.

Назначение наказания по совокупности преступлений осуществляется поэтапно. «На первом этапе суд определяет наказание за каждое преступление отдельно в пределах санкции соответствующей статьи уголовного закона. На втором этапе формируется окончательное наказание путем полного или частичного сложения назначенных наказаний» [3, с. 172].

Понятие «совокупность приговоров» на сегодняшний день не нашло своего законодательного закрепления, однако в соот. со ст. 70 УК РФ в научно-исследовательской среде указанное понятие принято представлять как ситуацию, при которой виновное лицо совершает новое преступление непосредственно после вынесения приговора, но до полного отбытия назначенного наказания. Иными словами, учитывается не только множественность преступлений, но и факт предыдущего осуждения. Критерием разграничения с продолжаемым преступлением служит наличие единого умысла, а от единого сложного состава совокупность отличается самостоятельностью каждого деяния.

Правовая сущность совокупности приговоров в первую очередь заключается в отражении повышенной степени общественной опасности личности виновного, что, в свою очередь, обусловлено «неэффективностью» ранее назначенного наказания.

Назначение наказания по совокупности приговоров включает несколько последовательных этапов. Суд первоначально назначает наказание за вновь совершенное преступление, после чего определяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору [4, с. 328].

Таким образом, институты назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров играют важную роль в системе уголовного права, обеспечивая дифференциацию уголовной ответственности и реализацию принципа справедливости.

При анализе судебной практики по ст.ст. 69-70 УК РФ можно сделать вывод о системных подходах к назначению наказаний при совокупности преступлений и приговоров. Суды преимущественно используют принцип частичного сложения наказаний. В отношении совокупности приговоров преобладает методика «присоединения» неотбытой части наказания по предыдущему приговору к вновь назначенному наказанию.

Вместе с тем отсутствие четких законодательных критериев определения степени сложения наказаний обусловливает

необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования и развития разъяснений высших судебных инстанций.

Так, одной из распространенных проблем в правоприменительной практике выступает нарушение принципов дифференциации и индивидуализации наказания при сложении санкций за множественные преступления. Суды нередко применяют механический подход к определению окончательной меры ответственности без должного учета характера и степени общественной опасности каждого деяния.

Существенные сложности возникают при квалификации преступных деяний как единого комплекса либо самостоятельных эпизодов. Отсутствие четких критериев разграничения продолжаемых и длящихся преступлений провоцирует судебные ошибки в определении оснований применения ст. 69 УК РФ.

Неоднозначность применения правил поглощения и сложения наказаний при конкуренции приговоров создает правовую неопределенность и приводит к различающимся результатам при одинаковых фактических обстоятельствах. На практике это проявляется в разном толковании момента вступления приговора в законную силу, критериев преимущественного учета более строгого наказания и порядка расчета итогового срока, что способствует несогласованности приговоров и риску нарушения принципа равенства перед законом.

Для преодоления данных проблем предлагается законодательное закрепление алгоритма действий суда при наличии нескольких приговоров, выделение приоритетных критериев (тяжесть преступлений, окончательность решений, цель наказания) и развитие унифицированной методики расчета итогового наказания в разъяснениях высших судебных инстанций. Системное урегулирование порядка применения правил поглощения и сложения наказаний, сочетающее корректировку норм и выработку обязательных методических рекомендаций, способно повысить предсказуемость и справедливость судебной практики.

Для совершенствования отечественного законодательства предлагаем законодательное закрепление алгоритма действий суда при наличии нескольких приговоров, выделение приоритетных критериев (таких как тяжесть преступлений, окончательность решений, цель наказания и др.) и развитие унифицированной методики расчета итогового наказания в разъяснениях высших судебных инстанций. Системное урегулирование порядка применения правил поглощения и сложения наказаний, сочетающее корректировку норм и выработку

обязательных методических рекомендаций, полагаем, способно повысить предсказуемость и справедливость судебной практики.

Полагаем целесообразным необходимость разработки и внедрения алгоритмизированных критериев определения пределов наказания при множественности правонарушений, которые будут учитывать тяжесть каждого преступления, роль лица в их совершении и степень общественной опасности совокупности деяний. Предлагаемые критерии должны выступать в роли вспомогательного инструмента, обеспечивающего сопоставимость решений и предсказуемость правоприменения при сохранении судебной самостоятельности при оценке конкретных обстоятельств дела. Внедрение таких критериев, полагаем, требует законодательного закрепления основных параметров методики, создания механизмов прозрачного обоснования решений и регулярного мониторинга их практического воздействия. Одновременно целесообразным представляется предусмотрение образовательных программы для судей и экспертно-методического сопровождения, обеспечивающее единообразное применение алгоритмов и оперативное их совершенствование на основе накопленной статистики.

Повышение единообразия судебной практики и обеспечение баланса между принципами гуманизма и неотвратимости наказания представляются ключевыми направлениями развития рассматриваемых институтов.

Таким образом, анализ теоретико-правовых основ и судебной практики подтвердил необходимость комплексного подхода к институту назначения наказания при множественности деяний и приговоров, сочетающего формальную регламентацию норм Уголовного кодекса с дифференцированной индивидуализацией наказания. Такая парадигма позволяет «увязать» требования справедливости и пропорциональности с задачей общественной защиты, снижая вероятность вынесения чрезмерно суровых или, напротив, недостаточно строгих судебных решений. Выводы первой главы, обосновывающие институциональные и методологические основания, служат отправной точкой для разработки практических мер по оптимизации механизма назначения наказаний.

Выявленная в ходе исследования непоследовательность применения ст.ст. 69 и 70 УК РФ проявляется в вариативности приговоров в сходных ситуациях и высокой доле апелляционных споров, что непосредственно коррелирует с проблемой несогласованности правоприменения. Анализ типичных ошибок и пробелов в практической деятельности судов показал дефицит четких

критериев для сопоставления общественной опасности составов, учета ранее отбытых наказаний и выбора способа суммирования наказаний. Следовательно, устранение этой неопределенности требует как методологической систематизации подходов, так и нормативного совершенствования правоприменения.

Целевое совершенствование механизма назначения наказаний должно опираться на детерминированные, но в то же время гибкие правила оценки совокупности преступлений и приговоров, позволяющие одновременно обеспечить предсказуемость решений и сохранить пространство для индивидуализации.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 20 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 [ред. от 23.12.2025]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2026). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система], свобод. из ло-кал. сети Липецкого фил. РАНХиГС. – Текст : электронный.

3. Комилов, Т. Б. Способы назначения наказания по совокупности преступлений / Т. Б. Комилов // Молодой ученый. – 2024. – № 27 (526). – С. 171-173.

4. Пидскальнюк, В. В. Порядок назначения уголовного наказания при совокупности преступлений или при совокупности приговоров / В. В. Пидскальнюк // Молодой ученый. – 2022. – № 18 (413). – С. 327-331.

5. Токарев, Е. А. Правила назначения наказаний по совокупности преступлений в аспекте целей уголовного наказания / Е. А. Токарев // Молодой ученый. – 2025. – № 25 (576). – С. 293-296.

Котюкова А.О., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается проблема разграничения преступления и административного правонарушения в российском праве. Анализируются основные научные подходы к определению критериев их различия, включая степень общественной опасности, характер причиненного вреда, особенности состава деяния. Выявляются ключевые проблемы квалификации смежных составов и обосновывается необходимость комплексного подхода к их разграничению в правотворческой и правоприменительной практике.

Ключевые слова: преступление; административное правонарушение; критерии разграничения; общественная опасность; уголовная и административная ответственность; состав деяния; квалификация; смежные составы; правоприменение.

Нормативная отправная точка выглядит достаточно простой: по статье 14 УК РФ преступление определяется как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания [1], а по статье 2.1 КоАП РФ административное правонарушение - как противоправное и виновное действие или бездействие, за которое установлена административная ответственность [2]. Однако сопоставление этих легальных формул показывает, что формального различия между ними недостаточно для уверенного разграничения на практике.

Первая и наиболее заметная проблема, на которой сходится большинство авторов, состоит в отсутствии универсального критерия разграничения. В работах И. Н. Иваненко и А. С. Пеньковой подчеркивается, что пробелы законодательной техники и близость смежных составов создают устойчивые сложности при квалификации деяний [3, с. 869]. По этой причине разграничение преступления и административного правонарушения в современной доктрине рассматривается не как формальная операция, а как комплексная оценка

характера деяния, его последствий и места в системе юридической ответственности.

Значительная часть научных работ связывает различие между преступлением и административным правонарушением с общественной опасностью. Вместе с тем сам по себе этот критерий не снимает всех вопросов. К. Е. Ильина и Л. В. Потапальская обращают внимание на то, что оба вида противоправного поведения посягают на охраняемые общественные отношения, но отличаются характером и степенью причиняемого вреда, а также тяжестью правовых последствий для лица [6, с. 182]. Близкая позиция прослеживается и в работе Н. И. Побежимовой, где подчеркивается, что разграничение требует учета не только материального признака общественной опасности, но и места деяния в общей системе проступков и преступлений [7, с. 526].

Особую сложность создают смежные составы, различаемые по объективным признакам. А. В. Староверов показывает, что на практике законодатель нередко проводит границу между уголовно наказуемым деянием и административным проступком через последствия, размер ущерба, способ совершения деяния или специальный предмет посягательства [4, с. 160]. Проблема заключается в том, что такие признаки нередко формулируются оценочно: "существенный вред", "значительный ущерб", "крупный размер", "грубое нарушение". Е. М. Якимова и Л. А. Иванова справедливо отмечают, что сочетание четких и оценочных критериев порождает неравномерность практики, поскольку один и тот же признак может трактоваться по-разному в зависимости от обстоятельств дела и усмотрения правоприменителя [8, с. 107].

Отдельное место в научной дискуссии занимает административная преюдиция. М. А. Лапина, Ю. В. Трунцевский и Д. В. Карпухин рассматривают ее как средство более гибкой дифференциации ответственности, позволяющее сначала реагировать на менее опасное деяние административными мерами, а затем, при повторности поведения, прибегать к уголовно-правовому запрету [9, с. 26]. О. С. Капинус также указывает, что такая конструкция усиливает профилактический потенциал нормы и позволяет законодателю проводить "мягкую" криминализацию деяний, не прибегая сразу к наиболее строгим средствам принуждения [10, с. 78].

В то же время административная преюдиция оценивается в литературе неоднозначно. В статье З. А. Незнамовой подчеркивается, что включение административной наказанности в конструкцию состава преступления порождает межотраслевые коллизии и требует особенно точной законодательной настройки [5, с. 24]. Критическая линия

прослеживается и в позиции О. С. Капинус, согласно которой предыдущее административное правонарушение характеризует не столько объективную сторону нового деяния, сколько особый статус лица как уже подвергнутого административному наказанию [10, с. 81]. В результате граница между преступлением и административным правонарушением становится менее очевидной, поскольку значение приобретает не только качество самого деяния, но и факт предшествующего привлечения к ответственности.

Еще одно направление дискуссии связано с категорией уголовного проступка. Н. И. Побежимова показывает, что обсуждение уголовного проступка возникло не случайно: действующая бинарная модель не всегда позволяет гибко расположить деяния по степени их вредоносности и тяжести правовых последствий [7, с. 528]. Из этого следует, что часть научного сообщества видит решение проблемы не только в уточнении критериев разграничения, но и в более стройной системе наказуемых деяний, где промежуточные формы ответственности были бы нормативно определены.

Анализ научных работ позволяет выделить несколько наиболее обоснованных путей решения обозначенных проблем. Во-первых, разграничение преступления и административного правонарушения целесообразно осуществлять по совокупности критериев, а не по одному признаку. В эту совокупность должны входить характер объекта посягательства, степень общественной опасности, размер и характер вреда, особенности объективной стороны, форма вины, свойства субъекта и повторность поведения [4, с. 161]. Во-вторых, требуется более точная законодательная техника: минимизация дублирующих составов, конкретизация оценочных признаков и закрепление по возможности ясных количественных либо качественных порогов разграничения [8, с. 110]. В-третьих, административная преюдиция должна использоваться осторожно и лишь там, где повторность действительно свидетельствует о повышении опасности поведения, а не подменяет собой материальный критерий преступления [5, с. 24].

Сопоставление научных работ показывает, что преступление и административное правонарушение не могут быть надежно разграничены только по названию закона или по одному формальному признаку. Наиболее устойчивое значение в современной доктрине сохраняет комплексный подход, при котором учитываются одновременно характер посягательства, степень общественной опасности, последствия, особенности состава и механизм правовой реакции государства. При сохранении большого числа смежных составов именно качество законодательной техники и единообразие

правоприменения определяют, будет ли граница между преступлением и административным правонарушением ясной и справедливой.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. N 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

3. Иваненко И. Н., Пенькова А. С. Разграничение административного правонарушения и преступления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. N 129 (05). С. 866-877.

4. Староверов А. В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по объективным признакам составов // Вестник экономической безопасности. 2018. N 3. С. 160-162.

5. Незнамова З. А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. N 6. С. 20-25.

Леденев Д.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юр. наук, доц.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В РАМКАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВАНДАЛИЗМА

Аннотация

Статья посвящена исследованию личности преступника при совершении вандализма, обоснована актуальность данной темы, выделены основные черты личности, причины, способствующие развитию мотива к совершению преступления.

Ключевые слова: вандализм, личность преступника, пол, возраст, семейное положение, причины возникновения мотива.

В современном мире тематика вандализма всё чаще касается жителей различных городов по всей России. Рассматривая данные о состоянии раскрываемости вандализма в Липецке, приведённые в СМИ, полностью обосновывается актуальность данной темы. Динамика раскрываемости вандализма в качестве преступления, запрещённого Уголовным кодексом Российской Федерации в городе Липецк рассматривается с 2023 до 2025 года. Начиная с 2023 года в Липецке в уголовном производстве находилось 23 акта вандализма, при этом раскрыто было всего лишь 7 из них, далее в 2024 году было зафиксировано 8 возбуждённых уголовных дел и 2 из них удалось раскрыть правоохранительным органам. В прошлом году произошло увеличение уголовных дел по вандализму до 13, но не удалось раскрыть их в полной мере, завершили расследование по 3 уголовным делам. Ввиду чего, представляется необходимым рассмотреть криминологическую характеристику вандализма, что будет способствовать увеличению раскрываемости уголовных дел.

Мацкевич И.М. пишет: «криминологическая характеристика - описание свойств, закономерностей, фактов и последствий преступности (отдельного её рода или вида), а также свойств личности преступника (отдельного ее типа)»[2]. Отсюда следует, что криминологическая характеристика является неотъемлемой частью в деятельности, осуществляемой правоохранительными органами по расследованию преступлений, поскольку такая характеристика включает в себя основополагающие элементы совершения преступного посягательства.

Дефинитивное понятие вандализма содержится в Уголовном кодексе Российской Федерации, часть 1 статьи 214 регламентирует, что вандализмом признаётся осквернение зданий и иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. При этом указанные действия совершаются с прямым умыслом, что говорит о наличии конкретного мотива преступника.

Мотив совершения преступления может многое сказать о личности преступника, так как, если существует мотив, существует и причина его возникновения. Причина может быть основана на конкретном обстоятельстве, которое предшествовало преступлению, на особенных чертах личности посягающего, что в совокупности представляет спектр мотивирующих факторов к совершению деяния.

Первой из причин возникновения мотива к вандализму выступает эмоциональная разгрузка, то есть разрешение внутреннего конфликта личности преступника. Данная причина обосновывается тем, что

вандализм нередко осуществляется для эмоционального выброса, а именно агрессии, обиды, гнева, жестокости, враждебности, соответственно личность преступника характеризуется предельно низким уровнем умения контроля над собой.

Также большое влияние оказывает эгоизм преступника, поскольку он совершает противоправные действия направляя их на общественные блага, которым имеют право пользоваться все. При этом Субъект преступления в момент совершения преступления чаще всего даже не задумывается о потребностях других граждан в пользовании общественным благом в дальнейшем.

Совершение акта вандализма может совершаться в качестве выражения протеста против каких-либо устоев: социальных, нравственных, политических. Для посягательства зачастую выбираются знаковые и символические предметы.

Нередки случаи осуществления вандализма на основе желания отомстить кому-либо или за что-либо. Ввиду того, что большинство преступлений совершается в общественных местах, цель мести возникает к какой-либо организации, юридическому лицу или физическому лицу, возглавляющим конкретные коммерческие или некоммерческие компании.

Особого внимания заслуживают причины, порождающие мотив у подростков, поскольку их мироощущения является не до конца сформированным, они более подвержены негативному воздействию со стороны общества, в том числе со стороны ровесников. Подростки в большей мере подвержены влиянию массовой культуры , в частности проявлению агрессии в видеоиграх, демонстрация жестокости в СМИ, многочисленному количеству видеороликов, романтизирующих преступный мир.

Таким образом, одной из причин к появлению мотива у несовершеннолетнего выступает желание выразить авторитет и отсутствие страха наказания. В данном случае, субъект преступления не может самоутвердиться в окружающей его среде, включая класс, семью, друзей и делает это в общественных местах, чтобы увеличить охват наблюдающих.

Также некоторые подростки пытаются найти источник получения адреналина, в качестве средства избавления от скуки. Помимо того, вышеуказанное связано с недостатком получения ярких ощущений, которые можно получить от риска, нередко сопровождается наркотическим или алкогольным опьянением.

Не менее редким является «стадное чувство» несовершеннолетних в рамках группового времяпрепровождения. В

данном положении превалируют такие установки, как «быть как все», «где все, там и я», «я часть коллектива» и « я в тренде, как и я моя компания». Группа, в которой субъект проводит своё свободное время, характеризуется сильным желанием проявить бунтарство, сделать какое-либо действие на зло и вопреки родителям, учителям и иных людей, оказывающих на несовершеннолетних непосредственное влияние.

Личность преступника характеризуется не только мотивом, но и иными признаками. В большинстве случаев, вандализм совершают лица мужского пола, возраст ограничивается пределами от 16 до 30 лет. Периодически преступление совершается в состоянии опьянения, чаще от алкогольного или наркотического, реже от токсикологического. Преимущественно субъект вандализма имеет семейные проблемы, воспитывался в неполной или неблагополучной семье, а также в семье, в которой не занимались воспитанием детей. Вероятнее всего ребёнок в возрасте от 6 до 16 лет не посещал развивающие кружки, не состоял в спортивных секциях и сообществах, из-за чего ребёнок проводил свой досуг без пользы для саморазвития и становления личности, белее того, досуг мог быть проведён и вовсе в негативном ключе для развития ребёнка. Как раз таки на данном этапе могли сформироваться аморальные качества личности, отсутствие страха наказания, эмоциональная нестабильность и как следствие, неумение контролировать свои эмоции и порождение эгоизма.

Подводя итог, можно сказать, что личность преступника является одним из предопределяющих элементов в рамках криминологической характеристики вандализма. Личность преступника может стать серьёзной зацепкой при расследовании преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [в ред. от 28 апреля 2023] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 245.

2. Кудрявцев, Д.М. Криминология: учебник / Д. М. Кудрявцев, В. Е. Эминов. — Издательство Юристъ, 1995. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775641205&tld=ru&lang=ru&name=Kriminologiya-Kudravsev Eminova.pdf&text=криминология=%20под%20редакцией%20кудрявцева%20эминова(дата обращения: 08.04.2026).

Лоис Р.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юр. наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВА ПАЦИЕНТА НА ИНФОРМИРОВАННОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается правовая природа информированного добровольного согласия (ИДС) пациента как обязательного условия законности медицинского вмешательства. Анализируются проблемы уголовно-правовой квалификации действий медицинских работников, проводивших вмешательство без ИДС, в отсутствие специального состава преступления. На основе анализа судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ показано, что отсутствие ИДС само по себе не влечёт уголовной ответственности, если не наступил вред здоровью. Предлагаются изменения в УК РФ и принятие специального постановления Пленума.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие, права пациента, уголовная ответственность, причинение вреда здоровью, неоказание помощи больному.

Информированное добровольное согласие (ИДС) является фундаментальной гарантией автономии пациента, закреплённой в статье 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Любое медицинское вмешательство без ИДС [1], за исключением экстренных случаев (угроза жизни, тяжёлые заболевания, опасные для окружающих, и др.), признаётся незаконным. Однако Уголовный кодекс РФ не содержит специальной нормы об ответственности за проведение вмешательства без добровольного согласия пациента. На практике такие деяния квалифицируются по общим составам: часть 2 статьи 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей), часть 2 статьи 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), статья 124 УК РФ (неоказание помощи больному), статья 293 УК РФ (халатность) [1, 5]. Ключевая проблема заключается в том, что для применения этих норм необходимо доказать наступление

вреда здоровью или смерти пациента. Если же медицинское вмешательство проведено без ИДС, но по счастливой случайности не повлекло вреда, уголовная ответственность не наступает, хотя право пациента грубо нарушено. Такая законодательная конструкция создаёт «серую зону», где медицинские работники, действующие вопреки воле пациента, остаются безнаказанными при отсутствии неблагоприятных последствий.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 28.06.2012 № 17 (ред. от 03.03.2025) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъяснил, что неполучение ИДС является нарушением закона, однако для привлечения к уголовной ответственности требуется установить причинно-следственную связь между этим нарушением и наступившими последствиями [3]. Из этого следует, что само по себе отсутствие ИДС уголовно ненаказуемо. Выборочный анализ 15 приговоров судов общей юрисдикции за 2023–2024 гг., размещённых в ГАС «Правосудие», показывает, что лишь в 3 случаях (20%) суды отдельно оценивали факт отсутствия ИДС. В остальных делах вопрос об ИДС вообще не исследовался, а обвинение строилось исключительно на экспертизе вреда здоровью. Например, в приговоре Ленинского районного суда г. Перми от 14.03.2024 по делу № 1-67/2024 в отношении врача-хирурга установлено, что пациент не подписывал ИДС на операцию, однако суд квалифицировал действия врача по части 2 статьи 118 УК РФ, не дав правовой оценки самому факту отсутствия согласия. В мотивировочной части указано лишь, что «нарушение порядка оказания медицинской помощи» выразилось в неправильной технике операции, а отсутствие ИДС даже не упомянуто. Такая практика свидетельствует о том, что право на ИДС de facto не является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны.

Для сравнения, в законодательстве Германии § 223 StGB [4] (телесное повреждение) предусматривает, что медицинское вмешательство без согласия пациента является уголовно наказуемым, даже если оно выполнено профессионально и не причинило вреда. Согласие пациента исключает противоправность, но только если оно информированное и добровольное. Аналогичный подход закреплён в законодательстве Франции (ст. 16-3 Гражданского кодекса) и в прецедентном праве США (дело Canterbury v. Spence, 1972). В России же отсутствие ИДС без вреда здоровью остаётся безнаказанным, что не соответствует международным стандартам защиты прав пациентов [2].

Учитывая выявленные пробелы, предлагается внести изменение в Уголовный кодекс РФ, дополнив его статьёй 118.1 «Проведение

медицинского вмешательства без информированного добровольного согласия». В части первой этой статьи установить ответственность за деяние, совершённое без цели причинения вреда, но с нарушением требований статьи 20 № 323-ФЗ, в виде штрафа до 200 тыс. руб. или обязательных работ до 360 часов. В части второй предусмотреть, что то же деяние, повлёкшее по неосторожности вред здоровью, влечёт ответственность по части 2 статьи 118 УК РФ, а повлёкшее смерть – по части 2 статьи 109 УК РФ [1, 3]. Такая норма будет выполнять превентивную функцию и защищать право пациента на автономию, не криминализируя добросовестную врачебную практику. Кроме того, необходимо принять постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о нарушении прав пациентов», в котором разъяснить, что ИДС является обязательным элементом законного медицинского вмешательства, отсутствие ИДС (за исключением экстренных случаев) образует самостоятельное нарушение, подлежащее учёту при квалификации, а бремя доказывания получения ИДС возлагается на медицинскую организацию.

Таким образом, проведённое исследование показало, что уголовно-правовая защита права пациента на информированное добровольное согласие в Российской Федерации недостаточна. Отсутствие специального состава преступления и зависимость ответственности от наступления вреда здоровью фактически обесценивают это право. Предлагаемые изменения – введение статьи 118.1 УК РФ и принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ – позволят привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами и обеспечить реальную защиту прав пациентов.

Список цитируемой литературы:

1.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 (ред. от 03.03.2025) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

2.Обзор судебной практики по делам о причинении вреда здоровью при оказании медицинской помощи (2023–2024 гг.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 2. – С. 12–18.

3.Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 14.03.2024 по делу № 1-67/2024 [Электронный ресурс] // ГАС «Правосудие». – Режим доступа: https://sudrf.ru (дата обращения: 15.04.2026).

4.Сергеев, Ю.Д. Информированное добровольное согласие пациента: правовые аспекты / Ю.Д. Сергеев, А.А. Мохов // Медицинское право. – 2024. – № 3. – С. 52–58.

5.Акопов, В.И. Уголовная ответственность медицинских работников за нарушение прав пациентов / В.И. Акопов // Российский судья. – 2025. – № 1. – С. 18–22.

Ляпина Д.К., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация

В данной статье будут рассматриваться корыстные преступления против собственности; их признаки; виды и классификация. Корыстные преступления против собственности в Российской Федерация одна из наиболее сложных в расследования категория преступлений, а потому требует более тщательного анализа и изучения.

Ключевые слова: УК РФ, собственность, преступления, преступник, корысть, противоправность.

Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за пошедший 2025 в период с января по август в процентном соотношении было зафиксировано 24,8 % краж, 23,6 % мошенничества, 1,0 % грабежей и разбоев и 0,5 % присвоения и растраты. Число преступлений, совершенных в парках, скверах, на улицах и площадях по сравнению с 2024 годом сократилось на 14 %, а количество разбоев уменьшилось на 27 %, грабежей на 31 %, краж на 20,6 %.

Несмотря на свою давнюю историю, эти преступления продолжаются оставаться актуальной проблемой как в обществе, так и в государстве в целом, а потому требуют глубокого анализа с точки зрения законодательства и с позиции правоприменительной практики.

В основном, эти преступления совершаются из корысти. Она является основной движущей силой таких преступных деяний, поскольку проявляется в жажде наживы и желании получить

имущество, которое не принадлежит лицу, совершающее преступное посягательство.

На совершение таких преступлений влияет социально-экономические факторы, которые являются фундаментом для совершения корыстных преступлений. Экономика считается определяющим фактором для преступлений против собственности. Имущественное неравенство тоже играет роль, поскольку между уровнями жизни богатых и бедных слоев населения порождает чувство социальной несправедливости, отчего у граждан появляется мотивация «перераспределения» благ незаконным путем. Важно отметить и экономическую нестабильность, а именно инфляцию и безработицу, которые могут подтолкнуть людей к поиску быстрых и незаконных способов обогащения.

Влияют и индивидуально-психологические факторы характеристики личности самого преступника. Корыстная направленность личности, которая выражается в устойчивой установке на получение материальной выгоды любым способом, даже если придется переступить закон. Немалую роль играют зависимости, такие как игромания, наркомания и алкоголизм, которые часто становятся неким «двигателем» для совершения корыстных преступлений.

Воздействует и технологический показатель, который в последние года стал одним из ключевых. Цифрофизация финансов, благодаря которой переход денег в электронную форму сделал их получение более «легким» для преступников. Тайность, которой обладает коммуникационная сеть «Интернет» позволяет совершать мошенничества (преступление, предусмотренное статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту: УК РФ), находясь за тысячи километров от жертвы, что крайне усложняет расследование правоохранительных органов. А также виктимологические факторы, которые выражаются в низкой финансовой и цифровой грамотности населения (особенно пожилых людей), что делает их «легкой добычей» для мошенников.

Корыстные преступления против собственности – это преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ, которых объединяет один общий для данных преступлений признак: стремление виновного незаконно извлечь материальную выгоду (обогатиться) за счет чужого имущества.

Существует шесть форм хищения: «кража; мошенничество; присвоение и растрата; разбой; грабеж; хищение предметов, имеющих особую ценность» [1].

Хищение также имеет и шесть обязательных признаков. Первым признаком является противоправность: у виновного нет каких-либо законных прав на предмет посягательства. Вторым признаком считается безвозмездность: виновный не дает взамен или же дают ту сумму, которая является значительно ниже реальной стоимости. Третьим признаком является изъятие и (или) обращение имущества в пользу виновного: изъятием считается физическое изымание вещи из владения собственника, а обращение – это когда вещь уже была у виновного (например, вверена ему в соответствии с исполнением служебных или трудовых обязанностей). Четвертым признаком признается чужое имущество: предмет хищения ни каким образом не может принадлежать преступнику. То есть объектом преступного посягательства должна быть вещь, которая имеет материальную ценность. Из этого следует, что нельзя походить идею, поскольку это уже будет перетекать в нарушение авторских прав или же компьютерную информацию (преступление, предусмотренное статьей 272 УК РФ), если только эта информация не зафиксирована на материальном носитель (например, флеш-накопитель), который сам по себе имеет ценность. Пятым признаком является корыстная цель: виновный хочет обогатиться сам или же обогатить других (например, друзей или же родственников). И последним признаком, шестым, является причинение ущерба собственнику: важно установить реальный ущерб, который понесло потерпевшее лицо.

Социальная обусловленность (т.е. причины и условия) корыстных преступлений против собственности многогранна и прочно удерживается в сложной совокупности социально-экономических и правовых факторов. Рассмотрим их подробней.

На экономические факторы играет неравенство доходов и бедность, которые выражаются в значительном разрыве между высшими и низшими слоями общества, что часто подталкивает граждан на совершение ими преступлений. Не малую роль играет и безработица, поскольку отсутствие постоянного источника дохода, особенно среди неблагополучных семей и несовершеннолетних, является мощным криминогенным фактором. Также кризисные явления в экономике такие как инфляция, экономические спады и банкротства предприятий приводят к росту преступности, так как ухудшают материальное положение населения.

Рассматривая правовой фактор, можно выделить, что в обществе складывается низкий уровень правовой культуры. То есть, незнание или же отрицание законов со стороны граждан может способствовать совершению новых преступлений. Не стоит забывать и про сложности

в расследовании этой группы преступлений, учитывая, как возросли случаи мошенничества за последние три года (за период с 2022 по 2025 года). И, наконец, коррупционные преступления, которые вытекают из корыстных и способствуют совершению преступлений, поскольку должностные лица могут «закрывать глаза» на незаконную деятельность в корыстных целях, и чтобы с помощью этих действий обогатить себя.

Классификация корыстных преступлений против собственности в уголовном праве считается важным инструментом для понимания сущности этих преступлений.

Посягательства на собственность имеют сложный объект, в ходе изучения которого можно выделить несколько уровней: родовой объект, т.е. совокупность общественных отношений, которые обеспечивают нормальное функционирование экономики; видовой объект, в который входят общественные отношения собственности (в независимости от ее формы) и непосредственный.

Объективная сторона является одной из наиболее значимых классификаций, поскольку именно способ завладения имущества или причинение ущерба является ключевым при разграничении множества составов. Способ совершения данной категории преступлений варьируется от конкретного состава (т.е. тайное, открытое, путем обмана и злоупотребления доверием и т.д.).

Субъективная сторона характеризуется в форме вины. Для большинства корыстных преступлений характерен прямой умысел: виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, ожидает наступление общественно опасных последствий и желает их наступления.

Субъект преступления общий – это вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста для привлечения его к уголовной ответственности.

Таким образом, преступления против собственности – это сложная группа преступлений, которая требует досконального исследования и не менее тщательного расследования. Правоохранительным органам и законодательству следует проводить как можно больше профилактических мер, которые позволят устранить причины и условия, которые способствуют совершению данных преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 августа

2017 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. - Москва : Эксмо, 2017. - 350 с. - (Актуальное законодательство). - ISBN 978-5-04-004029-2. - Текст : непосредственный.

2. Рарог, А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / А. И. Рарог, А. И. Чучаев ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2024. – 816 с.

Макарова М.Е., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация

Правосудие – инструмент легитимации государственной власти и защиты прав человека, поэтому преступления должностных лиц в этой сфере представляют повышенную общественную опасность. В статье анализируются современные уголовно-правовые механизмы борьбы с должностными преступлениями в сфере правосудия. Анализ проведен с позиции значения данного явления как фактора правовой защиты личности.

Ключевые слова: личность, правовая защита, правосудие, правоохранительные органы.

Уголовная ответственность за преступления против правосудия регламентируется гл. 31 УК РФ. Уголовный кодекс не дает определения самого понятия преступлений против правосудия. В теории уголовного права преступления против правосудия характеризуются как умышленные деяния, нарушающие правильную работу суда и других органов, содействующих ему в осуществлении правосудия, совершаемые должностными лицами указанных органов или гражданами, обязанными содействовать либо не препятствовать этой

деятельности.

В качестве объекта уголовно-правовой охраны правосудия Л.В. Лобанова [5] предлагает рассматривать систему общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-правоприменительной, процессуально-упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц. Такое понимание объекта уголовно-правовой охраны правосудия представляется правильным.

Ущерб от подобных деяний проникает в сферы правовой защищенности, не ограничиваясь лишь искажением конкретных правоотношений в рамках судопроизводства. На уровне личности фиксируется прямое нарушение конституционного права на судебную защиту, причем свобода и имущественные интересы гражданина оказываются под незаконным ограничением. Для общества последствия выливаются в падение авторитета судебной системы – формируется устойчивое недоверие к государству как арбитру, обязаному гарантировать справедливость. Государство же сталкивается с размыванием системы сдержек и противовесов, коррупционные механизмы и властные злоупотребления получают питательную среду [1].

Преступления против правосудия могут совершать как граждане, вовлеченные и невовлеченные в сферу судопроизводства, так и судьи (в том числе присяжные и арбитражные заседатели), а также должностные лица правоохранительных органов. Совершаемые должностными лицами – судьями, прокурорами, следователями, дознавателями, сотрудниками органов принудительного исполнения – посягательства на правосудие представляют собой прямую противоположность режиму законности. Потому уголовно-правовое противодействие выходит за рамки сугубо отраслевой принадлежности. Оно приобретает статус одного из базовых элементов национальной безопасности.

Последствия должностных злоупотреблений в сфере правосудия затрагивают состояние правовой защищенности. Конституционное право личности на судебную защиту оказывается нарушенным, свобода и имущественные интересы гражданина – незаконно ограниченными. Переходя к уровню общественных отношений, фиксируется подрыв авторитета судебной системы: государство перестает восприниматься как надежный гарант справедливости, формируется устойчивое недоверие к властным институтам. Для самого государства разрушение системы сдержек и противовесов создает благоприятные условия – коррупционные схемы и властные злоупотребления получают

возможность для беспрепятственного распространения.

Прямой антипод законности представляют собой деяния, совершаемые судьями, прокурорами, следователями, дознавателями, а также сотрудниками органов принудительного исполнения. Уголовно-правовое противодействие выходит здесь за рамки сугубо отраслевой проблематики. Оно трансформируется в базовый элемент национальной безопасности [3]. Такова цена процессуальных злоупотреблений, подрывающих легитимность судебных решений, коррумпирующих следственные действия и подменяющих доказательственную базу административным усмотрением.

Одним из направлений противодействия выступает создание независимого расследовательного органа по преступлениям судей. Зарубежные модели – например, французская – демонстрируют работоспособность специализированных структур, остающихся вне системы Следственного комитета и сохраняющих оперативную независимость при функциональном подчинении судебной власти. Санкционное давление за должностные преступления против правосудия нуждается в повышении. Общественная опасность заведомо неправосудного приговора сопоставима с умышленным убийством (когда речь идет о незаконном лишении свободы) либо с хищением в особо крупном размере (применительно к гражданскому процессу). Представляется обоснованным введение минимальных сроков лишения свободы, исключающих применение ст. 73 УК РФ (условное осуждение).

Таким образом, судьи, прокуроры, следователи и дознаватели, злоупотребляя служебным положением, наносят ущерб, выходящий далеко за рамки частных процессуальных нарушений. Для личности последствия выражаются в незаконном ограничении свободы и имущественных интересов. Правоприменительная практика регулярно упирается в иммунитеты должностных лиц, корпоративную солидарность внутри правоохранительных и судейского сообществ. Общество сталкивается с подрывом авторитета судебной власти, утрачивая восприятие государства как надежного гаранта справедливости. Государственная система сдержек и противовесов разрушается, что ведет к еще большей деградации правовой системы и нарушения прав и свобод личности.

Список цитируемой литературы:

1. Анисимова, И.А. Проблема определения понятия «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия» в диспозиции статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации / И.А. Анисимова, М.А.

Вишнивецкая // Вестник науки и образования. – 2019. – № 23-1 (77). – С. 64-68.

2. Бриллиантов, А.В. Настольная книга судьи: преступление против правосудия / А.В. Бриллиантов, Н.Р. Косевич. – Москва, 2008. – 557 с.

3. Гармышев, Я.В. Преступление против правосудия: учебное пособие / Я.В. Гармышев. – Иркутск: Издат. дом БГУ, 2021. – 155 с.

4. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.

5. Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – 89 с.

Меркулова Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация

Мошенничество, представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Мошенничество является одной из наиболее распространённых форм преступлений в современном мире. Его масштабы растут с каждым годом, а способы становятся всё более изощрёнными. В статье рассмотрена уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества.

Ключевые слова: уголовное дело, мошенничество, доверие, корыстная цель.

Глава 21 УК РФ помещает мошенничество в один ряд с кражей, грабежом и разбоем – традиционно относя его к числу хищений. Способ изъятия чужого имущества раскрывает отличие: ни тайности действий, ни насилия виновный не применяет. Вместо силового или скрытого

завладения запускается иной механизм – потерпевший, введённый в заблуждение, добровольно передаёт имущество.

Оказывая негативное влияние на неустойчивых членов общества, внося дезорганизацию в экономическую систему страны, данная категория преступлений создает возможность для незаконного (неправомерного) обогащения одних людей за счет других, что позволяет совершать данное преступление неоднократно. Именно в этом усматривается основная общественная опасность мошенничества.

Обман (искажение объективных обстоятельств) и умолчание о правах и обязанностях, влияющее на принятие решения – две формы элемента состава. Злоупотребление доверием фиксируется в ситуации, когда виновный использует сложившиеся личные или служебные связи: берёт деньги в долг без намерения возвращать, прикрываясь родственными отношениями. Результат един – потерпевший самостоятельно отчуждает имущество либо право на него.

Разновидности мошенничества определяются согласно статьям Уголовного кодекса. Кредитная сфера регулируется ст. 159.1 УК РФ (предоставление банку заведомо ложных сведений). Социальные выплаты – субсидии, пенсии, пособия – попадают под действие ст. 159.2. Платёжные карты фигурируют в ст. 159.3 (оплата чужим пластиком без разрешения). Компьютерное мошенничество (незаконный перевод средств через вредоносные программы или подделку интерфейсов) описывает ст. 159.6. Такой признак как безвозмездность объединяет все перечисленные составы. Потерпевший не получает равноценного встречного предоставления.

Мошенникам свойственна тщательная подготовка своих действий, их обдуманность и всесторонняя проработанность. Мошенник при подготовке преступления думает не только о завладении, например, чужим имуществом, но и о мерах, необходимых для того, чтобы его не поймали.

Согласно диспозиции ст. 159 УК РФ предметом хищения может быть, как чужое имущество, так и приобретение права на чужое имущество, которые находят отражение в заключенных письменно договорах, соглашениях или других документах имеющих юридическую силу. Предмет хищения, в отличие от объекта - отношений собственности, обязательно должен находить отражение и являться частью материального мира.

Характер преступного последствия непосредственно определяет и позволяет сделать вывод о совершенном общественно опасном деянии, что впоследствии позволит дать правильную квалификацию деяния.

Следующим признаком мошенничества является безвозмездность изъятия или обращения имущества. Так безвозмездность, по своему смыслу, предполагает изъятие или обращение имущества без его возврата, обмена на другой товар (услугу) или предоставления какой-либо иного материальной компенсации. Таким образом, совершаются самые простые преступления, а именно кража и грабёж. Однако судебная практика признает безвозмездность и в случае частичного, явно неадекватного возмещения ущерба, что чаще всего встречается при мошенничестве.

Ответственность за мошенничество сильно разнится в зависимости от обстоятельств дела. Наказание – от штрафа до заключения до 10 лет.

Типичный портрет осуждённого за мошенничество: мужчина в возрасте 25–40 лет со средним или средне-специальным образованием. Развитая коммуникабельность, артистизм, способность расположить к себе – качества, отличающие такого субъекта от вора. Женщины среди фигурантов дел о мошенничестве встречаются чаще, чем по иным видам хищений (примерно 25–30% от общего числа). Сама природа деяния даёт объяснение: обман не требует физической силы либо грубого взлома – здесь востребованы мягкость, доверительная интонация, эмпатия.

Высокая латентность – отличительная черта мошенничества. Потерпевший обращается в полицию далеко не всегда. Стыд от того, что его обманули, страх разоблачения собственных неблаговидных действий (покупка контрафакта, участие в незаконной сделке) либо убеждённость в бесполезности розыска – причины варьируются.

Среди мотивов - стремление к «лёгкой жизни», материальные трудности, авантюрный склад ума.

Один из перечисленных мотивов присутствует всегда, хотя нередко они сочетаются. Дополняя друг друга, придают противоправной деятельности целеустремлённый и постоянный характер, повышая тем самым уровень общественной опасности.

Группа лиц по предварительному сговору – наиболее распространённая форма. Наличие предварительных договорённостей упрощает совершение мошенничеств, позволяя спланировать не только само преступление, но и его сокрытие [3, С. 150].

Взрослые мошенники, как правило, не вовлекают в свои схемы несовершеннолетних. Для несовершеннолетних мошенников также нетипично совершать преступления вместе со сверстниками.

Принимая во внимание, что при совершении мошенничества преступник, действуя умышленно, преследует в качестве основной

корыстную цель, стоит остановиться на том, что же побудило его совершить преступление, то есть на мотиве. Потребности, ради которых лицо совершает преступление, могут быть весьма разнообразными, от покупки продуктов питания до приобретения элитных вещей, недвижимости.

Часть мошенников мошенников относятся к игровому типу. Низкий нравственно-культурный уровень, обусловленный индивидуальной психологией, толкает таких субъектов на игнорирование неприкосновенности чужого имущества. Наглость, дерзость, зависть, эгоизм – отрицательные антиобщественные черты характера – дополняются негативными эмоциональными и волевыми качествами. Желание похитить чужое возникает не из корысти, а ради развлечения, шалости либо игры.

Неадаптированные также составляют часть от общего числа мошенников. Совершение обманных действий становится для них основным либо единственным источником дохода. Ранее судимые лица или профессионалы-мошенники – типичные представители разновидности. Алкогольно-наркотизированный тип фиксируется редко.

Две категории граждан становятся жертвами чаще остальных. Пожилые люди, особенно одинокие пенсионеры, подвергаются давлению на жалость, инсценировке аварии с родственником, продаже «чудо-приборов» по завышенной цене – классические схемы. Пользователи интернета и платёжных систем, не обладающие цифровой грамотностью, составляют вторую группу риска. Фишинговая ссылка или сообщённый «сотруднику банка» код из СМС приводят к списанию средств за считанные минуты. Последние годы демонстрируют смещение в сторону дистанционных контактов – доля подобных преступлений превысила 60% от всех зарегистрированных мошенничеств. Однако борьба с дистанционным мошенничеством, прежде всего способами получения денежных средств привела к тому, что мошенники начали использовать курьеров. То есть они обманывают сразу несколько лиц – потерпевшего, и того, кого используют качестве курьера. Сопровождается это все незаконными банковскими операциями, поэтому борьба с мошенничеством означает одновременно воздействие и на иные виды преступлений.

Задача осложняется высокой адаптивностью преступников – любая система защиты через 3–6 месяцев сталкивается с обходными схемами. Следовательно, законодатель и правоохранители должны действовать на опережение, обновляя инструментарий с той же скоростью, с какой меняется сама преступная среда [2, С. 111].

Изучение способов совершения мошенничества и специфики их применения позволяет утверждать: обман и злоупотребление доверием могут быть направлены не только на потерпевшего (владельца или собственника имущества), но и на иных лиц, способных совершать юридически значимые действия (акты и поступки) в отношении предмета преступления. Потерпевшим от мошенничества признаётся лицо, которому причинён ущерб – собственник имущества либо обладатель денежных средств. Обман или злоупотребление доверием как способы совершения преступления вовсе не обязательно адресовать непосредственно потерпевшему.

На текущем этапе все более острой становится проблема квалификации мошенничества в части разграничения этого преступления от гражданско-правовых отношений. В некоторых случаях действия, которые внешне могут быть похожи на мошенничество, на самом деле являются результатом гражданско-правовых отношений, таких как неисполнение обязательств, неосновательное обогащение и другие. В таких случаях необходимо тщательно исследовать все обстоятельства дела, чтобы установить наличие или отсутствие признаков мошенничества.

Простой пример – когда заведомо берутся кредиты с целью невозврата средств. Если внесено несколько платежей по кредиту, то данная категория дел рассматривается в гражданском производстве. Если платежей не было – в уголовном. Однако преступник может вносить платежи с целью сокрытия своего умысла.

Важно при квалификации такого деяния, как мошенничество, акцентировать внимание на цели и способе совершения преступления. Именно чужое имущество является основной целью мошенничества, а способом совершения преступления является злоупотребление доверия и обман. Потерпевший сам передаёт деньги либо подписывает распоряжение на перевод – перед нами мошенничество. Злоумышленник тайно списывает средства, используя вирус или украденные данные –кража (п. «г» ч. 3 ст. 158) [6, С. 308].

Отсутствие факта хищения служит разграничительной линией со ст. 165 УК РФ. Уклонение от оплаты коммунальных услуг либо обманный не допуск пристава к арестованному автомобилю – здесь чужое имущество не изымается, а лишь не передаётся законному владельцу. Мошенничество же всегда предполагает незаконное безвозмездное обращение имущества в пользу виновного.

Актуальные сферы противодействия мошенничеству – банковская система и недвижимость. В результате действий мошенников граждане нередко лишаются единственного жилья. На

первичном и вторичном рынках недвижимости способы обмана и злоупотребления доверием существенно разнятся. Приобретение жилья по поддельным документам, многократная продажа одного и того же объекта, аренда или продажа чужой недвижимости, а также рейдерские захваты предприятий – наиболее типичные схемы. Комбинированный обман (одновременное использование нескольких видов) фиксируется при совершении преступлений рассматриваемой категории чаще всего. Сообщение ложных сведений сопровождается утаиванием правдивых; введение в заблуждение касается не только личности либо намерений, но и природы происхождения недвижимости. Анализируется и сфера применения соответствующих приёмов.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.04.2026).

2. Белоногова, А.В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / А.В. Белоногова // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». —2022. № 12 (75). - С.110-119.

3. Герасимова, Е.В. Перспективы развития законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за мошенничество с использованием сети Интернет и мобильной связи / Е.В. Герасимова // Вопросы российского и международного права. — 2022. - № 8А. - С.148-155.

4. Замалеева, С.В. О некоторых проблемах квалификации мошенничества / С.В. Замалеева // Право и государство: теория и практика. — 2022. – № 7 (211). - С.133-134.

5. Игнатов, А.Н. Уголовное право России / А.Н. Игнатов. - СПб: Питер, 2023. - 736 с.

6. Ногинов, В.О., Засеева, Д.Д. Проблемы правоприменительной практики при квалификации мошенничества в сфере оборота компьютерной информации / В.О. Ногинов, Д.Д. Засеева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. — Чебоксары.: «Издательский дом «Среда». — 2023. - С. 308-309.

Миронова А.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид наук, доц.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье установлена и раскрыта эффективность противодействию экстремизму, а также современное положение и перспективы развития законодательства в данной сфере. Приведена официальная статистика. Формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: преступление, экстремизм, противодействие экстремизму, официальная статистика, экстремистский характер.

Современная Россия сталкивается с беспрецедентным ростом угроз экстремистского и террористического характера, что актуализирует проблему эффективности государственной системы противодействия этим явлениям. По данным официальной статистики, в 2025 году количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличилось на 30% по сравнению с предыдущим годом, а террористического характера — на 60% [6]. Особую тревогу вызывает тот факт, что число несовершеннолетних, причастных к совершению экстремистских и террористических преступлений, выросло вдвое [7]. Эти данные свидетельствуют о необходимости критического анализа существующей системы противодействия экстремизму и выработки рекомендаций по повышению её эффективности.

Прежде чем перейти к анализу эффективности противодействия, необходимо определиться с понятийным аппаратом. Как справедливо отмечается в научной литературе, действующие российские нормативные правовые акты не дают четкого легального определения терроризма и экстремизма [3]. В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует легальное определение терроризма, что существенно усложняет квалификацию этих деяний на практике [3]. С юридической точки зрения экстремизм представляет собой конкретные действия (или их пропаганду), ориентированные на ущемление прав

социальных групп по их личным характеристикам, насильственное изменение конституционного строя и создание препятствий для деятельности органов власти [3]. Терроризм же рассматривается как идеология насилия и практика воздействия на власть посредством устрашения населения [3]. Эта понятийная неопределенность создает серьезные проблемы для правоприменительной практики и снижает эффективность противодействия.

Одним из ключевых факторов, детерминирующих рост экстремизма в современной России, является цифровизация общественной жизни. Информационные технологии предоставили экстремистам и террористам новые возможности для агитации, пропаганды и вербовки [3]. Как отметил Генеральный прокурор РФ Александр Гуцан, экстремистские преступления в большинстве случаев совершаются при содействии или под контролем соответствующих сообществ в сети Интернет [7]. По требованию прокуратуры Роскомнадзор заблокировал доступ к 62 тысячам интернет-страниц с экстремистским содержанием [6]. Однако, несмотря на эти меры, проблема распространения экстремистской идеологии в цифровом пространстве далеко не решена. Противник постоянно адаптируется, используя новые платформы и методы скрытой коммуникации.

Значимой проблемой является также вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность. Исследования показывают, что российская молодежь представляет собой группу риска вовлечения в экстремистские и террористические структуры [5]. Особенность склонения к экстремистской деятельности проявляется в том, что вербовщики воздействуют не на разум и здравый смысл, а на инстинкты, чувства и эмоции [3]. На заседании Национального антитеррористического комитета в октябре 2025 года было отмечено, что среди лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность, растет доля молодежи, в том числе несовершеннолетних, радикализация которых происходит под воздействием зарубежных религиозных образовательных организаций [9]. В этой связи необходима разработка комплексных криминологических программ в области молодежной политики, направленных на нейтрализацию основных причин, по которым молодые люди соглашаются пополнять ряды экстремистских объединений [5].

Социально-экономические факторы также играют существенную роль в детерминации экстремизма. Ослабление социально-экономической сферы, имущественное расслоение, рост теневой экономики и коррупции формируют ресурсную основу для развития экстремизма и терроризма [5]. Негативные тенденции в экономике

приводят к снижению уровня доверия населения к органам власти, что создает риск появления новых сторонников радикальных группировок [3]. В связи с этим противодействие экстремизму должно включать меры по улучшению социально-экономического положения страны, борьбе с теневой экономикой и коррупцией, отслеживанию каналов финансирования экстремистской деятельности.

Миграционные процессы также создают дополнительные вызовы для системы противодействия экстремизму. Прирост мигрантов из государств Средней Азии продолжается, однако не все из них готовы к ассимиляции в российское общество [3]. Культурная и религиозная разница между гражданами РФ и мигрантами может быть положена в основу неприязни, а некоторые мигранты могут быть склонны к участию в экстремистской деятельности [3]. Усиление миграционного контроля и надзора за мигрантами должно восприниматься как часть государственной политики по противодействию экстремизму.

Анализ официальных данных о результатах деятельности правоохранительных органов позволяет сделать вывод о наличии определенных успехов в противодействии экстремизму. По информации Национального антитеррористического комитета, только в 2025 году в России было предотвращено 423 преступления террористической направленности, включая 308 терактов, пресечена деятельность 79 законспирированных террористических ячеек, задержаны более 2,5 тыс. боевиков и их пособников [8]. В Приволжском федеральном округе более чем в два раза снизилось количество совершенных террористических преступлений, на стадии подготовки предотвращено 33 таких преступления, в том числе 27 терактов [9]. Эти данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне оперативной работы специальных служб.

Однако, несмотря на эти успехи, существует ряд системных проблем, снижающих эффективность противодействия экстремизму. Во-первых, это несовершенство законодательства. Отсутствие четких определений терроризма и экстремизма в уголовном законе, размытость критериев отнесения тех или иных деяний к экстремистским создают почву для правоприменительных ошибок и злоупотреблений [2]. Как отмечают эксперты, первый этап формирования единой системы борьбы с экстремизмом должно составить устранение пробелов и лакун в национальном законодательстве [5].

Во-вторых, это проблема профилактики экстремизма. Председатель Национального антитеррористического комитета Александр Бортников на заседании НАК в октябре 2025 года акцентировал внимание на необходимости повышения эффективности

профилактической работы на муниципальном уровне, активизации адресной и индивидуальной профилактики, исключении формально-бюрократического подхода к осуществлению профилактических мероприятий [9]. Профилактическая работа зачастую носит формальный характер, не учитывая реальные потребности и проблемы целевых аудиторий, в первую очередь молодежи.

В-третьих, это недостаточная координация между различными субъектами системы противодействия экстремизму. Противодействие экстремизму требует комплексного, системного подхода, объединяющего усилия правоохранительных органов, органов власти, образовательных учреждений, институтов гражданского общества. Однако на практике нередко наблюдается разобщенность этих усилий, отсутствие единой стратегии и четкого распределения полномочий.

Международный аспект противодействия экстремизму также требует особого внимания. По словам А.В. Бортникова, Россия фактически сталкивается с «диверсионно-террористической войной», организованной спецслужбами Украины и их зарубежными кураторами [8]. Противник не только пытается наносить точечные удары, но и неизбирательно атакует гражданское население ракетами и беспилотниками [8]. Число террористических актов увеличилось вдвое главным образом за счет беспилотных и артиллерийских атак [1]. В этих условиях возрастает значение международного сотрудничества в сфере противодействия экстремизму. Созданный под эгидой НАК Международный банк данных по противодействию терроризму, которым пользуются спецслужбы из 55 стран, является востребованным инструментом сотрудничества [8].

Результативное противодействие экстремизму в современной России складывается из нескольких взаимосвязанных блоков мер. Первый блок касается правовой базы: нужны чёткие легальные дефиниции терроризма и экстремизма, единообразие судебной и следственной практики, ликвидация существующих законодательных лакун. Второй блок — профилактика: требуется запуск комплексных программ для разных возрастных и социальных категорий с учётом актуальных приёмов вербовщиков. Третий блок — координация: налаживание тесного взаимодействия между правоохранителями, органами власти, учебными заведениями и структурами гражданского общества. Четвёртый — международное сотрудничество: его нужно не сворачивать, а углублять. Пятый — цифровая сфера: улучшение механизмов обнаружения и закрытия экстремистских материалов, наращивание контрпропаганды и повышение цифровой грамотности людей.

Однозначной оценки эффективности нынешней системы противодействия экстремизму дать нельзя. Правоохранительные органы действительно добились заметных успехов в предотвращении терактов и ликвидации экстремистских ячеек. В то же время официальная статистика фиксирует устойчивый рост регистрируемых преступлений экстремистской и террористической направленности — значит, угроза не только сохраняется, но и нарастает. Следовательно, требуется дальнейшая донастройка системы по всем направлениям: правовому, организационному, профилактическому, международному. Только комплексный, системный подход, отвечающий современным вызовам, способен привести к реальному снижению уровня экстремизма в российском обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Гуцан А.В. Выступление на пленарном заседании Совета Федерации 15 апреля 2026 года // Парламентская газета. 2026. 15 апреля.

2. Демьянова К.Э., Корсаков К.В. Российская молодежь как группа риска вовлечения в экстремистские и террористические структуры: пути снижения виктимности // Виктимология. 2025. Т. 12. № 3. С. 330-342.

3. Лавренов Е.С. Основные проблемы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации // Молодой ученый. 2026. № 1 (604). С. 110-113.

4. Материалы заседания Национального антитеррористического комитета 14 октября 2025 года // Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

5. Отчет о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года // МВД России. 2026.

6. Предотвратили сотни терактов: Бортников рассказал о борьбе с терроризмом в России // Sputnik Армения. 2026. 10 марта.

7. Число подростков, причастных к терроризму, выросло вдвое в 2025 году // Парламентская газета. 2026. 15 апреля.

Мошкарова Е.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация

Российская Федерация на протяжении последних десятилетий неоднократно сталкивалась с террористическими актами, повлекшими многочисленные человеческие жертвы. Общественная опасность преступлений террористической направленности вынуждает искать более эффективные формы противодействия им, в том числе в правовом поле. Повышенная общественная опасность и тенденция к росту числа таких деяний – отличительные черты преступлений террористической направленности. Механизм их совершения усложняется. Типичным способом распространения идеологии терроризма становится использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. В статье исследуется правовая регламентация ответственности за преступления террористической направленности.

Ключевые слова: террористический акт, преступления террористической направленности, терроризм, уголовная ответственность.

Количество террористических преступлений в России сегодня оценивается в сотни актов с тысячами жертв. Специальная военная операция повышает риски совершения терактов в нашей стране.

Примечание 1 к статье 205 Уголовного кодекса РФ содержит легальное определение преступлений террористической направленности. К ним относятся деяния, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, при условии совершения в террористических целях. Представляется, что под терроризмом необходимо понимать отрицание самой ценности государственного устройства в его нынешнем виде, волевое желание создать систему, в принципе альтернативную современной системе сосуществования и взаимодействия государств и международных организаций. В узком смысле под «террористическими» чаще понимают посягательства на

общественную безопасность, направленные на устрашение населения и воздействие на решения органов власти.

С правовой точки зрения терроризм — это феномен, который рассматривается как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий [6, С. 163].

Террористический акт (ст. 205 УК РФ) выступает основным составом. Объективная сторона включает взрыв, поджог или иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления тяжких последствий. Обязательная цель – дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, воздействие на принятие ими решений, а также устрашение населения.

Содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) охватывает склонение, вербовку, вовлечение в совершение преступлений террористической направленности и финансирование терроризма. Финансирование означает предоставление или сбор средств с осознанием их использования для подготовки или совершения преступлений террористического характера. Состав признаётся оконченным с момента совершения хотя бы одного из перечисленных действий – независимо от того, состоялся ли фактически террористический акт. Наиболее сложными при квалификации террористического акта являются вопросы, связанные с определением устойчивости объединения - организованной группы [3, С.15].

Публичные призывы к террористической деятельности и публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) представляют собой самостоятельные составы. Они направлены на профилактику распространения идеологии насилия. Оправдание терроризма – публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, заслуживающими поддержки и подражания. Федеральный закон № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» существенно усилил уголовную ответственность за подобные действия – наказание ограничивается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы.

Статья 205.4 УК РФ криминализирует организацию террористического сообщества, а статья 205.5 – участие в нём. Речь идёт об устойчивой группе лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного либо нескольких террористических актов. Сообщество, в отличие от террористической организации (признаваемой таковой по решению суда), не проходит формальную регистрацию. Структура, распределение ролей и общий преступный умысел – обязательные признаки.

Отграничение террористического акта от смежных составов проводится по целям. Диверсия (ст. 281 УК РФ) направлена на подрыв экономической основы государства. Бандитизм (ст. 209 УК РФ) нацелен на нападение на граждан или организации. Террористический акт всегда сопряжён с устрашением населения и воздействием на власть. При наличии признаков нескольких составов содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Криминологическое измерение личности террориста не даёт единого социально-демографического портрета. Преобладающий пол – мужской (свыше 85% осуждённых). Возрастной диапазон – от 18 до 35 лет, ядро составляют лица 22–30 лет. Уровень образования чаще средний или неполный средний, хотя среди идеологов и вербовщиков встречаются люди с высшим образованием. Характерны отсутствие устойчивых семейных связей и склонность к маргинальности. Высокая подверженность воздействию пропаганды в интернете – ещё одна отличительная черта [4, С. 70].

Квалификация преступлений террористической направленности порождает трудности, связанные прежде всего с доказыванием специальной цели. Для признания деяния террористическим актом требуется установить: действия совершались именно с целью устрашения населения и воздействия на власть. Взрыв в общественном месте из хулиганских побуждений или с целью скрыть другое преступление (уничтожить вещественные доказательства) подпадает под статью 167 УК РФ (умышленное уничтожение имущества) либо под статью 213 УК РФ (хулиганство) – без отягчающих признаков.

Показательно постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Пленум разъяснил: для признания публичных призывов не требуется, чтобы адресаты фактически восприняли призыв и начали действовать. Достаточно самого факта публичного высказывания в любой форме – устно, письменно, с использованием технических средств. Устрашение населения - это лишь средство достижения конкретной цели

террористов, а именно оказать воздействие на политические, поэтому выбираются такие способы осуществления террористического акта, которые могут породить волнение, панику среди широких слоев населения. Общеопасный способ совершения деяния (взрыв, поджог, иные действия устрашающего характера), как правило, многочисленные случайные жертвы - все это свидетельствует о том, что террористический акт по своей природе объективно устрашает население.

В судебной практике последних лет выделяются дела о финансировании терроризма через переводы средств с применением криптовалют. Суды всё чаще принимают в качестве доказательств заключения экспертов по исследованию блокчейна и цифровых следов. Проблема доказывания осведомлённости отправителя о том, что средства пойдут именно на террористическую деятельность, сохраняется. Решается она через совокупность косвенных доказательств: переписка в мессенджерах, аффилированность с экстремистскими организациями, анонимные счета. Использование сети Интернет квалифицируется как отягчающее обстоятельство.

Противодействие преступлениям террористической направленности в Российской Федерации базируется на Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Система включает уровни: предупреждение (профилактика), пресечение и ликвидация последствий.

Общесоциальные профилактические меры охватывают повышение уровня жизни, снижение социального неравенства, интеграцию мигрантов и развитие патриотического воспитания. Специально-криминологические меры – мониторинг интернета для выявления террористического контента, работа с лицами, склонными к радикализации (через органы внутренних дел, психологов, духовные управления), формирование в обществе нетерпимости к идеологии терроризма. Оперативно-розыскные меры включают контроль за оборотом оружия, взрывчатых веществ и средств связи, выявление каналов финансирования, внедрение в террористические сообщества.

Противодействие вовлечению молодёжи стало важнейшим направлением в последние годы. Практика противодействия преступлениям террористической направленности за 2023–2026 гг. столкнулась с вызовами, прежде не урегулированными в полной мере ни на законодательном уровне, ни в доктринальном плане. Террористические структуры осваивают искусственный интеллект и дипфейки. Вербовка всё чаще ведётся через онлайн-игры и геймерские платформы. Появился феномен «терроризма-подражания» –

колумбайн-движение, признанное в РФ террористическим. В учебных заведениях разработаны и реализуются программы дерадикализации, включающие курсы по критическому мышлению и медиаграмотности. Создана сеть центров психологической помощи для лиц, оказавшихся под влиянием деструктивных культов.

Международное сотрудничество осуществляется в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), СНГ и через взаимодействие с Интерполом. Обмен оперативной информацией о вербовщиках, финансистах и проходящих подготовку террористах позволяет предотвращать трансграничные теракты [5, С. 60].

Таким образом, центральное место в системе преступлений террористической направленности занимает террористический акт (ст. 205 УК РФ). Вспомогательную роль выполняют содействие, финансирование, призывы и организация террористического сообщества – все составы взаимосвязаны. Криминологический портрет современного террориста изменился. Наряду с членами организованных групп возросла доля одиночек, действующих под влиянием интернет-пропаганды. Изложенные соображения позволяют заключить сложность проблемы противодействия терроризму и преступлениям террористической направленности и акцентировать внимание на необходимости правовых средств его осуществления. Судебная практика демонстрирует тенденцию к унификации подходов при квалификации. Проблемы сохраняются: доказывание специальной цели, финансирование через децентрализованные платёжные системы. Терроризм сегодня – это уже не просто средство, с помощью которого можно запугать конкретных людей или метод совершения политических убийств. Нынешние акции терроризма продуманы и спланированы, они имеют крепкую идеологическую, финансовую и политическую основу. Эффективность противодействия обеспечивается сочетанием оперативно-разыскных, правовых и профилактических мер. Приоритет отдаётся работе с молодёжью и контрпропаганде в информационном пространстве. Отдельно хочется отметить средства массовой информации, которые оказали большое влияние на популяризацию терроризма. Генеративные нейросети – ChatGPT, Midjourney, Sora – породили технологии создания дипфейков. Появилась возможность генерировать реалистичные видеообращения от имени лидеров террористических организаций. Фальшивые новости о якобы готовящихся терактах, как и опровержения реальных угроз, также могут быть созданы с помощью подобных инструментов.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – 25 июня.

2. О противодействии терроризму: федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят Гос. Думой Рос. Федерации 26 февраля 2006 г. // Рос. газ. - 2006. - 10 марта - № 48.

3. Алымов, Д.В. Основные направления противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях / Д.В. Алымов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2022. - № 1. - С. 14-17.

4. Гедгафов, М.М. Экстремизм и терроризм как угроза современному обществу / М.М. Гедгафов // Журнал прикладных исследований. - 2022. - № 2-1. - С. 69-72.

5. Громов, Л.С. Соотношение понятий «экстремизм» и «терроризм» в российском законодательстве / Л.С. Громов // Теории, школы и концепции устойчивого развития науки в современных условиях: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Самара, 17 февраля 2023 года / - Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2023. - С. 58-60.

6. Сидорова, Е.З. Экстремизм и терроризм: история и современность / Е.З. Сидорова // Век качества. - 2022. - № 1. - С. 163-181.

Овчарова В.М., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ, СОСТАВЛЯЕМЫЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация

В статье анализируются особенности процессуальных актов, составляемых при расследовании и рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Рассматривается их специфика с учётом возрастных и психологических особенностей, а также роль в обеспечении прав и законных интересов несовершеннолетних. Сделан

вывод о значении данных актов для реализации принципов законности, справедливости и гуманизма в уголовном процессе.

Ключевые слова: несовершеннолетние, процессуальные акты, уголовное судопроизводство.

Производство по уголовным делам, связанным с правонарушениями, совершёнными лицами, не достигшими совершеннолетия, имеет ряд специфических черт, закреплённых в главе 50 УПК РФ, регулирующей порядок рассмотрения таких дел.

В процессе расследования подобных дел органы дознания и следствия обязаны соблюдать требования статьи 421 УПК РФ, предусматривающей установление возраста несовершеннолетнего. Дата рождения (день, месяц и год) подтверждается документально — свидетельством о рождении, паспортом либо, при их отсутствии, копией формы № 1.

В уголовном праве к несовершеннолетним относятся лица, которым на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет. В соответствии с частью 1 статьи 87 УК РФ, к этой категории относятся граждане в возрасте от 14 до 18 лет.

Факт достижения определённого возраста устанавливается на основании официальных документов. При этом лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности не в сам день рождения, а с начала следующих суток.

Если документы, подтверждающие возраст, отсутствуют либо вызывают сомнения в их достоверности, назначается судебно-медицинская экспертиза. В таком случае датой рождения признаётся последний день года, определённого экспертами, а при указании возраста в годах суд исходит из минимального значения, установленного специалистами.

Если лицо, не достигшее совершеннолетия, формально подпадает под возраст уголовной ответственности, но из-за задержки психического развития (не связанной с психическим заболеванием) в момент совершения деяния не могло в полной мере понимать фактическую сторону и общественную опасность своих действий либо контролировать своё поведение, оно освобождается от уголовной ответственности.

Расследование и судебное рассмотрение дел данной категории осуществляются по правилам главы 50 УПК РФ вне зависимости от того, исполнилось ли лицу 18 лет к моменту производства по делу.

Специальные процессуальные нормы, применяемые в отношении несовершеннолетних, закреплены с учётом их возрастных,

социально-психологических и иных особенностей, уровня развития и способности адекватно воспринимать происходящее. Эти положения направлены на обеспечение дополнительных гарантий всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств дела, установления причин и условий совершения преступления, а также на реализацию несовершеннолетним своих процессуальных прав. Кроме того, они предусматривают применение справедливых и обоснованных мер процессуального воздействия с учётом характеристик личности подростка.

Также Конституционный Суд РФ в постановлении от 22 мая 2019 года № 20-П разъяснил, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних могут рассматриваться судом присяжных в случаях, когда в деле участвует совершеннолетний соучастник, заявивший соответствующее ходатайство, и выделение дел в отдельное производство невозможно. [1]

С учётом специфики рассмотрения уголовных дел, связанных с участием несовершеннолетних, как на этапе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства, возникают особые требования к оформлению уголовно-процессуальных документов в отношении таких лиц.

На стадии досудебного производства по делам данной категории выделяется ряд процессуальных актов, содержание и порядок составления которых обусловлены возрастом лица, привлекаемого к уголовной ответственности. К ним относятся:

постановление о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого;

постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу;

постановление об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым);

повестка о вызове несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) на допрос;

протокол допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого);

постановление о допуске к участию в ходе досудебного производства по уголовному делу законного представителя подозреваемого (обвиняемого);

постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия. [4, с. 172]

Выделение материалов уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство является обязательным, если он участвовал в преступлении совместно со взрослым. Такое требование закреплено в ст. 422 УПК РФ и реализуется по правилам ст. 154 УПК РФ. Решение об этом принимает следователь либо дознаватель, если несовершеннолетний привлекается к ответственности вместе с совершеннолетними.

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается в отношении несовершеннолетнего только в исключительных случаях и на минимально возможный срок (ст. 423 УПК РФ). Применение данной меры осуществляется с соблюдением общих норм УПК РФ. При этом она не может использоваться в отношении лиц младше 16 лет, впервые подозреваемых или обвиняемых в преступлениях небольшой или средней тяжести, а также других несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой тяжести. Вопрос о заключении под стражу решается судом по ходатайству следствия.

При определении меры пресечения в обязательном порядке оценивается возможность передать несовершеннолетнего под надзор (ст. 105 УПК РФ). Данная мера заключается в обеспечении контроля за его поведением со стороны родителей, законных представителей либо других заслуживающих доверия лиц, а также работников специализированных учреждений. Все перечисленные субъекты принимают на себя соответствующие обязательства в письменной форме.

Привлечение несовершеннолетнего к допросу осуществляется через его законных представителей либо администрацию организации по месту обучения или трудовой деятельности (ст. 188, 424 УПК РФ). Такой механизм позволяет уведомить ответственных лиц и гарантировать явку подростка. При этом в повестке не указывается предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний или их искажение, поскольку лица, не достигшие 16-летнего возраста, к такой ответственности не привлекаются.

Допрос несовершеннолетнего ограничен по времени: он не может длиться более двух часов подряд и более четырех часов в течение дня (ст. 425 УПК РФ). Участие защитника в таких делах является обязательным; он вправе задавать вопросы и после завершения допроса проверять протокол, внося замечания.

Законные представители несовершеннолетнего допускаются к участию в деле с момента первого допроса на основании постановления следователя или дознавателя (ст. 426 УПК РФ).

Кроме того, законодательство допускает прекращение уголовного преследования с применением мер воспитательного воздействия как альтернативы наказанию. Такое решение принимается следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора. Соответствующее ходатайство вместе с материалами дела направляется в суд.

На стадии судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних к процессуальным актам, имеющим процессуальные особенности, связанные с возрастом лица, привлекаемого к уголовной ответственности, относятся:

постановление о назначении уголовного дела к слушанию судом с участием присяжных заседателей;

постановление о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

обвинительный приговор с освобождением несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия;

обвинительный приговор с освобождением несовершеннолетнего подсудимого от наказания и направлением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. [4, с. 181]

Рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей возможно по ходатайству обвиняемого. В соответствии с нормами УПК РФ такие дела подлежат рассмотрению судьёй при участии коллегии, состоящей из шести присяжных. Вместе с тем законодательство в общем порядке не предусматривает участие присяжных в делах, где обвиняемыми являются несовершеннолетние. Однако правовая позиция Конституционного Суда РФ допускает исключения: если среди подсудимых имеется совершеннолетний, заявивший соответствующее ходатайство, а выделение дела в отдельное производство способно повлиять на объективность и полноту рассмотрения, дело может слушаться с участием присяжных.

Ходатайство о таком порядке рассмотрения допускается заявлять как после завершения ознакомления сторон с материалами дела, так и в рамках предварительного слушания. По итогам этой стадии суд принимает решение о дальнейшем порядке разбирательства, в том числе о передаче дела на рассмотрение с участием присяжных заседателей.

Суду предоставлено право прекратить уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего лица в случаях, когда совершённое им деяние относится к преступлениям небольшой либо средней

тяжести, а его исправление возможно без назначения уголовного наказания. В подобных обстоятельствах применяются меры воспитательного воздействия, при этом принимаемое решение должно полностью соответствовать нормам уголовно-процессуального законодательства.

Существует и альтернативный подход: суд может вынести обвинительный приговор, одновременно освободив несовершеннолетнего от отбывания наказания. В такой ситуации назначаются воспитательные меры, если суд приходит к выводу, что достижение целей исправления возможно без реального исполнения наказания. Сам приговор оформляется с соблюдением всех общих требований, предъявляемых к судебным актам.

Если же рассматриваются преступления средней тяжести или тяжкие деяния, суд вправе признать необходимым помещение несовершеннолетнего в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. В этом случае выносится обвинительный приговор без назначения наказания, а срок пребывания в таком учреждении ограничивается достижением совершеннолетия и не может превышать трёх лет.

Специфика уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних обусловлена необходимостью усиленной правовой защиты данной категории лиц и приоритетом воспитательных мер воздействия. Законодательством предусмотрены особые процедуры, включая возможность выделения дел в самостоятельное производство, ограничения при выборе мер пресечения, обязательное участие защитника и законных представителей, а также специальные правила проведения следственных действий.

На этапе судебного разбирательства сохраняется ориентир на гуманизацию: суд может прекратить уголовное преследование либо освободить несовершеннолетнего от наказания, применив воспитательные меры. Даже при вынесении обвинительного приговора допускается использование альтернативных решений, в том числе направление в специализированные учреждения.

В целом рассмотрение уголовных дел с участием несовершеннолетних направлено на поиск равновесия между общественными интересами и необходимостью коррекции поведения подростка, при этом приоритетной задачей остаётся его исправление и дальнейшая успешная социализация.

Список цитируемой литературы:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда». — Текст : электронный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 06 апреля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст: непосредственный.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. [ред. от 02 апреля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – Текст: непосредственный.

4. Уголовно-процессуальные акты : учебник для вузов / под ред. Г. В. Стародубовой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 445 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18410-5. — Текст : непосредственный

Распадаев М.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид наук, доц.

СИСТЕМА ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МОДЕЛИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В данной статье рассматривается система волонтерской деятельности в Российской Федерации. Анализируются основные модели волонтерской деятельности, сложившиеся в отечественной практике. Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе, регулирующей волонтерскую деятельность в России, а также институциональным структурам, механизмам координации, ключевым направлениям деятельности и источникам финансирования добровольческих инициатив. На основе проведенного анализа автором

выделяются специфические черты российской модели волонтерства и формулируются выводы о современном состоянии и перспективах развития данной сферы.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, добровольческая деятельность, волонтерство, добровольчество, система волонтерской деятельности, модель волонтерской деятельности.

Волонтёрская деятельность — важная составляющая социальной жизни современного общества. В России она активно развивается, охватывая различные сферы: от помощи социально уязвимым группам населения до организации крупных спортивных и культурных мероприятий. Цель данной статьи - проанализировать систему волонтёрской деятельности в РФ и выделить основные модели её реализации. Актуальность темы обусловлена ростом значимости волонтёрства как инструмента гражданского участия и решения общественных проблем.

В Российской Федерации волонтерская деятельность регулируется Федеральным законом "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)" от 11.08.1995 N 135-ФЗ. Согласно закону под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях социальной поддержки и защиты граждан; подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий; содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов; поддержки, укрепления и защиты семьи, многодетности, сохранения традиционных семейных ценностей, популяризации института брака; содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности; охраны окружающей среды и защиты животных; оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения; содействия патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи и иных целях, указанных в п. 1 ст. 2 Федерального закона N 135. [1]

Закон закрепляет правовой статус добровольца, определяет формы поддержки волонтерской деятельности и устанавливает принципы взаимодействия государства и добровольческих организаций.

Система волонтёрской деятельности в Российской Федерации представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, которые включают в себя: институциональные структуры, механизмы координации и поддержки, целевые группы и направления деятельности, финансирование и ресурсное обеспечение.

К институциональным структурам относятся федеральные органы власти (Минпросвещения, Росмолодёжь); региональные и муниципальные органы управления; ресурсные центры поддержки добровольчества; общественные организации и НКО.

В механизмы координации и поддержки входит единая информационная система «Добро.ру», грантовые конкурсы (Фонд президентских грантов, Росмолодёжь.Гранты), образовательные программы и тренинги для волонтёров и организаторов.

Единая информационная система является важным элементом в сфере развития волонтерства, функционирование которой регулируется Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2019 г. № 1067. Система обеспечивает: формирование единой площадки по взаимодействию институтов волонтерской деятельности; создание унифицированной системы учета волонтерской деятельности (личная электронная книжка волонтера); мониторинг информации о мероприятиях в сфере волонтерства, проводимых организаторами волонтерской деятельности; мониторинг деятельности организаторов волонтерской деятельности, привлекающих к своей работе волонтеров; предоставление сведений о волонтерской деятельности, компетенциях волонтеров и полученном ими опыте; информирование о мерах поддержки участников волонтерской деятельности и др.[2] Полномочия по формированию и ведению системы осуществляет Ассоциация волонтерских центров «Добро.рф».

Целевые группы и направления деятельности охватывают социальное волонтёрство (помощь пожилым, детям, людям с инвалидностью), экологическое, событийное (мероприятия международного уровня), медицинское волонтёрство и др. Финансирование и ресурсное обеспечение включает государственные субсидии, частные пожертвования и корпоративное волонтёрство.

На основе анализа практики можно выделить несколько ключевых моделей волонтёрской деятельности.

1. Государственная (институциональная) модель характеризуется сильной ролью государства в организации и координации волонтёрской деятельности: инициированием и поддержкой крупных федеральных программ, созданием ресурсных

центров на базе государственных учреждений, вовлечением молодёжи через образовательные организации.

2. Общественная (некоммерческая) модель основана на инициативе снизу, реализуется через НКО и общественные объединения, отличается автономностью и независимостью от государства, фокусом на конкретных социальных проблемах и гибкостью в адаптации к локальным потребностям, например, волонтёрские группы помощи бездомным животным.

3. Корпоративная модель связана с вовлечением сотрудников компаний в добровольческую деятельность, поддерживается работодателем (выделение времени, ресурсов), интегрируется в корпоративную социальную ответственность, предполагает командные волонтёрские акции.

4. Образовательная модель реализуется в учебных заведениях — школах, колледжах, вузах, включает включение волонтёрства в воспитательный процесс, развитие у молодёжи социальных навыков и гражданской позиции, сотрудничество с внешними организациями.

5. Гибридная модель сочетает элементы разных подходов, предполагает партнёрство государства, бизнеса и некоммерческих организаций, характеризуется совместными проектами и программами, использованием единой информационной инфраструктуры («Добро.ру»), многоуровневым финансированием.

Система волонтёрской деятельности в России представляет собой развивающийся механизм, сочетающий различные модели организации добровольчества. Государственная, общественная, корпоративная, образовательная и гибридная модели дополняют друг друга, обеспечивая широкий охват социальных потребностей. Дальнейшее развитие волонтёрства требует совершенствования нормативно правовой базы, расширения финансовой и методической поддержки, популяризации добровольчества среди населения, укрепления партнёрства между всеми участниками системы. Реализация этих мер позволит укрепить роль волонтёрства как важного ресурса социального развития и гражданской активности в России.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 20.02.2026) "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Постановление Правительства РФ от 17.08.2019 N 1067 (ред. от 15.05.2025) "О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332077/ (дата обращения: 12.04.2026).
3. Артамонова В. В. Модели волонтерской деятельности в современном обществе / В. В. Артамонова // Общество: социология, психология, педагогика. - 2021. - №5 (85). - С. 57-61.

Селищева О.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал,г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

СУДЕБНЫЕ АКТЫ ОБ ИЗБРАНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация

В статье рассматриваются судебные акты как особая разновидность уголовно-процессуальных документов, выносимых по результатам рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования об избрании мер пресечения и иных мер процессуального принуждения. Анализируются требования к их форме и содержанию, предъявляемые уголовно-процессуальным законом и разъяснениями высших судебных инстанций. Особое внимание уделяется актуальным проблемам, возникающим при составлении данных актов, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, судебные акты, меры пресечения, меры процессуального принуждения, заключение под стражу, судебное решение.

Институт мер уголовно-процессуального принуждения занимает ключевое место в системе обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Принятие решения об их избрании, особенно о заключении под стражу, связано с существенным ограничением конституционных прав и свобод личности. Поэтому

особое значение приобретает процессуальная форма, в которую облекается данное решение, — судебный акт.

Как справедливо отмечается в учебной литературе, процессуальные акты являются не просто техническим отражением принятого решения, но и важнейшим элементом, обеспечивающим законность и обоснованность всего уголовного процесса [1, с. 15]. Цель данной работы — на основе анализа законодательства, теоретических положений (в том числе изложенных в рекомендованных источниках) и правоприменительной практики выявить ключевые проблемы, связанные с составлением судебных актов об избрании мер процессуального принуждения, и наметить пути их решения.

Судебные акты, выносимые на досудебных стадиях процесса (постановления об избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, помещении подозреваемого в медицинский стационар и др.), обладают двойственной природой. С одной стороны, это правоприменительные акты, в которых фиксируется волеизъявление суда. С другой — они выступают итоговым документом состязательной процедуры, в ходе которой суд оценивает доводы сторон [1, с. 210-212].

К таким актам предъявляются особые требования. Данные акты должны иметь обоснованную мотивировку и иметь подкрепление в части законности. Согласно позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, в постановлении должны быть приведены конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых суд принял решение, а также оценены все доводы участников процесса [2, с. 118]. Отсутствие мотивировки превращает судебный акт в формальность, нарушая право на справедливое судебное разбирательство.

Анализ требований, изложенных в учебном пособии под ред. Г.В. Стародубовой, позволяет выделить типовую структуру такого документа [1, с. 306-310]:

1. Вводная часть: дата и место вынесения, наименование суда, состав суда, секретарь, стороны (прокурор, следователь/дознаватель, подозреваемый/обвиняемый, защитник), существо рассмотренного ходатайства.

2. Описательно-мотивировочная часть: краткое изложение фабулы дела и позиции следователя; позиции участников процесса; основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 УПК РФ (подозрение в совершении преступления и достаточные данные полагать, что обвиняемый скроется, продолжит заниматься преступной

деятельностью и т.д.); мотивированные выводы суда о невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения [4].

3. Резолютивная часть: решение суда (ходатайство удовлетворить/отказать), конкретная мера пресечения, данные лица, в отношении которого она избрана, срок действия меры, порядок обжалования.

Несмотря на детальную регламентацию, на практике встречаются недостатки в оформлении данных актов. В ходе изучения судебной практики и анализа учебных пособий Г. В. Стародубовой, Гаврилов, Б. Я., были выделены следующие проблемы:

1. Формальность и шаблонность мотивировки. Часто суды ограничиваются перечислением оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, без приведения конкретных доказательств, их подтверждающих. Как подчеркивают авторы пособий, необходимо детально анализировать представленные материалы, указывая, какие именно данные (например, отсутствие постоянного места жительства, наличие загранпаспорта, предыдущие судимости) свидетельствуют о реальной возможности наступления последствий, предусмотренных законом [1, с. 312; 2, с. 156].

2. Отсутствие оценки возможности применения альтернативных мер. В постановлении часто не содержится развернутого обоснования, почему нельзя применить домашний арест, залог или запрет определенных действий. Суду надлежит в каждом случае рассматривать все меры, предусмотренные ст. 98 УПК РФ, и аргументированно отклонять их, что напрямую вытекает из принципа соразмерности ограничений [2, с. 160-162].

3. Технические и процедурные ошибки. К ним относятся: неверное указание дат (например, окончания срока содержания под стражей), отсутствие подписей участников, нарушение тайны совещания судей. Строгое соблюдение алгоритма действий, закрепленного в УПК РФ и разъясненного в руководящих документах [1, с. 313-315].

Судебные акты об избрании мер уголовно-процессуального принуждения являются важнейшей гарантией прав личности в уголовном судопроизводстве. Их качество напрямую влияет на авторитет судебной власти и эффективность всего уголовного процесса. Анализ теоретических положений и практики применения показывает, что ключевым требованием к таким актам является их мотивированность, основанная на тщательном исследовании всех фактических обстоятельств дела.

Список цитируемой литературы:

1.Уголовно-процессуальные акты : учебное пособие для вузов / под редакцией Г. В. Стародубовой. — 3-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 477 с. — Текст : непосредственный.

2. Гаврилов, Б. Я. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме : учебное пособие для вузов / Б. Я. Гаврилов, А. Н. Кузнецов. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 247 с. — Текст : непосредственный.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921. — Текст : непосредственный

4. Доклад Федеральной палаты адвокатов РФ о мерах по обеспечению гарантий прав подозреваемых и обвиняемых в связи с применением меры пресечения в виде заключения под стражу / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. — 2008. — № 2. — С. 28–49. — Текст : непосредственный.

Смирнова И.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ЗНАЧЕНИЕ И ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ

Аннотация

Процессуальная деятельность неоднородна, подразделяется на принятие процессуальных решений и осуществление уголовно-процессуальных действий. Процессуальные решения и действия сопровождаются оформлением определённого вида документов - уголовно-процессуальных актов. В данной статье рассматриваются правовая природа и понятие уголовно-процессуальных актов, а также их значение в системе уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный акт, правовой акт.

Уголовно-процессуальные акты являются неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. Они представляют собой документальное закрепление решений, принимаемых субъектами уголовного процесса в ходе производства по уголовному делу. От правильного определения правовой природы и понятия уголовно-процессуальных актов зависит эффективность их применения, толкования и правовая определенность в уголовном процессе. Существуют различные научные подходы к определению понятия уголовно-процессуального акта.

Широкое понимание трактует его как официальный документ, который составляют уполномоченные субъекты – суд, прокурор, следователь, дознаватель, а в отдельных случаях и иные участники. Действуют они в рамках строго установленной уголовно-процессуальной формы. Фиксируется ход и результаты процессуальных действий, содержатся властные предписания либо отражается волеизъявление участников – всё это влечёт юридические последствия. Значение уголовно-процессуальных актов и соответственно уголовно-процессуальных документов определяется тем, что они составляются и используются на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Целесообразно различать ряд аспектов и подходов к пониманию сущности исследуемого вида документов. Уголовно-процессуальный акт как действие: предъявление обвинения, задержание, обыск. Правовая природа уголовно-процессуальных актов представляет собой совокупность сущностных признаков, отличающих их от актов иных отраслей права (материальных, административных, гражданско-процессуальных).

В семантике акт представляет собой само процессуальное действие, облечённое в предписанную форму. Уголовно-процессуальный акт как документ – письменный носитель информации, фиксирующий действие, его ход и результат (протокол допроса, постановление, приговор). Вне документальной фиксации большинство процессуальных действий утрачивают юридическую силу, поэтому в рамках изложения данной статьи акт рассматривается как единство действия и удостоверяющего его документа.

Д.В. Бобровская, А.В. Красильников и ряд других авторов предлагают следующее определение. Официальный документ, составленный в установленной законом форме компетентным должностным лицом или органом, отражает властное волеизъявление государства по вопросам возникновения, развития и разрешения уголовного дела либо фиксирует реализацию прав и обязанностей участниками процесса [2, с. 22]. Акцент сделан на властно-публичном

характере большинства процессуальных актов. Однако остаются не охваченными так называемые «акты участников» – жалобы, ходатайства, заявления.

Более широкая трактовка включает любые документы, порождающие, изменяющие или прекращающие уголовно-процессуальные отношения. Не имеет значения, исходит документ от властного субъекта или от частного лица. Жалоба потерпевшего, заявление о явке с повинной, ходатайство защитника – всё это также уголовно-процессуальные акты. Их правовая природа иная: они выступают как акты реализации прав [2, с. 23].

Значение процессуальных актов заключается в том, что они являются формой существования уголовного процесса как целостного правового явления. Без процессуальных актов невозможно доказать совершение следственных действий, получение показаний, изъятие предметов. Протокол является основным источником доказательственной информации. Например, показания свидетеля, не зафиксированные в протоколе допроса, юридически ничтожны.

Публично-правовой характер уголовного процесса предопределяет властно-распорядительную природу большинства процессуальных актов. Исключение составляют лишь акты-обращения участников. От имени государства действуют суд, следователь, дознаватель, прокурор – их решения обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами. Даже протокол обыска, фиксирующий результат следственного действия, несёт элементы властности: документ удостоверяет факт применения мер принуждения.

Таким образом, обязательным признаком любого уголовно-процессуального акта являются наличие обязательных юридических последствий, выраженных в возникновении новых, изменении или прекращении уже существующих правоотношений либо состояний.

Строгая формальность выступает важнейшим признаком правовой природы. УПК РФ вместе с ведомственными нормативными актами детально регламентирует форму. Обязательные реквизиты включают место, дату, время, должность, подпись. Структура содержания подразделяется на вводную, описательную и резолютивную части. Прописан также порядок составления, заверения и ознакомления.

Нарушение процессуальной формы влечёт ничтожность акта либо признание его недопустимым доказательством – часть 3 статьи 7 УПК РФ прямо указывает: нарушение закона при составлении акта делает его незаконным.

Целевая направленность на достижение задач судопроизводства детерминирует правовую природу актов. Защита прав потерпевших, охрана личности от незаконного обвинения, назначение виновным справедливого наказания – вот главные цели процесса. Каждый акт выполняет служебную роль в механизме движения дела. Заявление о преступлении инициирует процесс. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого направляет его дальше. Приговор завершает процесс.

В качестве источников доказательств они фигурируют в статье 74 УПК РФ – сюда относят протоколы следственных действий, заключения эксперта, а также приговор суда в части преюдиции. Одновременно те же акты выступают правообразующими фактами. Постановление о возбуждении уголовного дела порождает целый комплекс процессуальных правоотношений. Решение о прекращении дела, напротив, их прекращает [3, с. 420].

Властность, формализованность, целевая детерминированность и юридическая значимость – из этих элементов складывается правовая природа рассматриваемых актов.

Все уголовно-процессуальные акты можно разделить на акты досудебного производства и акты судебного производства (включая апелляционное, кассационное, надзорное).

Каждый из них обязателен к исполнению, составлен по строго определённой форме, нацелен на решение задач судопроизводства и влечёт конкретные юридические последствия. Без такого синтеза трудно представить себе механизм движения уголовного дела от момента регистрации сообщения о преступлении до вступления приговора в законную силу.

Анализ правовой природы позволяет сформулировать перечень требований к уголовно-процессуальным актам. Законность выступает базовым критерием: акт издаётся уполномоченным лицом, действующим в пределах компетенции и с соблюдением установленной процедуры. Форма также должна соответствовать предписаниям.

Обоснованность требует подтверждения выводов доказательствами со ссылками на нормы права. Без мотивированности – объяснения причин принятого решения – акт теряет убедительность. Определённость, иначе исполнимость, исключает двусмысленные формулировки, делая содержание понятным для адресата.

Своевременность вынесения закреплена процессуальными сроками. Решение об избрании меры пресечения, к примеру, принимается незамедлительно. Нарушение хотя бы одного из перечисленных требований влечёт отмену акта или признание его

незаконным – практика правоприменения последовательно подтверждает жёсткость последствий.

Разграничение уголовно-процессуальных актов со смежными понятиями порождает практические вопросы. Оперативно-розыскные документы лишены процессуальной формы – их составляют до возбуждения дела, и в качестве доказательств они не выступают.

Уголовно-процессуальные акты имеют специальную форму и нормативно установленную процедуру принятия. В этой связи необходимо обратить внимание на весьма различную степень формализации тех или иных уголовно-процессуальных актов в зависимости от их предназначения и характера воздействия на поведение участвующих лиц. Некоторые решения предполагают достаточно жесткие правила вынесения, фиксации, обращения к исполнению.

Ведомственные акты вроде приказов или инструкций регламентируют организационные вопросы, не порождая непосредственно уголовно-процессуальных отношений. Материально-правовые акты (договор, завещание) могут становиться объектами исследования по уголовному делу, однако сами к процессуальным актам не относятся.

Особая дискуссия разворачивается вокруг электронных процессуальных актов. Допускает ли УПК РФ составление протокола в виде электронного документа? Статья 474.1 даёт утвердительный ответ, но с оговоркой: требуется усиленная квалифицированная электронная подпись. Правовая природа сохраняется прежней – властность и формальность никуда не исчезают. Появляются, однако, дополнительные требования к обеспечению неизменности и подлинности. Без выполнения последних электронный акт рискует утратить юридическую силу, что неоднократно фиксировала судебная практика.

Таким образом, уголовно-процессуальные акты - это действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, зафиксированные в процессуальных документах. Указанные акты влекут возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений, являются формой закрепления властных уголовно-процессуальных действий и решений. Их правовая природа обусловлена их ролью в системе правового регулирования, а понятие должно базироваться на признаках документального оформления, принятия уполномоченным субъектом, в рамках производства и в соответствии с законом.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы.Уголовно процессуальный кодекс : федер. закон от 18 дек. 2001 г. No 174-ФЗ : принят Государственной думой 22 ноября 2001 г. : одобрен СоветомФедерации 5 декабря 2001 г. [в ред. от 08 марта 2026 г.] // Собраниезаконодательства Российской Федерации. – 2001. – No 52. – Ст. 49212.
2. Бобровская, Д.В. Нормативный правовой акт в системе источников уголовно-процессуального права / Д.В. Бобровская, А.В. Красильников // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: в 3 ч. – Москва, 2025. – С. 22-26.
3. Миликова, А.В. Уголовно-процессуальные акты и судебные акты в уголовном процессе / А.В. Миликова // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6 (205). – С. 419-420.
4. Овчинникова, Т.А. Акты прокурорского реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона / Т.А. Овчинникова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 284-286.
5. Сухова, О. А. Правовая природа, понятие и значение процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве / О. А. Сухова // Вестник Омского университета. - 2008. - №1 (14). - С. 183-190.

Соколова О.П., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук., доц.

ОТСРОЧКА ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Аннотация

Автор исследует правовые и процессуальные особенности освобождения от уголовного наказания лиц, которые проходят военную службу в период мобилизации, военного положения или в военное время, что особенно актуально на фоне проводимой специальной военной операции Российской Федерации. Анализируется ст. 72.1 и 80.2 Уголовного кодекса РФ, предусматривающие соответствующие правила, а также проблемы их применения, дискуссионные аспекты реализации принципов справедливости в соответствии с общими положениями уголовного законодательства РФ.

Ключевые слова: отсрочка отбывания, уголовное наказание, освобождение от наказания, военная служба, мобилизация, военное время.

В 2024 году в Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. [2] (далее – УК РФ) были внесены существенные изменения, которые связаны с особым порядком освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, которые проходят военную службу в период военного времени, а именно поведения специальной военной операции России на территории Украины. Новые нормы УК РФ были введены после того как ФЗ РФ от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [4] утратил силу. В.Б. Бодаевский отмечает, что «этот Закон являлся самостоятельным нормативным актом и действовал отдельно от УК РФ. Между его предписаниями и положениями конституционного, уголовно-процессуального, военного и другого отраслевого законодательства практически отсутствовали координационные связи. Очевидно, преимущественно это и послужило причиной прекращения действия Закона № 270-ФЗ» [6, с. 154].

Даже после включения ст. 78.1 и 80.2 в УК РФ, в теории уголовного права и практике не прекращаются споры, касающиеся целесообразности применения новых оснований для освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также их соответствия принципам уголовного права. Это обуславливает необходимость всестороннего изучения соответствующих уголовно-правовых норм.

Ст. 78.1 УК РФ предусматривает правила освобождение от уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних или преступлений террористической и экстремистской направленности, призванных на военную службу в период мобилизации или военное время и заключившие контракт с Вооруженными силами РФ. В ст. 80.2 УК РФ предусматривается такое

же правило для лиц, которые уже отбывают уголовное наказание за исключением преступлений, указанных выше.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ РФ от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [3], под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени.

Военным временем, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [5], является период с момента объявления федеральным законом состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения.

И в соответствии с ч. 1 ст. 1 ФКЗ РФ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [1], военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Соответственно, возможность освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания тесно связана с обстановкой в государстве. Это свидетельствует об особом политическом характере введенных норм. Основной задачей государства в период мобилизации или в военное время является укомплектование вооруженных сил для поддержания боевой мощи в целях защиты Отечества.

В теории отмечается сомнительность такого решения законодателя и, например, Д.В. Веденин отмечает, что «у определенной части лиц может сложиться ощущение безнаказанности с учетом возможности избежать отбывания наказания даже за тяжкие преступления против личности, включая убийство при отягчающих

обстоятельствах и т. п., что может сподвигнуть их к совершению преступлений (в том числе под воздействием тех, кто, преследуя свои интересы, внушит им мысль о такой возможности)» [7, с. 133]. Такая ситуация возникает в связи с тем, что законодатель установил только условия применения ст. 78.1 и 80.2 УК РФ: со дня награждения государственной наградой, со дня увольнения с военной службы по состоянию здоровья, достижения предельного возраста службы или в связи с окончанием мобилизации или военного времени.

При этом, законодатель допускает освобождение от уголовной ответственности и наказания даже лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, против общественной безопасности и нравственности, в т. ч. лиц которые связаны с незаконным оборотов наркотических средств и т.п. Подобная формулировка идет в разрез с задачами и принципами уголовного права и закона, а также не отвечает интересам общества в части обеспечения безопасности.

Несмотря на то, что освобождение от уголовного наказания в соответствии со ст. 80.2 УК РФ является условным, проверка и регулирование этого вопроса возлагается на вооруженных силу, а именно командование конкретного военнослужащего, которые не являются профессиональными юристами, а в условиях военного времени или военных действий могут просто не увидеть и не узнать о совершении осужденным военнослужащим преступления.

С одной стороны, государство предоставляет возможность реабилитироваться и послужить Отечеству, но с другой стороны широта применения указанных норм свидетельствует о том, что никакого отбора обвиняемых или осужденных для этого не предусмотрено. В практической деятельности Вооруженные силы РФ и суды идут по пути привлечения на службу лиц, которые совершили преступления средней тяжести, но в различных условиях, когда меняется необходимость в военных, ситуация может существенно изменится.

Необходимо учесть не только категорию преступлений, но и срок отбытого наказания и срок военной службы. Если лицо служит в вооруженных силах незначительный промежуток времени, например, до 6 месяцев, ни о каком исправлении говорить нельзя, даже в условиях военного времени.

С правовой точки зрения, ст. 78.1 и 80.2 УК РФ содержат в себе слишком мало правил для безошибочного и качественного применения, но имеют важное социально-политическое значение. Признавая необходимость государства решать возникающие на поле боя проблемы

путем привлечения большего числа военнослужащих, учитывая имеющийся опыт применения таких правил в прошлом, необходимо максимального адаптировать уголовное законодательство существующим реалиям. Для этого необходимо на законодательном уровне закрепить большее число преступлений, совершение которых не позволяет освободить лицо от уголовной ответственности или наказания, а также прописать четкие сроки отбытого наказания и военной службы. Это позволит избежать привлечения к службе ли, которые реально не искупили вины перед обществом и государством и рассчитывают вернуться к своей преступной деятельности.

Список цитируемой литературы:

1. О военном положении: Федер. конст. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ: одобрен Гос. Думой 27 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 16 января 2002 г. [ред. от 1 декабря 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 375.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 20 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федер. закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ : принят Гос. Думой 24 января 1997 г. : одобрен Советом Федерации 13 февраля 1997 г. [ред. от 23 марта 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1014.
4. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федер. закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 26. – Ст. 4678.
5. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // Российская газета. – 2023. –02 июня.
6. Бодаевский, В.П. Отсрочка отбывания наказания в связи с прохождением военной службы (приравненной службы) в особые периоды времени: исторический опыт, современный подход, проблемы регламентации / В.П. Бодаевский // Правосудие. – 2024. – № 6 (4). – С. 151-170.

7. Веденин, Д.В. Место освобождения от уголовного наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ) в отечественной системе оснований освобождения от уголовного наказания / Д.В. Веденин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 4 (44). – С. 130-136.

Сокольских С.Р., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация

Автор анализирует особенности разграничения разглашения данных предварительного расследования со смежными составами преступлений Особенной части УК РФ, а также формирует правила такого разграничения на примере судебной практики и доктринальных исследований по теме статьи. Особое внимание уделяется ответственности за разглашение другой охраняемой законом тайны в сравнении с тайной предварительного расследования.

Ключевые слова: предварительное расследование, разглашение данных, смежные преступления, уголовная ответственность, охраняемая тайна.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации, действующий с 1996 г. [1] содержит норму об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Данная статья представляет особую общественную опасность для отношений в сфере обеспечения правосудия и безопасности участников судебного процесса. Тем не менее, в ходе расследования и квалификации преступления могут возникнуть определенные трудности с установлением признаков данного преступного деяния, т.к. УК РФ содержит несколько смежных

составов преступлений. Рассмотрим особенности отграничения таких составов между собой.

Среди наиболее близких к ст. 310 УК РФ является ст. 137 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. В отличии от ст. 310 УК РФ, неприкосновенность частной жизни является конституционным правом человека и обеспечивается не только в уголовном процессе, но и в течении всей жизни человека. Это свидетельствует о том, что ст. 137 УК РФ является общей, тогда как ст. 310 УК РФ защищает установленную Уголовно-процессуальным кодексом РФ [2] дополнительную гарантию для участников уголовного судопроизводства. Более того, законодатель устанавливает особый порядок защиты данных о несовершеннолетних участниках уголовного процесса не достигших 14-ти лет, данные о которых могут быть разглашены только с согласия их законного представителя.

Это позволяет сделать вывод, что основное различие между указанными нормами заключается в объекте посягательства: конституционное право или права предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством. В тех случаях, когда информация о данных предварительного расследования связана с частной жизнью какого-либо лица имеет место идеальная совокупность, т.к. нарушаются разные объекты уголовно-правовой охраны. Исключение составляет ситуация, при которой разглашение данных предварительного расследования касается процессуальной стороны дела и связано только с уголовным делом, дополнительной квалификации по ст. 137 УК РФ не потребуется.

Другой близкой нормой является ст. 311 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и других участников уголовного процесса. Существенная разница заключается в предмете уголовно-правовой охраны. Несмотря на то, что обе рассматриваемые нормы обеспечивают защиту участников судопроизводства от нежелательной огласки информации о них, разница в статусе таких лиц, а также в том какие сведения подлежат разглашению.

В соответствии со ст. 311 УК РФ охране подлежат именно сведения о мерах безопасности, которые применяются в соответствии с действующим законодательством и рассматриваются в качестве мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества (далее - меры безопасности), а также мер социальной поддержки указанных лиц (далее - меры социальной поддержки) в связи

с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами [3]. Это свидетельствует о том, что ст. 311 УК РФ является специальной по отношению к ст. 310 УК РФ и связана с обеспечением безопасности жизни и здоровья участников уголовного процесса.

В тех случаях, когда в рамках предварительного расследования затрагиваются интересы государства, в частности, сведения составляющие государственную тайну, ответственность может наступать по ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны». В такой ситуации действия виновного (при условии, что у него была отобрана подписка о неразглашении соответствующих сведений) квалифицируются по совокупности ст. 310 и 283 УК РФ. Квалификация по совокупности обусловлена тем, что разглашение государственной тайны посягает на совершенно иной объект уголовно-правовой охраны – безопасность Российской Федерации. Различны и специальные субъекты данных преступлений: по ст. 310 УК РФ ответственность может нести широкий круг участников уголовного судопроизводства (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, специалист, понятые, а также защитник), тогда как по ст. 283 УК РФ – лица, которым государственная тайна была доверена по службе или работе. Полагаем, что ответственность по данной статье могут нести преимущественно сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся предварительным расследованием или лица занятые в обеспечении расследования.

Указанные должностные лица могут нести ответственность и по специальной норме – ст. 285 или 286 УК РФ о злоупотреблении или превышении должностных полномочий соответственно. В.Г. Трухина отмечает, что «государство выделило незаконные действия должностного лица как более опасные по сравнению с действиями простых людей, не наделенных властными полномочиям» [4, с. 449]. Например, если разглашение данных предварительного расследования совершено должностным лицом (например, следователем) без корыстных или иных личных мотивов, но с нарушением установленного порядка, содеянное подлежит квалификации только по ст. 310 УК РФ. При наличии указанных мотивов и при условии, что деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, требуется дополнительная квалификация по ст. 285 УК РФ.

Это позволяет сделать вывод, что в случае нарушения установленного порядка реализации предварительного расследования, уполномоченное на расследование лицо подлежит ответственности и за

нарушение в сфере осуществления правосудия, и в сфере реализации функций государства.

В современной судебной практике квалификация по ст. 310 УК РФ стала встречаться все чаще. В частности, субъектами таких деяний становятся адвокаты или представители сторон уголовного судопроизводства. Но, нередко следствие и суды допускают ошибку в ходе квалификации деяния, что вызвано несовершенством положений УК РФ и УПК РФ.

Ярким примером служит уголовное дело, возбужденное по с. 310 УК РФ в отношении адвоката. Так, в июне 2022 г. в г. Ульяновске адвокат был оправдан по делу о неразглашении данных предварительного расследования. Изначально следствие указало, что адвокат сфотографировала материалы дела и передала их для исследования специалисту-цивилисту, который был привлечен для дачи заключения. Но, суд указал, что переданные для исследования данные были открытыми, не имели характера тайны и потому деяния адвоката не подлежат уголовному наказанию. Позже, суд апелляционной инстанции отменил оправдательный приговор, хотя практикующие юристы отмечают грубые нарушения в расследовании против адвоката и последующего рассмотрения дела [5]. Уголовное дело было прекращено за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, что также свидетельствует о слабой судебной практике в этой части. Практикующие юристы отмечали, что в данном случае можно было бы применить ст. 137 УК РФ, но доказать нарушение неприкосновенности частной жизни в этом случае не представляется возможным.

В современной практике отмечается, что рассмотрение дел по ст. 310 УК РФ производится преимущественно формально, смысл тех или иных действий не устанавливается, это сказывается на качестве квалификации по статье, формированию адекватной судебной практики, что приводит и к сложностям разграничения со смежными составами преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что разграничение разглашения данных предварительного расследования со смежными составами преступлений должно проводиться с учетом совокупности критериев: родового и непосредственного объекта посягательства, предмета преступления, особенностей субъекта, наличия или отсутствия специальных целей и мотивов, а также процессуального статуса лица, разгласившего информацию. Практика по ст. 310 УК РФ все еще является сложной и неоднозначной, соответствующих правил применения не выработано, это становится причиной квалификации

деяний по другим – смежным статьям УК РФ. Для решения таких проблем, необходимо уточнять не только сам УК РФ, но и методику расследования и квалификации.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 20 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 г. [ред. от 08 марта 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ : принят Гос. Думой 31 июля 2004 г. : одобрен Советом Федерации 08 августа 2004 г. [ред. от 23 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

4. Трухина, В.Г. Проблемы отграничения превышения должностных полномочий от смежных составов преступлений / В.Г. Трухина // Экономика и социум. – 2020. – № 6-2 (73). – С. 448-455.

5. Уголовное дело в отношении адвоката Ирины Савельевой прекращено. – URL: https://www.advgazeta.ru/ (дата обращения: 16.04.2026). – Режим доступа: Официальный сайт «Адвокатской газеты» : [сайт].

Сысоева Н.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛИБО ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)

Аннотация

В статье рассматриваются современные проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей. Особое внимание уделено оценке способов совершения преступления, сложности доказывания умысла в цифровой среде, а также проблемам разграничения стадий преступления и соучастия.

Ключевые слова: сбыт наркотических средств, сбыт психотропных веществ, уголовная ответственность, интернет.

Распространение наркотических средств через цифровые каналы коммуникации стало одной из ключевых криминальных угроз последних лет. Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», предоставляют преступникам технически удобные и трудновыявляемые способы взаимодействия с покупателями. Наиболее распространёнными механизмами являются анонимные площадки, мессенджеры, интернет-магазины, скрытые чаты, а также схемы с «закладками».

Законодатель, реагируя на меняющиеся способы распространения наркотиков, дополнил ст. 228.1 УК РФ квалифицирующим признаком «сбыт с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Однако введение нормы породило ряд неоднозначностей, связанных как с толкованием самого действия по использованию сети, так и с оценкой формы вины и степени фактического участия каждого лица в цепочке распространения наркотиков.

Сбыт запрещенных средств (веществ) - совокупность действий лица, направленных на передачу их другому субъекту любым доступным способом. Преступление считается завершённым в тот момент, когда виновный осуществил полный комплекс действий, необходимых для фактической передачи приобретателю соответствующих веществ. При этом юридическая завершённость сбыта не зависит от того, получил ли покупатель наркотик фактически: окончание состава возможно и в ситуациях, когда сбытчик лишь сообщил место, где находится спрятанное вещество.

Одной из ключевых трудностей при доказывании преступлений, совершаемых указанным способом, является отсутствие непосредственного взаимодействия между лицом, приобретающим наркотическое средство, и его распространителем. Все договорённости о передаче осуществляются дистанционно — через специализированные приложения, установленные на мобильных устройствах и компьютерах, посредством обмена текстовыми сообщениями и иных форм электронного общения. Для преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), характерна также их организационная форма: такие деяния обычно выполняются устойчивыми группами, участники которых, особенно исполнители низшего уровня, зачастую не знакомы ни друг с другом, ни с координаторами всей схемы. Закреплённый в п. «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ квалифицирующий признак предусматривает усиленную уголовную ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершённый посредством электронных коммуникаций. Данный признак был введён в уголовное законодательство Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4, с. 45]. Однако, несмотря на многолетний период его действия, единообразное понимание как в правоприменительной практике, так и в научной доктрине до сих пор не сформировалось. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее - Постановление № 14) не содержит прямых указаний, касающихся специфики квалификации деяний, подпадающих под п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Тем не менее отдельные положения данного акта способны служить ориентиром при разрешении вопросов, возникающих при применении указанного квалифицирующего признака. Так, в пункте 13 описывается один из вариантов передачи

запрещённых средств — информирование приобретателя о месте их нахождения либо предварительное размещение вещества («закладка») в согласованной точке. В пункте 13.1 разъясняется критерий, с которого деяние считается оконченным: сбыт признаётся завершённым с момента, когда лицо выполнило все действия, необходимые для предоставления вещества покупателю, даже если тот фактически его ещё не получил.

Многие дела осложнены невозможностью достоверно установить личность участника переписки в мессенджере или на сайте. Использование VPN, анонимайзеров, сервисов шифрования затрудняет: 1) идентификацию субъекта преступления; 2) установление добровольности участия; 3) выяснение объёма действий каждого лица. В ряде случаев единственным доказательством является переписка с неустановленным адресатом, что вызывает сомнения в достоверности квалификации.

Суды широко применяют скриншоты переписки как доказательство умысла. Однако критически важным является контекст: переписка может носить провокационный характер; сообщение может не содержать прямого намерения сбыть наркотики; отдельные выражения могут толковаться неоднозначно.

Отсутствие консистентных критериев оценки переписки как доказательства приводит к ошибочным выводам о наличии преступного намерения [1, с. 115]. Не всегда обеспечивается корректная фиксация электронных сообщений. Скриншоты переписок могут быть изменены, а информация в чатах — удалена. Для допустимости доказательств необходимо: официальное протоколирование следственных действий; подтверждение принадлежности аккаунтов обвиняемому; экспертная оценка неизменности цифровых файлов. На практике эти требования нередко игнорируются.

Цифровые схемы распространения наркотиков зачастую включают длинную цепочку исполнителей: операторы интернет-магазина, «кладмены», курьеры, администраторы чатов, распространители информации. Основными проблемами являются смешение функций исполнителя и пособника. Лицо, распространившее информацию, может не участвовать в передаче наркотика, но при этом рассматривается судом как соисполнитель. Так же сложность установления общей договорённости между участниками. В интернете взаимодействие может быть разовым и не предполагающим устойчивой связи. Однако в ряде случаев суды признают группу лиц, действующих по предварительному сговору. Неравномерность ответственности. Т.е. лица, выполняющие техническую работу (например, администраторы

каналов), могут получать наказание, сопоставимое с наказанием непосредственных распространителей.

Исходя из всего вышесказанного, автор полагает, что необходимо разработать более детальные разъяснения Верховного Суда РФ, следует уточнить: какие именно действия считать использованием сети для сбыта; как разграничивать приготовление, покушение и оконченный состав; критерии выделения соисполнителей. Так же, правоприменителю следует создать специальный состав преступления, отражающий особенность «цифрового» сбыта. Возможно введение отдельной статьи, в которой элементы объективной стороны будут адаптированы под современные способы распространения наркотиков.

Список цитируемой литературы:

1. Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. ст. 228 и 228.1 УК РФ : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2020. 176 с.
2. Курченко В.Н. Квалификация сбыта наркотиков с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовный процесс. 2021. № 7 (139) С. 32-37.
3. Винокуров В.Н., Агафонов А.В. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Уголовное право. 2023. № 1.
4. Хромов Е.В. Квалификация неоднократных фактов сбыта наркотических средств в решениях Верховного Суда РФ // Законность. 2022. № 10.

Толстых Н.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ, ВЫНОСИМЫЕ ПРИ РЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрен комплексный анализ уголовно-процессуальных актов, выносимых при реабилитации и используемых в российском уголовном судопроизводстве. Автором конкретно рассматриваются понятие и правовая природа реабилитации, а также классификация процессуальных документов в зависимости от субъекта их вынесения и стадии производства. Приводится анализ правовых последствий вынесения указанных актов и проблемы правоприменительной практики.

Ключевые слова: реабилитация; уголовно-процессуальные акты; право на реабилитацию; оправдательный приговор; прекращение уголовного преследования; извещение о реабилитации; возмещение вреда.

Статья 53 Конституции Российской Федерации, провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [1]. Указанные принципы подробнее рассматриваются в нормах главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которые регламентируют институт реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Данное определение указано в пункте 34 статьи 5 УПК РФ [1]. В процессе реабилитации ключевое значение приобретают уголовно-процессуальные акты, от правильности составления, своевременности направления реабилитированному лицу и полноты содержания которых, зависит реальная возможность восстановления нарушенных прав.

Целью данной статьи является системный анализ видов, содержания и правовых последствий уголовно-процессуальных актов, выносимых при реабилитации, а также выявление проблемных аспектов их применения.

Современные исследователи отмечают, что институт реабилитации выполняет не только компенсаторную, но и превентивную функцию, стимулируя органы предварительного расследования и суды к более тщательному и объективному производству по уголовным делам. Часть 1 статьи 133 УПК РФ диктует нам важную особенность института реабилитации, а именно «Вред, причиненный гражданину в результате уголовного

преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» [1]. Данная правовая конструкция исходит из того, что государство обязано полностью возместить ущерб лицу, пострадавшему от незаконного уголовного преследования, даже в тех случаях, когда сами сотрудники правоохранительных органов действовали добросовестно.

Таким образом, право на реабилитацию включает в себя три основных элемента: 1) право на возмещение имущественного вреда; 2) право на устранение последствий морального вреда; 3) право на восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах [1].

Часть 2 статьи 133 УПК РФ определяет круг лиц, которые имеют право на реабилитацию, а именно лица:

-чья непричастность к совершению преступления подтверждена судом, что повлекло за собой освобождение от назначенного наказания.

-уголовное преследование которых завершено по причине того, что государственный обвинитель добровольно отказался от выдвинутого ранее обвинения.

-чье преследование со стороны государства прекращено по мотивам, влекущим за собой юридическое восстановление в правах.

-в случаях, когда ранее постановленный обвинительный вердикт суда утратил силу, а дальнейшее производство по делу было прекращено.

-в отношении которых судом использовались принудительные лечебные и реабилитационные меры медико-правового характера.

Все вышесказанное говорит о том, что институт реабилитации выступает не только формой возмещения вреда, но и важной гарантией соблюдения конституционных прав личности в сфере уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальные акты РФ, выносимые при реабилитации, могут быть классифицированы по различным основаниям.

1.По субъекту, вынесшему акт: -акты дознавателя и следователя; -акты прокурора; -акты судьи.

2.По стадии уголовного судопроизводства: -выносимые на стадии предварительного расследования; -выносимые на стадии судебного производства.

3.По законодательной основе и содержанию: -итоговые процессуальные акты, которыми завершается уголовное преследование; -акты, признающие право на реабилитацию

(резолютивная часть итогового акта); -извещение о порядке возмещения вреда.

Исследователи уголовно-процессуальной проблематики сходятся во мнении, что особый теоретический и прикладной интерес сосредоточен вокруг завершающей группы актов. Указанные процессуальные документы выполняют ключевую функцию – они юридически оформляют момент возникновения у лица реабилитационного правопритязания и одновременно служат основанием для компенсации понесенных потерь.

Центрально место среди уголовно-процессуальных актов, выносимых при реабилитации, занимает оправдательный приговор. Согласно статье 302 УПК РФ, данный приговор выноситься в случаях, если не было установлено событие преступления, подсудимый не был причастен к совершенному преступления и отсутствует состав преступления в действиях подсудимого [1].

Именно постановление оправдательного приговора дает лицу наиболее полный объем реабилитационных гарантий, поскольку данный судебный акт официально свидетельствует о том, что человек не совершал вменяемого ему преступления. Фиксация факта признания реабилитационного права подлежит обязательному включению в резолютивную часть выносимого приговора.

На досудебных стадиях уголовного судопроизводства решение о реабилитации оформляется постановлением дознавателя, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Согласно статье 134 УПК РФ, «следователь, дознаватель в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию» [1]. К числу оснований для прекращения уголовного преследования на досудебных стадиях относятся: отсутствие события преступления; отсутствие состава преступления в действиях обвиняемого; отсутствие заявления потерпевшего (в случае если уголовное дело может быть возбуждено только по его заявлению); если подозреваемый или обвиняемый непричастны к совершенному преступлению; наличие постановления о прекращении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Важно отметить, что при отсутствии в постановлении информации о том, что лицо имеет право на реабилитацию, это не может служить основанием для отказа в ней [2].

Решение о признании реабилитационного права выносится не исключительно судом первой инстанции – аналогичными полномочиями наделены и судебные коллегии вышестоящих инстанций

в рамках процедур пересмотра дела. Так, апелляционная инстанция, отменяя обвинительный вердикт и вынося вместо него оправдательный приговор либо прекращая уголовное преследование по реабилитирующим основаниям, одновременно удостоверяет наличие у лица права на реабилитацию.

Подобная обязанность сохраняется и за судами кассационной и надзорной инстанций: при отмене или изменении нижестоящих судебных актов они также вправе разрешить вопрос о признании за лицом реабилитационного права. Как указывает Плену Верховного Суда РФ «обращение к исполнению кассационного определения, в том числе и в части направления реабилитированному извещения с разъяснением порядка возмещения вреда, осуществляется судом первой инстанции, постановившим приговор» [2].

Наиболее демонстративным пример служит случай из практики Верховного Суда РФ, который в мае 2023 года отменил приговор, вынесенный в 1959 году и последующие судебные решения в отношении осужденного за покушение на убийство, тем самым прекратив уголовное преследование с признанием права на реабилитацию. Данный случай демонстрирует, что признание права на реабилитацию может занимать длительный промежуток времени, но это не является препятствием для восстановления справедливости.

Особое место в системе процессуальных актов о реабилитации занимает извещение о порядке возмещения вреда. Однако, юридическая природа данного извещения однозначно не определяется в доктрине. С одной стороны, оно не относится к числу итоговых процессуальных решений по делу и не подлежит самостоятельному обжалованию. С другой стороны, будет справедливо привести слова О. А. Мядзелец: «имея на руках извещение о порядке возмещения вреда, реабилитированный вправе обратиться в суд с требованием о возмещении имущественного вреда и принятии судебного решения о производстве выплат» [3, с. 29]. Таким образом, извещение выполняет роль процессуального документа, легитимирующего притязания реабилитированного субъекта на возмещение понесенных потерь. В случае летального исхода реабилитированного лица подобное извещение адресуется наследникам покойного.

Вынесение акта о признании права на реабилитацию влечет за собой ряд правовых последствий:

-возникает право реабилитированного на возмещение имущественного вреда (в порядке, установленном статьями 135 и 138 УПК РФ) [1].

-возникает право на устранение последствий морального вреда.

Вместе с тем, на практике сохраняется серьезная проблема, связанная с несвоевременным направлением уведомлений, разъясняющих процедуру компенсации ущерба. Анализ эмпирического материала свидетельствует, что нередки ситуации, когда реабилитированные граждане в установленные законом временные рамки подобных уведомлений не получают, что существенно осложняет процесс реализации их законных притязаний на возмещение понесенных потерь [4, с.116].

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что совокупность уголовно-процессуальных документов, оформляемых в рамках реабилитационных процедур, образует сложно структурированный, многоуровневый правовой инструментарий, направленный на восстановление нарушенных прав и охраняемых законом интересов лиц, необоснованно вовлеченных в сферу уголовного преследования.

Центральное место в указанном механизме отводится следующим актам: оправдательный вердикт суда; решение (постановление) следователя, дознавателя либо прокурора о завершении уголовного преследования по реабилитирующим мотивам; судебные постановления вышестоящих инстанций; а также уведомление, содержащее разъяснение порядка возмещения нанесенного ущерба.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. [ред. от 29 декабря 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Российская Федерация. Верховный Суд. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17: [ред. от 28 июня 2022 г.] // Российская газета. – 2011. – № 274.

3. Мядзелец, О. А. Альтернативные способы возмещения вреда, причиненного лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью / О. А. Мядзелец // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 3. – С. 27-31.

4. Сушина, Т. Е. Приоритеты судебного порядка рассмотрения жалоб как составной части механизма судебной защиты прав граждан в досудебном производстве по уголовным делам / Т. Е. Сушина // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 7. – С. 112-120.

Ширяева С.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид наук, доц.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается понятие и содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений против свободы, чести и достоинства личности. Анализируются основные элементы такой характеристики: особенности объекта преступления, личности преступника и потерпевшего, способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Отдельное внимание уделяется оперативно-розыскному противодействию данным видам преступлений, включая выявление, раскрытие и предупреждение. В заключении формулируются выводы о необходимости комплексного использования оперативно-розыскных мероприятий с учётом специфики рассматриваемых деяний.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, преступления против свободы, честь и достоинство, оперативно-розыскная деятельность, выявление и раскрытие преступлений, личность преступника.

Актуальность темы обусловлена особым значением охраны свободы, чести и достоинства личности в правовом государстве. Конституция РФ (ст. 21, 23) гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени. Уголовный кодекс РФ в главе 17 предусматривает ответственность за похищение человека (ст. 126), незаконное лишение свободы (ст. 127),

торговлю людьми (ст. 127.1), использование рабского труда (ст. 127.2), клевету (ст. 128.1) и другие деяния. Для эффективного выявления, раскрытия и предупреждения этих преступлений важное значение имеет их оперативно-розыскная характеристика (ОРХ).

Под оперативно-розыскной характеристикой преступлений против свободы, чести и достоинства личности понимается совокупность упорядоченных и взаимосвязанных информационных признаков уголовно-правового, криминалистического, психологического и иного характера, способствующих обоснованному выдвижению и проверке оперативно-розыскных версий [2, с. 11–16]. В отличие от криминалистической характеристики, ОРХ ориентирована на непроцессуальные, негласные методы и служит информационной парадигмой для оперативного сотрудника.

Основными элементами ОРХ рассматриваемой группы преступлений являются: особенности объекта преступления, личности преступника, личности потерпевшего, а также способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений. В зависимости от вида деяния содержание этих элементов различается.

Преступления против свободы (ст. 126–127.2 УК РФ) посягают на физическую свободу лица. Личность преступника характеризуется корыстной или насильственной мотивацией, устойчивой антиобщественной направленностью. Наиболее криминально активный возраст – 25–50 лет [6]. Среди организаторов торговли людьми нередки лица, имеющие связи с коррумпированными чиновниками. Потерпевшими в основном становятся женщины и дети (86% жертв) [5, с. 176], которых эксплуатируют в сфере интимных услуг, принудительного труда или для изъятия органов. Способы совершения включают вербовку под прикрытием брачных, модельных, туристических агентств, использование подложных документов.

Незаконная госпитализация в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ) совершается специальным субъектом – врачом-психиатром, путём фальсификации результатов освидетельствования. Потерпевшими могут быть как лица с психическими расстройствами, так и здоровые люди, помещённые в стационар по мотивам мести или корысти.

Клевета (ст. 128.1 УК РФ) посягает на честь, достоинство и репутацию. Преступники подразделяются на «манипуляторов», «мстителей» и «спортсменов» [4]. Распространение ложных сведений часто происходит через третьих лиц – «распространителей» и «оценщиков».

Оперативно-розыскное противодействие данным преступлениям включает выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие. Выявление – это обнаружение признаков преступления, раскрытие – установление лиц, его совершивших. Наиболее эффективной тактической схемой раскрытия является схема «от события преступления к лицу», поскольку преступные группы, занимающиеся торговлей людьми или использованием рабского труда, отличаются высокой степенью конспирации. На первоначальном этапе раскрытия применяются такие оперативно-розыскные мероприятия, как опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, наблюдение, проверочная закупка, оперативный эксперимент. Важную роль играют источники информации в сети Интернет, включая скрытые ресурсы.

Предупреждение преступлений в рамках ОРД осуществляется в форме индивидуальной профилактики – выявление лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, и воздействие на них. Общая профилактика (устранение причин и условий) относится скорее к административной деятельности. Пресечение направлено на недопущение реализации преступного умысла на стадии приготовления.

Таким образом, оперативно-розыскная характеристика преступлений против свободы, чести и достоинства личности позволяет систематизировать знания о данных деяниях и выбрать оптимальные методы противодействия. Учитывая латентность и организованный характер таких преступлений, необходимо комплексное применение как гласных, так и негласных оперативно-розыскных мероприятий, а также использование передовых технических средств и международного опыта.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание / В.Д. Ларичев // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 1 (18). – С. 11–16.
3. Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик / Д.В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений: труды Академии МВД СССР. – М., 1984. – С. 70–73.
4. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. – СПб.: Питер, 2011. – 208 с.
5. Тюрюканова Е.В., Ерохина Л.Д. Торговля людьми. Социокриминологический анализ. – М., 2002. – 175 с.

Шмелева С.Ю., магистрант,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ И ПРЕСТУПНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПУТИ ЛЕГАЛЬНОЙ ДИФФЕРНЦИАЦИИ

Аннотация

В настоящей статье рассматривается актуальная проблема уголовно-правовой квалификации ятрогенных деяний, связанных с причинением вреда жизни или здоровью пациента. Проводится анализ доктринальных подходов к разграничению добросовестной профессиональной врачебной ошибки и преступной неосторожности (халатности). Автор приходит к выводу об отсутствии в действующем законодательстве критериев такого разграничения, что приводит к правовой неопределенности в следственно-судебной практике. На основе комплексного анализа предлагается внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации путем введения легальных дефиниций.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, врачебная ошибка, преступная неосторожность, уголовная ответственность медицинских работников, халатность, дифференциация ответственности, квалификация преступлений.

Современное развитие медицины, с одной стороны, открывает

новые возможности для спасения жизни и здоровья, а с другой – объективно увеличивает риски причинения вреда в процессе оказания медицинской помощи. Уголовные дела, возбуждаемые в отношении медицинских работников по фактам причинения смерти или вреда здоровью пациентов (так называемые ятрогенные преступления), носят резонансный характер и выявляют системную проблему правового регулирования. Ключевой вопрос, с которым сталкиваются правоприменители, – это необходимость отграничения ненаказуемой добросовестной профессиональной врачебной ошибки от уголовно наказуемой преступной неосторожности, чаще всего выражающейся в форме халатности или небрежности.

В отечественной правовой доктрине отсутствует единое понимание врачебной ошибки. Классическое определение, данное И.В. Давыдовским, трактует ее как «добросовестное заблуждение врача, основанное на несовершенстве современной медицинской науки, неочевидности симптоматики или особенностях организма пациента» [1, с. 45]. Данное определение смещает акцент на отсутствие вины медицинского работника, относя причинение вреда к сфере профессионального (медицинского) риска.

В уголовном праве ключевым критерием ответственности является вина. Причинение вреда по неосторожности регламентировано статьями 109 и 118 УК РФ. Согласно законодательству, неосторожность проявляется в виде легкомыслия или небрежности. Применительно к медицинской деятельности, как справедливо отмечает А.В. Тихомиров, преступная неосторожность возникает тогда, когда медицинский работник «не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть (небрежность), либо самонадеянно рассчитывал на их предотвращение (легкомыслие)» [5, с. 112]. Таким образом, сердцевиной разграничения становится степень соблюдения профессиональных стандартов и меры профессиональной предусмотрительности.

Ряд авторов, таких как Л.В. Канунникова и М.Н. Малеина, предлагают использовать для разграничения критерий «грубости» нарушения правил и стандартов [2, с. 78; 3, с. 91].

Врачебная ошибка, по их мнению, имеет место при действиях в рамках стандартов, но с неблагоприятным исходом, а преступная неосторожность – при существенном (грубом) отступлении от этих правил. Однако сам термин «грубое нарушение» в уголовном законе применительно к данной категории дел не определен, что оставляет широкий простор для судебного усмотрения.

Анализ судебной практики по делам, возбужденным по ст. 109 и 118 УК РФ в отношении медицинских работников, демонстрирует устойчивые проблемы.

Во-первых, смешение объективных и субъективных критериев. Следствие и суд часто констатируют наличие причинно-следственной связи между действиями врача и наступившим вредом, автоматически приравнивая это к виновности, без глубокого анализа, находились ли действия в границах приемлемого профессионального риска. Как отмечает С.В. Назаров, «установление прямого причинения вреда еще не свидетельствует о наличии состава преступления, необходимо исследовать субъективную сторону – форму вины» [4, с. 34].

Во-вторых, переоценка роли результата (экспертного заключения о причине смерти) в ущерб анализу процесса оказания помощи. Судебно-медицинская экспертиза отвечает на вопрос «от чего наступила смерть?», но часто не в состоянии дать оценку тому, «были ли действия врача адекватными и соответствующими стандартам в конкретной клинической ситуации». Это приводит к ситуации, когда неблагоприятный исход сам по себе становится основанием для обвинения.

В-третьих, отсутствие единообразных методик оценки «стандарта помощи». В условиях быстрого развития медицины клинические рекомендации носят часто обновляемый характер. Отсутствие четкого алгоритма, какую именно версию стандарта применять к действиям врача, совершенным несколько лет назад, создает дополнительные сложности.

Все это приводит к правовой неопределенности, порождая как необоснованные уголовные преследования, так и «оборонительную медицину», когда врач в первую очередь думает не об оптимальной тактике лечения, а о юридической безопасности своих решений.

Для преодоления указанных противоречий необходима законодательная конкретизация. Предлагается следующий комплекс мер:

1. Введение легальных дефиниций в Уголовный кодекс РФ. Целесообразно дополнить статьи 109 и 118 УК РФ новым примечанием, содержащим четкие определения:

«Примечание.

1. Добросовестной профессиональной медицинской ошибкой признается причинение вреда жизни или здоровью пациента в результате действия (бездействия) медицинского работника, совершенного при оказании медицинской помощи в соответствии с действовавшими на момент оказания помощи клиническими

рекомендациями (стандартами) и современным уровнем медицинских знаний, если вред наступил вследствие непредсказуемых индивидуальных особенностей организма пациента, атипичного течения заболевания или диагностической неочевидности при использовании всех доступных в данной ситуации диагностических возможностей. Добросовестная профессиональная медицинская ошибка не влечет уголовной ответственности.

2. Преступной неосторожностью в профессиональной медицинской деятельности признается причинение вреда жизни или здоровью пациента вследствие непринятия медицинским работником достаточных и явно предписанных правилами и стандартами мер предосторожности, которые он был обязан и мог принять в силу своей квалификации и условий оказания помощи».

Данное примечание позволит отделить сферу профессионального риска от сферы уголовно наказуемого поведения на уровне закона.

2. Введение специального квалифицирующего признака. Для выделения именно преступной, а не просто профессиональной неосторожности, предлагается дополнить части вторые статей 109 и 118 УК РФ новым пунктом «в» следующего содержания:

«в) вследствие грубого нарушения обязательных правил, стандартов и протоколов оказания медицинской помощи».

Это создаст более строгий состав для случаев явного пренебрежения профессиональными обязанностями и упростит квалификацию, отделив ее от ситуаций «пограничной» неосторожности.

3. Косвенное законодательное закрепление через процессуальные нормы. В Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 196) следует внести изменение, обязывающее назначение по делам данной категории не только судебно-медицинской, но и комплексной судебной медико-правовой экспертизы. Необходимо, чтобы подобная экспертиза фокусировалась на сопоставлении действий медработника с действующими клиническими стандартами и на установлении меры их расхождения. Такое исследование вооружит суд специальными знаниями, требуемыми для использования предложенных юридических конструкций. Вопрос о том, где заканчивается врачебная ошибка и начинается преступная небрежность, важен не только в теории — он определяет, насколько справедливо уголовное правосудие и стабильна система здравоохранения. Обновление нормативной базы даст возможность выработать единые, прогнозируемые критерии, обеспечить защиту пациентов в случаях подлинной халатности, гарантировать безопасность добросовестных врачей от ложных

обвинений, а также заложить правовую основу для такой модели медицины, которая учится на промахах, не пряча их из-за угрозы наказания.

Список цитируемой литературы:

1. Давыдовский, И. В. Врачебные ошибки / И. В. Давыдовский // Судебная медицина и экспертиза. – М.: Медицина, 2020. – С. 40-52.
2. Канунникова, Л. В. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и криминологический анализ : дис. … докт. юрид. наук / Л. В. Канунникова. – СПб., 2018. – 458 с.
3. Малеина, М. Н. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: частноправовые аспекты / М. Н. Малеина // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 85-98.
4. Назаров, С. В. Причинная связь в уголовном праве: теория и практика установления / С. В. Назаров // Законность. – 2021. – № 3. – С. 30-36.
5. Тихомиров, А. В. Уголовная ответственность медицинских работников за преступления против жизни и здоровья, совершаемые по неосторожности : монография / А. В. Тихомиров. – М.: Проспект, 2019. – 176 с.

Шмелева С.Ю., магистрант,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц.

КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ МЕДИКО-ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК БАЗИС ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ЕЁ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема ограниченности возможностей традиционной судебно-медицинской экспертизы в процессе доказывания по уголовным делам о ятрогенных преступлениях. Автор доказывает, что установление причинно-следственной связи между действиями медицинского работника и наступившим вредом требует оценки не только медицинских, но и организационно-процессуальных аспектов, что выходит за рамки

компетенции судебно-медицинского эксперта. Обосновывается необходимость законодательного введения в уголовный процесс нового вида экспертизы – комплексной судебной медико-правовой (врачебной).

Ключевые слова: ятрогенные преступления, доказывание, судебная экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, медико-правовая экспертиза, процессуальная легализация, стандарты медицинской помощи.

Эффективность расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (ятрогенных преступлений), напрямую зависит от качества и полноты применения специальных познаний. В настоящее время основным и часто единственным источником таких познаний выступает судебно-медицинская экспертиза (СМЭ). Однако её классическая парадигма, ориентированная на установление причины смерти, характера и механизма повреждений, оказывается недостаточной для решения центрального вопроса уголовного дела: имеется ли в действиях (бездействии) медицинского работника состав преступления, предусмотренный статьями 109, 118, 124 УК РФ.

Правоприменительная практика демонстрирует системную проблему: эксперт-судебный медик, оставаясь в рамках своей компетенции, констатирует, например, «смерть от кровопотери», в то время как следствие и суд нуждаются в ответе на вопрос: «явилась ли эта кровопотеря неизбежным осложнением или результатом отклонения от клинического протокола?». Разрешение данного правового вопроса требует интеграции медицинских и юридических знаний, что обуславливает актуальность введения в уголовный процесс комплексной судебной медико-правовой экспертизы (КСМПЭ). Целью статьи является анализ пробелов в современной системе экспертного обеспечения расследования ятрогенных преступлений и разработка конкретных предложений по процессуальной легализации КСМПЭ.

Согласно Федеральному закону от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», судебно-медицинская экспертиза назначается для разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области медицины. Типовые вопросы касаются причины смерти, характера вреда здоровью, механизма образования повреждений. Как справедливо отмечает Ю.И. Пиголкин, «судебно-медицинский эксперт устанавливает медицинские факты, но не дает правовой оценки действиям медицинских работников» [3, с. 78]. Его выводы носят констатирующий, но не

оценочный характер по отношению к профессиональному поведению врача.

Ключевым же элементом доказывания по ятрогенному делу является установление факта отступления от стандартов медицинской помощи и степени его «грубости». Стандарт – это комплексный нормативно-технический документ, включающий не только медицинские, но и организационные, ресурсные, деонтологические аспекты. Оценка соответствия ему требует анализа: своевременности оказания помощи, полноты и адекватности диагностического поиска, обоснованности и правильности выполнения лечебных манипуляций, качества ведения медицинской документации как отражения лечебно-диагностического процесса.

Эти вопросы лежат за пределами традиционной компетенции судебно-медицинского эксперта, который, как правило, не является клиницистом в конкретной специальности (хирургии, терапии, анестезиологии).

«Попытки поставить перед судебно-медицинским экспертом вопросы правового характера, – пишет А.А. Солохин, – приводят к выходам за пределы специальных познаний и узурпации им полномочий следователя и суда» [5, с. 112]. Следствием этого становится либо отказ эксперта от ответа, либо его неправомерные и часто ошибочные суждения, которые, однако, воспринимаются следствием как истина в последней инстанции.

Комплексная судебная медико-правовая экспертиза (КСМПЭ) представляет собой процессуальную форму применения специальных познаний, при которой исследование проводится комиссией экспертов, обладающих разными специальностями: клиническими врачами-специалистами (в области, к которой относится дело), судебными медиками, а также, при необходимости, специалистами в области организации здравоохранения, клинической фармакологии. Возможно включение в комиссию эксперта-юриста для оценки формальных процедурных аспектов.

Предметом КСМПЭ является не биологическое тело потерпевшего, а медицинская документация и фактическая модель лечебно-диагностического процесса с целью: установления полной и объективной картины оказания медицинской помощи, определения соответствия каждого этапа этого процесса действовавшим на тот момент клиническим рекомендациям (стандартам), возможностям конкретного медицинского учреждения и уровню современной медицинской науки, выявления конкретных действий (бездействий), отклоняющихся от стандарта, и оценки степени этого отклонения,

установления прямой причинно-следственной связи между выявленными отклонениями и наступившими вредными последствиями.

Важно разграничить КСМПЭ со смежными формами. В отличие от заключения специалиста (ст. 58 УПК РФ), КСМПЭ является следственным действием, а её заключение – самостоятельным источником доказательств (ст. 80 УПК РФ). В отличие от комиссионной судебно-медицинской экспертизы, КСМПЭ носит междисциплинарный характер, выходя за рамки судебной медицины в область клинической практики и медицинского права. По меткому замечанию Л.В. Канунниковой, «традиционная экспертиза отвечает на вопрос “что произошло?”, а комплексная – “произошло ли это из-за нарушения правил и могло ли быть предотвращено?”» [1, с. 145].

Отсутствие прямого упоминания КСМПЭ в УПК РФ создаёт значительные препятствия. Следователи, не имея чёткой процессуальной формы, вынуждены либо назначать несколько отдельных экспертиз (судебно-медицинскую, экспертизу качества медпомощи), чьи выводы могут противоречить друг другу, либо ставить перед судебно-медицинским экспертом вопросы, на которые он не вправе отвечать.

Для устранения этого пробела предлагается следующий комплекс законодательных изменений:

1. Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Дополнить ст. 196 УПК РФ («Обязательное назначение экспертизы») частью 4.1: «По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 109, 118, 124 УК РФ, связанных с осуществлением профессиональной медицинской деятельности, для оценки соответствия действий (бездействия) медицинского работника стандартам медицинской помощи назначается комплексная судебная медико-правовая экспертиза».
Ввести в Главу 27 УПК РФ новую статью 207.1 «Особенности назначения и производства комплексной судебной медико-правовой экспертизы», где закрепить: основания для назначения (сложность оценки медицинского вмешательства), требование к комиссионному и междисциплинарному составу экспертов, примерный перечень вопросов, которые могут быть перед ней поставлены (соответствие стандарту, характер отклонений, причинно-следственная связь, возможность предотвращения вреда).

2. Разработка и утверждение подзаконного нормативного акта (приказ Минюста России, согласованный с Минздравом России и Следственным комитетом РФ) – «Положение о производстве

комплексной судебной медико-правовой экспертизы». В нём необходимо детализировать: требования к квалификации экспертов (наличие высшего медицинского образования по клинической специальности, сертификат специалиста, опыт работы), порядок формирования экспертных комиссий, методику исследования (последовательность анализа медицинской документации, применение клинических рекомендаций, оценка ресурсной базы).

Таким образом, существующая система судебно-медицинской экспертизы не в полной мере отвечает потребностям современного предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о ятрогенных преступлениях. Разрешение ключевых вопросов о виновности медицинского работника требует принципиально иного экспертного инструментария, способного дать интегральную оценку медицинского вмешательства с позиций клинической практики, организации здравоохранения и права.

Легализация комплексной судебной медико-правовой экспертизы путём внесения соответствующих изменений в УПК РФ и разработки подзаконной методической базы является насущной необходимостью. Это позволит повысить объективность и обоснованность следственных и судебных решений, обеспечить состязательность сторон через возможность постановки сторонами адекватных вопросов профильным специалистам и отделить сферу профессионального медицинского риска от уголовно наказуемой халатности на основе научно-экспертных, а не умозрительных критериев.

Список цитируемой литературы:

1. Канунникова, Л.В. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и криминологический анализ : дис. … докт. юрид. наук / Л.В. Канунникова. – Санкт-Петербург, 2018. – 458 с.

2. Назаров, С.В. Доказывание по уголовным делам о профессиональных преступлениях медицинских работников / С.В. Назаров // Законность. – 2021. – № 7. – С. 41-45.

3. Пиголкин, Ю.И. Судебная медицина : учебник для вузов / Ю.И. Пиголкин, А.В. Капустин. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 448 с.

4. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе / Е.Р. Россинская. – Москва : Норма, 2020. – 512 с.

5. Солохин, А.А. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы по делам о профессиональных правонарушениях

медицинских работников / А.А. Солохин // Медицинское право. – 2019. – № 3. – С. 110-115.

Щербатых В.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г.Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М. канд. юрид. наук, доц.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация

В статье рассмотрены понятия «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий», выделаны общие и различительные признаки. Определено значение системы предупреждения подобных противоправных деяний. Проведено разграничение субъективных и объективных признаков правовых явлений «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий».

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, мотив, умысел, последствия, субъективные признаки, объективные признаки.

В системе правовых отношений российского государства такие категории как «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» имеют особое значение, так как именно благодаря отсутствию или наличию данных действий или бездействий в системе отношенийслужащих органов власти или организаций с государственным участием, можно определить соблюдение принципа законности и справедливости данными лицами.

Понятия «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» разъяснены законодателем в положении Уголовного кодекса РФ (УК РФ).

Так, в пункте 1 статьи 285 УК РФ злоупотребление должностными полномочиями определяется как «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и

законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»[1].

Пункт 1 статьи 286 УК РФ определяет понятие «превышение должностных полномочий».

«Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»[1].

С целью обеспечения справедливости в рамках правосудия лиц, совершавших подобные правонарушения, важно понимать главные отличия двух вышеуказанных правовых дефиниций. Главное отличие состоит в том, что при злоупотреблении полномочиями должностное лицо действует в рамках определенных государственным органом или государственным учреждением прав и полномочий, не выходя за их пределы, но при этом ущемляя интересы и права других субъектов правоотношений, организаций и в целом российского государства.

В свою очередь при совершении действий или бездействий, квалифицируемых как превышение должностных полномочий лицо переходит пределы данных ему прав и компетенций с целью удовлетворения своих личных потребностей, не беря в расчет потребности и интересы других членов общества и в целом государства[5, с. 9].

Поэтому можно сказать, главное разграничение — это несоблюдение правовых пределов полномочий, так как при злоупотреблении лицо не нарушает, а при превышении - наоборот выходит за рамки. Но при этом в обоих случаях, своими действиями или бездействиями ущемляет интересы государства и права, данные законом другим субъектам общественных отношений.

Полноценность и многосторонность системы правовых норм, отражённых в законодательных актах по вопросам урегулирования правовых отношений, находящихся в рамках злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий, имеет особое значение для правоприменительной практики, так как именно данные правоотношения непосредственным образом касаются властных и влиятельных действий лиц, представляющих государственных структур различного уровня власти[3, с. 64].

Правовые явления «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» схожи между собой лишь по двум параметрам – это одна категория субъектов, совершаемых противоправные деяния, а также одинаковый круг лиц, в

отношении которых, совершаются данные действия или бездействия – граждане, организации, учреждения в целом государство и общество. При этом различительных признаков намного больше, в которых важно разбираться, чтобы верно квалифицировать совершаемые должностными лицами деяния, представим различительные признаки «злоупотребления должностными полномочиями» и «превышения должностных полномочий» в таблице 1.

Таблица 1

Различительные признаки квалификации деяний «злоупотребления должностными полномочиями» и «превышения должностных полномочий»

Признак	«Злоупотребление должностными полномочиями»	«Превышение должностных полномочий»
Мотив	Обязательное наличие мотива, смысл которого состоит в том, что должностное лицо совершая данное правонарушение действует с целью получения выгоды либо лично для себя, либо для лиц, которые являются для него не посторонними	Мотив не является квалифицирующим признаком для данного деяния
Наличие необходимый полномочий	В данном случае решающее значение имеет факт действия лица в рамках вверенных ему компетенций согласно занимаемой должности	В этом случае же главным образом определяется тот факт, что неправомерное деяние было совершено в рамках компетенций, которая согласно должностным инструкция, не входит в полномочия лица, совершившего данное деяние
Основной ущерб	Преобладающее значение имеет материальный ущерб как последствие злоупотреблениями полномочиями,но нематериальный ущерб также полностью не исключается	В большинстве случаев главным последствием совершения деяний в рамках превышения данных полномочий является нанесение вреда другому человеку или в целом государству. При этом ущерб может носить как материальный, так и нематериальный характер.

Рассматриваемые правовые явления важно вовремя выявлять, останавливать и предупреждать их проявление в общественной сфере отношений, ведь они оказывают пагубное влияние на соблюдение закона и установленных законодателем правовых норм. Следовательно, важно активно бороться с данными правовыми нарушениями как на уровне принятия действенных законодательных актов с целью урегулирования правомочий должностных лиц, так и на уровне наказуемости совершенных противоправных деяний должностными

лицами. Важно сформировать у каждого индивида социума понятие того, что совершение подобных должностных правонарушений неприемлемо, и каждый человек, имеющий статус должностного лица обязан следовать этическим и законным принципам в своей деятельности.

В рамках правового регулирования таких явлений как «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» особое значение имеет выстроенная целостная и действенная система предотвращения подобных преступных деяний, так как именно это позволяет формировать у каждой личности общества максимальное доверие к государственным структурам, которые непосредственно представляют в целом само государство[4, с. 160]. Кроме этого, данное условие является ключевым в развитии правового, справедливого и гармоничного социума в условия российского государства. Чтобы этого добиться требуется сформировать благоприятные условия для осознанного участия каждого человека в общественной жизни для поддержания не только своих личных интересов, но и общественных и государственных, что может быть выражено непосредственным участием человека во внеплановых проверках действий должностных лиц, организованных органами Прокуратуры РФ.

Остановимся подробно на каждом из признаков, начиная с объективных. Первым объективным признаком данных правовых явлений является содержание деяния. Суть злоупотребления должностными полномочиями заключается в том, что лицо использует служебное положение в личных целях либо для нанесения ущерба третьим лицам или государству.

А превышение полномочий наоборот подразумевает осознанное совершение действий, которые выходят за пределы установленной компетенции.

Следующий объективный признак – это последствия, которые определяются судом в рамках положений статей 285 и 286 УК РФ, при этом вред, который несут данные противоправные деяния отдельной личности, обществу или государству может быть материальный или нематериальный. В случае нематериального проявления могут быть нарушены и ущемлены права личности, нарушена в целом работы государственной структуры, соответственно это все противоречит интересам правового государства.

Наиболее значимым объективным признаком, который требует официального подтверждения в судебной инстанции, выступает установление причинно-следственной связи между действиями

должностных лиц и теми последствиями, которые несут вред и угрозы для гармоничного развития общества и государства[2, с. 7].

Теперь рассмотрим субъективные признаки, первым из которых является осознание общественной опасности, то есть лицо, злоупотребляющее должностными полномочиями, осознает, что его действия ли бездействия не преследуют цель установленные ему в соответствии с занимаемой должностью, а преследует личные выгоды, неся вред правам членов общества и законам государства. Что же касается превышения должностных полномочий, то субъект совершаемый данное действе осознает, что он выходит за пределы вверенных ему полномочий и также ущемляет законные права других субъектов общественных отношений и государства.

Следующий субъективный признак – это предвидение последствий, то есть должностные лица, совершающие противоправные деяния, попадающие под регулирование правовых норм статьей 285 и 286 УК РФ, сознают результат своих действий и то, к чему это приводит.

Как правило, субъективный признак проявляется в наличие прямого умысла в совершение превышения или злоупотребление должностными полномочиями, то есть это совокупность осознания общественной опасности и предвидения последствий[6, с. 259].

Подводя итоги можно сказать, что в российском уголовном праве имеются две внешне похожие, но при этом совершенно разные статьи злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. Зачастую действия должностных лиц можно трактовать неправильно. Если речь идет о должностных правонарушениях, а также об отличиях между ними, то необходимо понимать, кто именно выступает в качестве субъекта преступления, а также, в чем выражены объективная и субъективная стороны деяния.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации. : Федер. закон от 13 июн. 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июн. 1996 г. : [ред. от 13 декабря 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

2. Борков, В. Н. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий с учетом форм реализации должностными лицами

государственных функций / В. Н. Борков // Ведомости УИС. – 2023. – №5. – С. 4-11.

3. Боровских, Р. Н. Должностные преступления: учебное пособие для вузов / Р. Н. Боровских, А. В. Чумаков. Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 131 с.

4. Владимирова, Г. Е. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых категорий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» в российской федерации / Г. Е. Владимирова // Юридическая наука. – 2023. – №3. – С. 158-162

5. Прилепова, Ю. П.Проблемные вопросы правоприменительной практики злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий / Ю. П. Прилепова // Universum: экономика и юриспруденция. – 2023. – №2 (101). – С. 7-11

6. Шакиров, Р. М. Некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, сопряженных с причинением тяжких последствий / Р. М. Шакирова // Молодой ученый. – 2022. – № 17 (412). – С. 259-262.